

№ 2 (78)
2021

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск КРИМИНАЛИСТИКА

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 37** *Ищенко Е. П.*
О задачах кафедры криминалистики
в современных условиях
- 45** *Бессонов А. А.*
Использование алгоритмов
искусственного интеллекта
в криминалистическом изучении преступной
деятельности (на примере серийных преступлений)
- 69** *Костюченко О. Г., Волохова О. В.*
Сравнительная характеристика
деятельности специалиста-криминалиста
и следователя-криминалиста

Трибуна молодого ученого

- 162** *Кулакова П. А.*
Зарубежный опыт защиты репродуктивных
прав человека от преступлений

№ 2 (78)
2021

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
КРИМИНАЛИСТИКА

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Уни-

верситета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

КОМИССАРОВА Ярослава Владимировна — доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 30.04.2021 Объем 25,20 усл. печ. л. (14,42 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор	Л. А. Мункеева
Корректор	А. Б. Рыбакова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 2 (78)
2021

Edition
CRIMINALISTICS

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2021

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

KOMISSAROVA Yaroslava Vladimirovna — Associated professor of Department of criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	30.04.2021 Volume: 25,20 conventional printer's sheets (14,42 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	L. A. Munkueva
Proof-reader	A. B. Rybakova
Computer layout	D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	8
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Корма В. Д.	
Информационный аспект следственной деятельности	27
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Образовательная среда	
Ищенко Е. П.	
О задачах кафедры криминалистики в современных условиях	37
Теоретические и практические аспекты криминалистики	
Бессонов А. А.	
Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений)	45
Васильева О. Н.	
К вопросу о признаках картелей и их установлении в процессе доказывания ограничения конкуренции	54
Гайворонская А. А., Холопова Е. Н.	
Особенности тактических приемов допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети Интернет	60
Костюченко О. Г., Волохова О. В.	
Сравнительная характеристика деятельности специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста	69
Кручинина Н. В.	
Роль криминалистики в защите от криминальных рисков вспомогательных репродуктивных технологий	78
Малыхина Е. А.	
Значение технико-криминалистического исследования документов при расследовании хищений объектов железнодорожного транспорта ...	85
Милованова М. М.	
Использование технико-криминалистических средств при выявлении и расследовании нарушений антимонопольного законодательства, связанных с ограничением конкуренции	93
Паршиков В. И.	
О некоторых проблемах разработки и использования алгоритмов расследования отдельных видов преступлений	100
Першин А. Н.	
Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование	108
Халиков А. Н.	
Криминалистика — наука не обвинения и не защиты, а наука, направленная на судебное разрешение уголовных дел	116

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Жижина М. В.

Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе 124

Калинин Р. Э., Баринев Е. Х., Комиссарова Я. В.

Подмена понятий и компетенций в заключениях судебно-медицинских экспертов по «Врачебным делам» как негативная тенденция экспертной, следственной и судебной практики 132

Пичугин С. А.

К вопросу о новых криминалистических методиках установления давности выполнения реквизитов документов 140

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Фролова О. Е.

О языке научного исследования 147

Трибуна молодого ученого

Завьялова Д. В.

Управление, границы и юрисдикция в сети Интернет в контексте расследования преступлений 155

Кулакова П. А.

Зарубежный опыт защиты репродуктивных прав человека от преступлений 162

Мира К. А.

Имущество в виде информационного объекта, имеющего денежный эквивалент, как предмет хищения чужого имущества 170

Попов В. П.

Основы методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам 177

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ

Дайджест мероприятий

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 184

КНИЖНАЯ ПОЛКА 191

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Люблинский П. И.

Памяти трех русских криминалистов: И. Я. Фойницкого, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергеевского (извлечение) 194

Терзиев Н. В.

Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности (извлечение) 212

Громов В. И., Лаговьер Н.

Искусство расследования преступлений (извлечение) 222

ПОСТСКРИПТУМ

«Визитная карточка» на коже, или Подсказка криминалисту 233

Уважаемый читатель!

В этом году коллектив кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отмечает сразу три юбилея. В 1931 г. были образованы Центральные заочные курсы советского права, которые в последующем трансформировались в один из ведущих юридических вузов России. С историей ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА неразрывно связана история кафедры криминалистики, созданной одновременно с открытием заочных курсов 90 лет назад. Бессменным руководителем кафедры с 1997 г. является профессор Е. П. Ищенко, который 23 марта 2021 г. отмечает свое 75-летие.

Евгений Петрович Ищенко родился в селе Оконешкиново Омской области в семье служащего. Рано осиротел, с юности приобщился к труду. В 1963 г. окончил школу сельской молодежи и поступил в Омский политехнический институт на технологический факультет. Получив в 1968 г. диплом инженера, работал по специальности. Но тяга к знаниям оказалась настолько сильна, что, завершая высшее техническое образование, Евгений Ищенко поступил на заочный факультет Свердловского юридического института, а после его окончания в 1971 г. — в заочную аспирантуру.

Что называется «без отрыва от производства», работая следователем, прокурором-криминалистом прокуратуры Омской области, юрисконсультом, Е. П. Ищенко в 1974 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по криминалистике на тему «Синхронная запись звука изображения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел».

Преподавательскую карьеру начал в Киргизском государственном университете (г. Фрунзе). С весны 1975 г. трудился старшим преподавателем, доцентом кафедры криминалистики Свердловского юридического института.

В 1990 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова Евгений Петрович блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений», после чего был назначен заведующим кафедрой уголовного процесса Свердловского юридического института.

На выборах 1993 г. Е. П. Ищенко был избран депутатом Государственной Думы I созыва, затем назначен членом Центральной избирательной комиссии РФ, где на постоянной основе проработал восемь лет. За эти годы он опубликовал свыше 20 работ по избирательному праву, пять из которых — монографического характера.

Среди научных интересов Е. П. Ищенко основными являются проблемы алгоритмизации и программирования расследования, а также смежные с уголовно-процессуальными тактико- и методико-криминалистические аспекты расследования и профилактики отдельных видов преступлений, прежде всего совершаемых в киберпространстве. Им опубликовано свыше 350 научных статей и более 50 работ монографического характера. Его учебник «Криминалистика» для бакалавров и специалистов (СПб., 2013) был переведен на китайский язык и в 2015 г. опубликован в Китайской Народной Республике. Широкой читательской аудитории России Е. П. Ищенко известен как автор множества научно-популярных работ по криминалистике.

Он является членом двух диссертационных советов, членом редакционных советов нескольких журналов. Им подготовлены 33 кандидата и семь докторов наук.

В 1992 г. Е. П. Ищенко было присвоено звание профессора, в 1998 г. — почетное звание заслуженного юриста Российской Федерации, в 2007 г. — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, в 2021 г. — звание «Ветеран МГЮА имени О.Е. Кутафина». Он имеет государственные и общественные награды, в том числе медаль «За содействие» Следственного комитета России.

Коллектив кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) сердечно поздравляет своего руководителя и мудрого наставника с юбилеем!

Желаем Евгению Петровичу Ищенко, а также всем, кто своим трудом укрепляет авторитет вуза, здоровья, бодрости духа, претворения в жизнь самых смелых планов, исполнения надежд!

В этом номере мы знакомим вас, уважаемые читатели, с публикациями сотрудников кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), а также наших коллег — известных ученых и молодых специалистов.

Я. В. Комиссарова,
*ответственный редактор выпуска,
заместитель заведующего кафедрой
криминалистики (по научной работе)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

В МГЮА прошли Козловские чтения

19 февраля 2021 г. в рамках ежегодных Козловских чтений в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла XIX Международная научно-практическая конференция «Конституционная реформа и предмет административного права». Организатором мероприятия выступила кафедра административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Национальная ассоциация административистов. Заседание по традиции было посвящено памяти блистательного ученого-административиста Юрия Козлова, которому в этом году исполнилось бы 96 лет.

С приветственным словом к гостям конференции обратился проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Владимир Синюков.

«Наша конференция — это дань памяти блестящему представителю юридической школы МГУ Юрию Козлову. Тема конференции очень корреспондирует исследованию места административного права в конституционном праве. Административное право — это не отрасль, а пространство, достижение советской науки. Предмет административного права — государственное управление, административная юстиция и правопорядок. Сейчас этот предмет нуждается в новом понимании, а мы нуждаемся в фундаментальной

отраслевой науке, которая бы смотрела на то, что происходит в смежных научных отраслях. Административная сфера — это некий “драйвер”, который все поглощает, все охватывает и имеет тенденции к расширению. Чтобы понимать российское административное право — надо читать книги Юрия Козлова, Льва Попова, Бориса Россинского, потому что это люди, которые рассматривают административное право одновременно глобально и инструментально, практически», — заявил во вступительном слове Владимир Синюков.

В продолжение темы о выдающихся исследователях юридической доктрины Владимир Синюков вручил

¹ URL: <https://msal.ru/news/>

присутствовавшему в зале Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Льву Попову в связи с 90-летием ведомственную награду Министерства внутренних дел РФ.

Президент Национальной ассоциации административистов, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Лев Попов поблагодарил проректора по научной работе МГЮА за почетную награду и также отметил вклад Юрия Козлова в развитие правовой науки.

«В нашем Университете память Юрия Марковича Козлова жива, и мы часто вспоминаем и обращаемся к его трудам на нашей кафедре. Сейчас появилось понятие публичного управления, и Юрий Маркович обязательно бы что-то написал на эту тему», — подчеркнул Лев Попов.

Профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, член Совета Национальной ассоциации административистов, заслуженный юрист РФ Борис Россинский посвятил свое исследование теме «Развитие представлений о предмете административного права».

Вице-президент Национальной ассоциации административистов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Юрий Тихомиров выступил с докладом на тему «Конституционные основы преобразующей роли государственного управления».

Правовые аспекты введения цифрового рубля

18 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) уже во второй раз прошел финансово-правовой форум «Цифровая валюта Центрального банка: правовые аспекты», организованный кафедрой финансового права МГЮА и Центральным банком России.

Открывая мероприятие, первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Грачева отметила, что тема дискуссии была предложена Центральным банком России и обусловливается тем, что Банк России нацелен на совершенствование системы денежного обращения, ее соответствие меняющимся потребностям граждан и бизнеса, а также на внедрение инноваций как на финансовом рынке, так и в экономике в целом.

«Учитывая, что введение цифрового рубля станет значимым событием для экономики и общества в целом, принципиально важно обсудить ключевые аспекты, преимущества, возможные риски, этапы и сроки реализации проекта

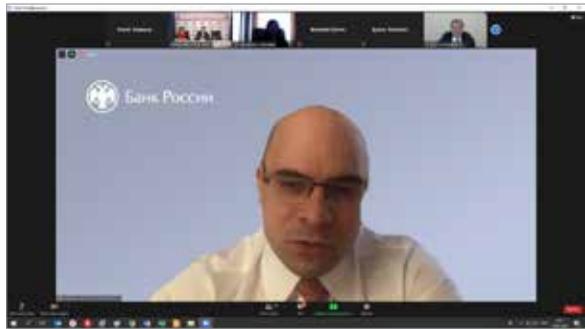

цифрового рубля как совместно с профессиональными участниками финансового рынка, экспертами, так и со всеми заинтересованными сторонами», — подчеркнула проректор.

Среди участников мероприятия, обратила внимание Елена Грачева, не только представители финансово-правовой сферы, но также и юристы других отраслей права, экономисты, представители других областей научной мысли.

Проректор по научной работе МГЮА Владимир Синюков, в свою очередь, выразил уверенность, что единая система денежного обращения, объединяющая три формы российского рубля — наличную, безналичную и цифровую, будет в полной мере удовлетворять современные потребности экономики и открывать новые возможности для ускоренного внедрения инноваций в финансовом и реальном секторах.

«Цифровой рубль сможет совместить в себе преимущества и наличных, и безналичных денег», — заключил ученый.

С основным докладом на форуме выступил заместитель председателя Центрального банка России Алексей Заботкин. Он рассказал, что цифровой рубль задумывается Банком России не как замена наличной или безналичной валюты, а как дополнительный платежный инструмент. Он будет обязателен к приему на всей территории России в качестве платежного средства и будет конвертироваться в соотношении 1 цифровой рубль = 1 рубль. Банк России будет эмитировать их на собственной цифровой платформе, конфигурацию которой еще предстоит определить.

О технических тонкостях проекта участникам форума рассказал директор Департамента финансовых технологий Центрального банка РФ Иван Зимин. Он также осветил мировой опыт в данной сфере: по его данным, уже более 60 финансовых регуляторов из разных стран изучают данную тему, лидерами здесь являются не только Китай, но и Швеция, а также Евросоюз. Говоря о выборе технологии для выпуска и оперирования цифровым рублем, Иван Зимин отметил, что сейчас в поле зрения Банка России более 5 технологий, и выразил мнение, что российские разработчики имеют весь необходимый потенциал, чтобы справиться с этой задачей.

О правовых подходах к будущему выпуску цифрового рубля рассказал директор Юридического департамента Банка России Алексей Гузнов. Он отметил, что *«это большой многоаспектный вызов, который касается большинства отраслей права и на который предстоит найти ответ юридической науке».*

Живой интерес слушателей вызвал доклад заместителя начальника информационно-аналитического управления Главного организационно-аналитического управления, начальника отдела аналитического обеспечения Генеральной прокуратуры РФ, преподавателя кафедры уголовного права МГЮА Дениса Кунева. Он обратил внимание собравшихся на уголовно-правовые аспекты, возникающие в связи с предстоящим выпуском цифрового рубля, и предложил заранее предусмотреть в законодательстве все риски, связанные с киберпреступностью. Так, по его словам, сейчас наблюдается взрывной рост кибервымогательства,

кибермошенничества и других преступлений, совершенных либо в сфере IT, либо с использованием IT.

Заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий МГЮА Алексей Минбалеев также высказал мнение, что законодателям необходимо найти новый правовой формат для цифрового рубля, поскольку он является, с одной стороны, имуществом и, соответственно, объектом гражданского права, а с другой — объектом действия цифрового и информационного права, поскольку по своей сути цифровой рубль может рассматриваться как некий набор информации, или информационный код.

IP Форум: экология и интеллектуальная собственность

12 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) дан старт IX Международному IP Форуму «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики».

Ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев отметил, что IP Форум — это традиционная площадка, на которой обсуждаются проблемы интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав.

«В мероприятиях форума принимают участие не только юристы, поскольку проблемы интеллектуальной собственности объединяют специалистов разных направлений», — сказал он.

Рассказывая о панельных дискуссиях форума, ректор также акцентировал внимание на стратегической сессии, которая посвящена снятию правовых барьеров, существующих в сфере интеллектуальной собственности и интеллектуальных прав.

«Каждый из участников найдет здесь свою тематику, и я думаю, что это даст творческий толчок. А при подведении итогов форума у нас будут сформулированы определенные рекомендации с точки зрения совершенствования законодательства», — заключил он.

В 2021 г. IP Форум организуется Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (кафедрой интеллектуальных прав) при поддержке Министерства высшего образования и науки Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам.

Председатель Суда по интеллектуальным правам, заведующий кафедрой интеллектуальных прав МГЮА Людмила Новоселова отметила, что IP Форум привлекает внимание не только представителей научного сообщества, но и тех, кто непосредственно реализует нормы гражданского и иного законодательства в сфере интеллектуальной собственности:

«В рамках нашего форума хотелось бы показать, что эта связь очень важна. Даже IP может сделать многое для защиты экологии и охраны природы планеты. Достаточно сказать о такой теме, как зеленые патенты — это технологии, направленные на ресурсосбережение. Этой теме не очень много внимания уделяется в научных разработках, и ее упускают законодатели».

Как отметила председатель Суда, опыт Китая показывает, что в 2015 г. страна стала лидером по регистрации экологически дружелюбных патентов и для них предусмотрена система упрощенной регистрации. Надо более внимательно посмотреть на опыт, который есть в данной сфере, и реализовать его в жизнь, сообщила она.

В рамках форума проведена стратегическая сессия, организованная совместно с Департаментом инноваций и перспективных исследований Минобрнауки России, при участии Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов, по тематике правовых барьеров развития инноваций в России. Особое внимание уделено вопросам интеллектуальных прав с точки зрения трендов в профессии, организованной совместно с компанией Moscow-Lawyers.

Заместитель директора Департамента инноваций и перспективных исследований Министерства науки и высшего образования РФ Виктор Калинин, выступая с приветственным словом, акцентировал внимание участников на необходимости разработки проектов нормативных правовых актов в целях обеспечения реализации изменений, внесенных в Гражданский кодекс РФ, которые затронули в том числе и его четвертую часть.

Ректор Швейцарской академии международного права (Swiss Academy for International Law), член Президиума, председатель Комиссии АЮР по правовым вопросам современных интеграционных процессов с участием Российской Федерации Алексей Клишин, в свою очередь, рассказал о новой магистерской программе «Магистр в сфере интеллектуальной собственности», которая будет реализовываться совместно с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Набор на программу откроется в 2021—2022 г.

В адрес организационного комитета и участников форума также поступили приветствия от директора российского представительства Всемирной организации интеллектуальной собственности Павла Спицына и председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Лилии Гумеровой.

Правовые барьеры для развития инноваций в России

12 февраля 2021 г. в рамках IX Международного IP Форума «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» состоялась стратегическая сессия «Правовые барьеры развития инноваций в России». Мероприятие было организовано Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с Департаментом инноваций и перспективных исследований Министерства науки и высшего образования РФ при участии Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов.

Дискуссия прошла в формате круглого стола, где собрались эксперты из разных областей знаний для обсуждения вопроса интеллектуальной собственности в сфере инноваций.

Приветственное слово взяла председатель Суда по интеллектуальным правам, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Людмила Новоселова. Она акцентировала внимание на актуальности вопроса

правовых барьеров в области инноваций, которые в наше время стоят достаточно остро.

«Один из очевидных барьеров в развитии инноваций — это вопрос учета объектов интеллектуальных прав в научных и исследовательских учреждениях. Мы уже неоднократно в рамках наших круглых столов отмечали, что учет результатов интеллектуальной деятельности, которые создаются в наших научных учреждениях и организациях, даже в том случае, когда результаты создаются за счет государственного финансирования, катастрофически плох», — выразила беспокойство спикер.

По мнению Людмилы Новоселовой, нашей стране необходима единая административная система принятия решений в сфере правовой защиты интеллектуальной собственности.

Виктор Калинин, заместитель директора Департамента инноваций и перспективных исследований Минобрнауки России также выступил с приветственной речью.

«На сегодняшний день наиболее очевидным способом решения задач по гармонизации решений, связанных со снятием правовых и иных барьеров для развития интеллектуальной собственности, увеличения вклада интеллектуальной собственности в экономику, является механизм трансформации делового климата. “Дорожная карта” трансформации, которая была утверждена в августе прошлого года, на сегодняшний день фактически исполнена на одну треть», — рассказал представитель Минобрнауки РФ.

Виктор Калинин акцентировал внимание на том, что отсутствие внимательности исследователей и их руководителей к вопросу защиты интеллектуальной собственности тоже оказывает существенное влияние на развитие технологий. Он также подчеркнул, что по результатам проведенного заседания будут составлены рекомендации для решения вопросов защиты права интеллектуальной собственности.

IP Форум — традиционная дискуссионная площадка, ставшая знаковым событием в сфере правового регулирования интеллектуальных прав.

IP Форум организуется кафедрой интеллектуальных прав МГЮА совместно с Министерством высшего образования и науки РФ и Судом по интеллектуальным правам РФ.

Вопросы защиты прав должников и кредиторов при банкротстве

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Законодательный мораторий и судебная рассрочка как вектор развития реабилитационных процедур». Организатором мероприятия выступила кафедра предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Руководили конференцией заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник юстиции Российской Фе-

дерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ Инна Ершова, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент Екатерина Енькова и старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, адвокат Сергей Галкин.

В начале конференции Екатериной Еньковой был представлен учебник для магистратуры и аспирантуры «Правовое регулирование банкротства», вышедший в издательстве «Проспект» в конце 2020 г., а также анонсировано создание на базе кафедры стратегической академической единицы «Центр правовых исследований банкротства».

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Инна Ершова, которая подчеркнула важность и актуальность обсуждаемой проблематики, необходимость ее комплексного и междисциплинарного исследования.

«Основные авторы — это преподаватели кафедр предпринимательского и корпоративного права МГЮА, а также наши коллеги с других кафедр МГЮА. Важно, что в нашем учебнике отражены главы, написанные авторами-практиками. Пособие предназначено для магистрантов, но будет интересно широкому кругу лиц, поскольку в нем сочетается доктрина и практика, авторство ученых и молодых специалистов», — сообщила Инна Ершова.

В конференции приняли участие более 50 человек, среди них ведущие представители науки предпринимательского права, конкурсного права, гражданского процессуального права, а также практикующие юристы.

Новые традиции российской юридической науки

8 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялся Международный круглый стол «Новые традиции российской юридической науки». Организаторами мероприятия выступили Научно-исследовательский институт и Центр права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий, который возглавляет Мария Захарова, доктор публичного права, член-корреспондент Международной академии сравнительного права.

Открывая круглый стол, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков подчеркнул, что мероприятие приурочено ко Дню российской науки.

«В этом году особенную знаменательность этот день приобретает в связи с тем, что 2021 год объявлен Президентом России Годом науки и технологий, и это очень важно для всего научного сообщества», — сказал проректор.

По его мнению, наука — основной источник повышения благосостояния и развития общественных отношений, экономики и инновационных исследований.

«Развитие науки зависит во многом от развития государства и права. Вызовы современного мира требуют от общества эффективной государственности и совершенного законодательства, стабильного гражданского оборота — проблемы, над которыми в том числе работает МГЮА», — заявил он.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев, который акцентировал внимание на растущей востребованности ученых.

«Наши коллеги вносят вклад не только в развитие традиционных направлений, но и в развитие концепций, отвечающих новым вызовам, к которым

мы активно подключились», — отметил ректор.

По мнению руководителя вуза, в такой праздничный день необходимо особо отметить тех, кто активно развивает науку в рамках Университета. Благодарностями за вклад в развитие юридической науки и в связи с Годом науки и технологий были отмечены заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА Инна Ершова, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Наталья Жаворонкова, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Лидия Воскобитова, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Алексей Минбалева, заведующий кафедрой медицинского права Александр Мохов, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз Елена Россинская, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Сергей Кашкин, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Никита Лютов, заведующий кафедрой налогового права Дарья Мошкова, профессор кафедры интеграционного и европейского права Пауль Калинин, профессор кафедры уголовного права Иван Клепицкий, профессор кафедры административного права и процесса Юрий Степаненко, доцент кафедры гражданского права Олег Гринь, директор Центра права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий Мария Захарова, доцент кафедры иностранных языков Александр Логинов.

Первый проректор МГЮА Елена Грачева, обращаясь к ученым, отметила, что не перестает удивляться их трудолюбию и креативному отношению к жизни.

«Вы занимаетесь образовательной, научной и воспитательной деятельностью, умудряетесь все успевать, спасибо за то, что вы есть и за ваш труд», — поблагодарила профессор. Также, по ее мнению, знаменательно, «что мы возвращаемся к временам, когда наука выходит на первые позиции, что подчеркивает наш вклад в развитие науки в целом».

Владимир Синюков рассказал о научно-исследовательской деятельности Университета, инновациях российской юридической науки, направлениях научных исследований в различных областях права, знаковых научных проектах Университета.

«Специфика образовательного процесса в МГЮА состоит в том, что он базируется на прочной научной основе», — заключил проректор.

Своими наблюдениями о вехах развития российской юридической науки поделился доктор юридических наук, профессор Университета штата Пенсильвания (США), почетный профессор Университета Лондона (Великобритания) Уильям Эллиот Батлер.

В своем выступлении ученый акцентировал внимание на изменениях, которые пережила российская правовая система за последние годы.

Профессор подчеркнул, что общая теория государства и права имеет колоссальное значение для правовой системы, законотворчества, обучения студентов, назначения судей, всей структуры юридического образования и что российская правовая теория продолжает отвечать главным образом на российские вызовы и реалии.

«Я знаю, что Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) запустил программу “инновационная юриспруденция”, которую можно назвать необычайно творческим, вдохновляющим и новаторским начинанием. Однако за границей также существует концепция “инновационной” юриспруденции, которая возникла недавно и применяется гораздо хуже. В некоторых аспектах эти концепции совпадают, но английский термин до сих пор использовался только в области судебной науки и уголовного правосудия. Российская концепция намного шире, но может также включать и западный подход», — резюмировал доктор Батлер.

Также ученый отметил вклад Олега Кутафина в развитие российского права и образования.

Свое видение современного профессора представила заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА Инна Ершова, которая привела определения слова «профессор» из словарей В. И. Даля и С. И. Ожегова.

Владимир Пржиленский, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии МГЮА, главный научный сотрудник Центра права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выступил с докладом «Междисциплинарность — основа инновационной юриспруденции».

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, заместитель декана юридического факультета по международной деятельности Казанского федерального университета Рустем Давлетгильдеев рассказал о новой традиции российской юридической науки на основе правового регулирования интеграционных процессов. По его словам, вопросы правового регулирования интеграционных процессов — одно из направлений научных исследований, которое вышло на качественно новый уровень.

Также с докладами выступили заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Кашкин, заведующий кафедрой налогового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Дарья Мошкова, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Максим Воронин, старший научный сотрудник Института философии РАН, старший научный сотрудник Центра права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических

технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Шевченко, доцент кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Некотенева, заместитель заведующего кафедрой практической юриспруденции Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший научный сотрудник Центра права и биоэтики в области геномных исследований и применения генетических технологий Дарья Пономарева и др.

Участники круглого стола обсудили также вопросы российской юридической науки последнего десятилетия и инновационной юриспруденции.

Роль философии в юридической науке

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло научное мероприятие в рамках инициативного проекта кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) «Философские беседы о праве». Модерировал дискуссию заведующий кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических и философских наук, профессор Олег Рыбаков.

На круглом столе с докладом выступил научный руководитель Высшей школы права (ВШП) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, лауреат премии Ф. Ф. Мартенса Владислав Толстых. Ученый посвятил свое исследова-

ние теме «Мифологическая структура международного права».

В мероприятии приняли участие зарубежные ученые, в том числе из Германии и Республики Беларусь. Российскую Федерацию представляли известные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Саратова, Екатеринбурга, Владивостока. На встрече с докладами также выступили преподаватели кафедры философии и социологии МГЮА: профессора Вячеслав Артемов, Владимир Пржиленский, Светлана Фролова, доценты Максим Беляев и Магомед Гунибский.

Новеллы национального и международного космического права

2 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла Международная научно-практическая конференция «Право и космос: актуальные проблемы и мировые тренды».

Организаторами выступили Управление международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра международного права Российского университета дружбы народов, кафедра международного права МГИМО (Университета) МИД России, Высшая школа права МГЮА и Международный союз юристов и экономистов (Франция).

В рамках мероприятия работали три панельные секции, где рассматривались общие проблемы правового режима космической деятельности, новеллы национального и космического права, а также правовые аспекты безопасности космической деятельности.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась начальник Управления международного сотрудничества МГЮА Мария Егорова, которая отметила, что данное мероприятие — вклад в развитие нормативно-правового регулирования космоса как на национальном, так и на международном уровнях. Также организатор подчеркнула, что активное участие представителей РУДН совместно с МГЮА и МГИМО (У) представляет собой объединение потенциала трех ведущих вузов, что будет способствовать концентрации научного потенциала, способного решать крупные государственные задачи в сфере космической деятельности.

Также с приветственным словом обратились исполнительный директор по пилотируемым космическим программам Государственной корпорации «Роскосмос», действительный член Российской академии космонавтики имени К. Э. Циолковского Сергей Крикалев и первый проректор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России Геннадий Толстопятенко.

Научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, президент Российской ассоциации международного права Анатолий Капустин, обращаясь к слушателям, акцентировал внимание на активизации правового регулирования космической деятельности международными, в том числе региональными, организациями и на усилении значения частного сектора и частноправового регулирования в этой сфере.

О вопросах разработки ресурсов небесных тел рассказал научный руководитель Института космических исследований РАН, заместитель председателя Совета по космосу РАН, действительный член Международной академии астронавтики, академик РАН Лев Зеленый.

Тематику освоения ресурсов небесных тел продолжил заведующий кафедрой международного права РУДН, заслуженный юрист РФ, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, член Международного института космического права Аслан Абашидзе. Он остановился на международно-правовом и национально-правовом подходах в части актуальной проблематики освоения ресурсов.

Доктор права, адвокат по вопросам гражданского и экологического права, профессор международного права юридического факультета Университета Пегасо (Италия) Мишель Корлето выступил с докладом «Право и космос: актуальные проблемы и тенденции мирового развития». В своем выступлении ученый рассмотрел вопрос использования космических ресурсов с точки зрения международного права.

С докладами выступили директор Центра научной дипломатии Учебного и научно-исследовательского института ООН (UNITAR) Пол Берман, заместитель директора Института сравнительного публичного права и международного права Макса Планка (Гейдельберг, Германия) Маттиас Хартвиг и др.

На конференции были рассмотрены общие проблемы правового режима космической деятельности, новеллы национального космического права, правовые аспекты безопасности космической деятельности и многие другие вопросы.

В МГЮА прошла международная конференция по академическому партнерству

18 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла Международная конференция «Академическое партнерство как форма международного сотрудничества». Организатором мероприятия выступило Управление международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) с партнерским участием французского Университета Лион 2 Люмьер, Неаполитанского университета имени Федерико II, французского Университета Клермон-Оверни, Поморской академии в польском городе Слупске, индийского Юридического колледжа Нари Гурсахани (NGLC), испанского Наваррского университета, а также Российского центра науки и культуры в Мумбаи (Индия).

С вступительным словом к участникам конференции обратился проректор по международному сотрудничеству Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Дмитрий Кутафин. Приветствуя гостей, он подчеркнул, что тема мероприятия связана с вызовами времени, продиктованными пандемией, и пожелал коллегам и партнерам продуктивной и содержательной работы.

«У нас на повестке дня много вопросов в области науки и образования, например организация учебного процесса за рубежом. Границы еще закрыты, но про-

граммы академической мобильности все равно нужно реализовывать. Кризис, вызванный пандемией, не только негативен, но он имеет и положительные проявления. У нас появились новые коллеги и партнеры», — сказал Дмитрий Кутафин.

Проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Мажорина также обратилась к присутствующим с приветственными словами.

«Пандемия привела к переосмыслению и поиску новых практик, которые в условиях дистанцирования позволили бы нам укрепить связи с нашими российскими и зарубежными партнерами и коллегами. Пандемия привела к переосмыслению академической мобильности, сетевого взаимодействия и многих других форм связи между научными работниками и представителями образовательной сферы. В условиях пандемии академические связи укрепились, люди стремились к более тесному сотрудничеству. Нас объединяет любовь к профессии, науке, образовательному процессу», — отметила Мария Мажорина.

Начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Мария Егорова подчеркнула, что мероприятие впервые носит такой формат обсуждения образовательной деятельности и международных связей, особенно приятно, что оно проводится в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Участников конференции также поприветствовал Дариуш Шпопер, проректор по научной работе Поморской академии в Слупске (Польша).

Выступление Сергея Фандеева, заместителя руководителя Россотрудничества в Индии, директора Российского центра науки и культуры в Мумбаи, было посвящено барьерам и основным проблемам сотрудничества между академическими учреждениями.

Директор Центра академического развития и образовательных инноваций Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук Владимир Никишин принял участие в мероприятии с докладом-презентацией на тему «Онлайн и дистанционное обучение: перспективы международного сетевого взаимодействия».

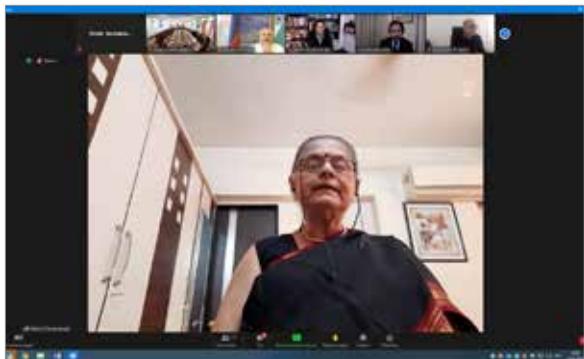
Многочисленные зарубежные гости конференции подготовили свои исследования на различные темы, а также поделились опытом с коллегами.

Декан юридического факультета Университета Лион 2 Люмьер Гийом Протьер рассказал о проблемах французских университетов в период дистанционного обучения.

В ходе дискуссии по инициативе Пьера Шабалья, доктора политических наук из Института международных отношений политических исследований, доктора политических наук из Гренобльского института политических исследований, участники обсудили сложности проведения экзаменов в онлайн-формате.

Директор факультета политических наук Неаполитанского университета Федерико II, доктор политических наук, Витторио Амато в рамках своего выступления

обратил внимание на возрастающую роль политологических исследований в процессе интернационализации научной деятельности.

Профессор уголовного процесса факультета юридических, философских, экономических исследований Римского университета Сапиенца Марио Антинуччи в своем выступлении осветил стратегию и роль международного научного сотрудничества в общемировом контексте, а также на примере Римского университета Сапиенца.

Профессора трудового права и права социального обеспечения Наваррского государственного университета Беатрис Родригез Санз Де Гальдеано и Джулен Лоренс Эспада поделились опытом межуниверситетского сотрудничества в период пандемии в Испании.

МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

Ученый совет МГЮА утвердил отчет о деятельности научного блока Университета

26 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось заседание Ученого совета, в рамках которого были обсуждены предстоящие мероприятия, посвященные 90-летию вуза, и научно-исследовательская деятельность.

Открыл заседание Ученого совета ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев. Он тепло поздравил с днем рождения февральских юбиляров МГЮА: начальника Управления бухгалтерского учета и финансового контроля — главного бухгалтера Университета Наталию Кирсанову и заведующего кафедрой физического воспитания МГЮА, профессора Виктора Кузнецова. Виктор Блажеев вручил юбилярам медали «За заслуги перед МГЮА».

Отметил глава МГЮА и горестную утрату для вуза.

«Печальное событие этого месяца — 11 февраля ушел из жизни профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина, заслуженный юрист России, доктор юридических наук, известный ученый Валерий Невинский. Это невосполнимая потеря, Валерий Валентинович многое сделал для нашего Университета и для всей правовой науки. Мы все скорбим в связи с такой утратой», — сказал Виктор Блажеев. Члены Ученого совета почтили память коллеги минутой молчания.

Первый проректор МГЮА Елена Грачева поздравила студентов с тем, что команда заняла второе место в Модели суда по интеллектуальным правам.

Подготовкой команды занимались доцент кафедры правового моделирования МГЮА Олеся Засемкова и аспирант кафедры интеллектуальных прав МГЮА, младший юрист практики по интеллектуальной собственности компании Bryan Cave Leighton Paisner Даниил Бетуганов

Елена Грачева вручила студентам памятные подарки. Еще одна команда студентов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отметилась в Конкурсе по арбитражу корпоративных споров имени В. П. Мозолина, тренером которой выступила доцент кафедры правового моделирования Олеся Засемкова.

Общее руководство подготовкой команд осуществляла заведующий кафедрой правового моделирования, доцент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Яна Алимova.

Исполняющий обязанности директора Научно-исследовательского института МГЮА Олег Кудряшов представил членам Ученого совета отчет о научно-исследовательской деятельности за 2020 г. и наметил векторы развития университетской науки.

«Приоритетными направлениями научно-исследовательской деятельности в 2021 г. являются повышение публикационной активности и престижа научных изданий, публикаций профессорско-преподавательского состава, участие в конкурсах государственных и негосударственных организаций, компаний и фондов, участие в проектах и программах, направленных на решение социально значимых проблем, развитие инновационной деятельности, расширение и укрепление сотрудничества с предприятиями реального сектора экономики, организациями — заказчиками научно-исследовательских услуг», — пояснил Олег Кудряшов.

Свою часть отчета о научно-исследовательской деятельности представила научный руководитель НИИ МГЮА Наталья Соколова, она также рассказала о подготовке к юбилею Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

«Университетская наука — это национальный приоритет и “точка роста”», — акцентировала внимание она.

В своем выступлении научный руководитель НИИ остановилась на аспектах интеграции науки и образования в ключе привлечения студентов к научным изысканиям, а также к коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

«Молодежная научная деятельность выявляет талантливых студентов и позволяет Университету привлекать к научной деятельности этих студентов и поощрять их», — подвела итог Наталья Соколова.

Кроме того, на Ученом совете Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) были утверждены темы диссертаций и учебные планы основных профессиональных образовательных программ высшего образования — программ специалитета и программ магистратуры, разработанных для реализации образовательных программ набора 2021 года.

В МГЮА прошло первое заседание ФУМО СПО в обновленном составе

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошло первое заседание федерального учебно-методического объединения в системе среднего профессионального образования (ФУМО СПО) по укрупненной группе профессий и специальностей 40.00.00 «Юриспруденция» под руководством проректора по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Марии Мажориной.

На заседании были утверждены обновленный состав, структура ФУМО СПО, а также план работы на 2021 год. Участниками были сформированы рабочие группы, определены наиболее востребованные направ-

ления деятельности.

В начале заседания проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель ФУМО СПО по УГПС 40.00.00 «Юриспруденция» Мария Мажорина обратила внимание на важность предстоящей работы и пожелала процветания всем учебным заведениям, которые готовят будущее поколение профессиональных работников.

«Мы надеемся внести существенный вклад в развитие системы СПО, столь востребованной сегодня. Мы поставили для себя задачи, обусловленные вызовами времени, серьезными изменениями российского законодательства, проектируемыми профессиональными стандартами. От эффективности нашей совместной работы зависит качество образования в нашей стране. ФУМО СПО — это, своего рода коллективный разум профессионалов, который призван облегчать нашу работу путем выработки взвешенных унифицированных решений и рекомендаций», — обозначила задачи ФУМО СПО Мария Мажорина.

В рамках совещания выступили также руководители рабочих групп ФУМО СПО, обозначив планы и перспективы деятельности на 2021 год.

НАГРАЖДЕНИЯ

Стипендия имени Анатолия Собчака: знак высшего отличия

18 февраля 2021 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла торжественная церемония присуждения стипендий имени Анатолия Собчака.

В церемонии приняли участие президент Фонда Анатолия Собчака, член Совета Федерации Людмила Нарусова и проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Владимир Синюков.

Открывая мероприятие, Владимир Синюков напомнил присутствующим об Анатолии Собчаке и о его вкладе в формирование российской государственности,

а также отметил, что лауреаты стипендии представляют собой элиту юриспруденции.

«Стипендия имени Анатолия Собчака — знак высшего отличия ваших академических успехов», — подчеркнул проректор.

Стипендии имени А. А. Собчака ежегодно назначаются десяти студентам, обучающимся за счет федерального бюджета по образовательным программам высшего образования по очной форме по специальностям или направлениям подготовки, соответствующим укрупненной группе специальностей или направлений подготовки «Юриспруденция».

Людмила Нарусова, обращаясь к студентам, обратила внимание на то, что награждение стипендиатов именно в стенах МГЮА торжественно вдвойне, ведь Олег Кутафин и Анатолий Собчак *«были не только единомышленниками и коллегами, но и близкими друзьями»*.

Кроме того, президент Фонда отметила, что Анатолий Собчак всегда поддерживал инициативы своих соратников из числа молодежи:

«В своей деятельности Анатолий Александрович всегда опирался на молодых, на вчерашних студентов и аспирантов. На людей, не скованных идеологическими догмами, умеющих самостоятельно мыслить, не связанных какими-то обязательствами перед существующей системой. Он считал, что на благо будущего должны работать те, кому предстоит жить в этом будущем», — заключила сенатор.

В этом году стипендии получили студент Национального исследовательского Томского государственного университета Алена Грищенко, студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия Владислав Жемеров, студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых Ирина Кирова, студент Волгоградского государственного университета Мария Коваленко, студент Пензенского государственного университета Кристина Крылова, студент

Северо-Восточного государственного университета имени М. К. Аммосова Кристиан Куприянов, студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Юлия Мухина, студент Саратовской государственной юридической академии Дарина Пантелеева, студент Дальневосточного федерального университета Никита Рогожкин и студент Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России Даниил Чугунов.

ВСТРЕЧИ В БИБЛИОТЕКЕ УНИВЕРСИТЕТА

В центре внимания правовые аспекты семейного бизнеса

15 февраля 2021 г. в Библиотеке Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась презентация проекта кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА — серии коллективных монографий, посвященных семейному бизнесу. В серию вошли монографии «Семейный бизнес в правовом пространстве России», «Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании», «Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства». Монографии представили ответственные редакторы: заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА, профессор Инна Ершова и профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА Анатолий Левушкин.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Детальное совершенствование процесса доказывания связано с теоретическим осмыслением сложных зависимостей между возникновением информации о преступлениях, тактикой их получения и процессуальной природой судебных доказательств. В последние годы криминалистическая информация, ее виды все чаще становятся предметом исследования в научных работах по уголовному процессу, криминалистике и оперативно-розыскной деятельности. Анализ их содержания показывает, что существуют общие проблемы методологического характера в определении понятия и уяснения сущности криминалистической информации, ее видов как средства борьбы с преступностью. До настоящего времени в уголовном процессе, криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности нет однозначного определения понятий «криминалистическая информация», или «криминалистически значимая информация», «доказательственная информация», «розыскная информация», «оперативно-розыскная информация», «ориентирующая информация». Не освещены в достаточной мере технологические особенности информационных процессов, которые лежат в основе познавательной деятельности, направленной на раскрытие преступлений. Разнообразие подходов или их отсутствие при осмыслении данных категорий отрицательным образом сказывается как на научно-исследовательской, так и на практической деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. В этом ракурсе комплексно рассмотрена указанная дефиниция. **Ключевые слова:** криминалистическая информация, ориентирующая информация, доказательственная информация, розыскная информация, оперативно-розыскная информация, дезинформация, источники криминалистической информации, информационные процессы.

**Василий Дмитриевич
КОРМА,**

профессор кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
v.d.korma@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.027-036

V. D. KORMA,

Professor of the Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
v.d.korma@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

INFORMATION ASPECT OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Abstract. The detailed improvement of the proof process is related to the theoretical understanding of the complex relationships between the occurrence of information about crimes, the tactics of obtaining them, and the

© В. Д. Корма, 2021

procedural nature of judicial evidence. In recent years, forensic information and its types have increasingly become the subject of research in the field of criminal procedure, criminology and operational investigative activities. Analysis of their content shows that there are General methodological problems in defining the concept and understanding the essence of forensic information, its types as a means of fighting crime. To date, there is no clear understanding of the concepts of "forensic information" or "criminally significant information", "evidentiary information", "investigative information", "operational-search information", "orientation information" in criminal proceedings, criminalistics and the theory of operational-search activity. The technological features of information processes that are the basis of cognitive activity aimed at solving crimes are not sufficiently covered. The diversity of approaches or their absence in the understanding of these categories negatively affects both research and practical activities to identify, solve and investigate crimes. In this perspective, the specified definition is considered comprehensively.

Keywords: *forensic information, guidance information, evidentiary information, investigative information, operational investigative information, disinformation, sources of criminalistic information, information processes.*

В статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Здесь же дается определение документированной информации — зафиксированная на материальном носителе посредством документирования информация с реквизитами, позволяющими определять такую информацию или в установленных законодательством РФ случаях ее материальный носитель.

В юридической литературе общее определение понятия информации базируется на философской категории отражения как всеобщего свойства материи. По этому поводу А. Д. Урсул отмечает: «Категория отражения оказалась тем ключом, который позволил открыть тайну природы информации; именно эта философская категория оказалась методологически плодотворной для проникновения в ее сущность; только категории диалектико-материалистической философии позволяют давать адекватную интерпретацию понятиям, рожденным современной научно-технической революцией»¹.

В уголовном судопроизводстве выделяют два класса информации: 1) информация, которая содержится в следах познаваемого по уголовному делу события, связана с отражением этого события и является объектом поиска и средством познания; 2) информация, которая содержится в правовых и иных социальных источниках, но не связана с процессом отражения познаваемого деяния и имеет организационно-управленческую направленность².

¹ Урсул А. Д. Отражение и информация. М. : Мысль, 1973. С. 114.

² Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений : курс лекций. М. : ИМПЭ-ПаблИш, 2004. С. 58.

В криминалистической литературе рассматривались понятия информации, ее видов (доказательственная информация, оперативная информация, оперативно-розыскная информация, дезинформация, криминалистическая информация или криминалистически значимая информация), различные аспекты и параметры ее оценки (достоверность и вероятность, общность и конкретность, определенность и неопределенность, количество и качество, принадлежность, ценность и т.д.).

Так, Н. С. Полевой понимает информацию в широком смысле, как «то, что может быть воспринято познающим субъектом или техническим устройством, и тем самым она как бы отделена от ее первоисточника — отображения источника объекта познания; она может быть перенесена в пространстве, сохранена во времени, передана другому познающему субъекту или техническому устройству, подвергнута другим операциям, совокупность которых именуется информационными процессами»³. Такие процессы могут выступать как средства познания события прошлого и иметь следующие связи: факт — отображение — информация — знания⁴.

По мнению Р. С. Белкина и А. И. Винберга, «изменения, связанные с событием, есть доказательства, а мера связи доказательств с событием, к которому они относятся, находящаяся в прямой зависимости от количественного и качественного содержания этих изменений, есть доказательственная информация»⁵.

В процессе доказывания следователь сталкивается не только с достоверной доказательственной информацией, но и с ложными сведениями о событии, явлении, т.е. дезинформацией, сущность которой заключается в искажении представлений о мерах связи изменений с событием или в создании представлений о ложных связях⁶. В литературе различают криминальную и криминалистическую дезинформацию. Криминальная дезинформация рассматривается как продукт запрещенной, уголовно наказуемой деятельности, имеющий антиобщественную направленность, который деструктивен по своей природе, является орудием в руках преступника. Криминалистическая дезинформация опирается на соответствующую правовую базу, несет в себе конструктивный заряд, одобряется гражданами, обществом и государством, служит средством борьбы с преступностью⁷.

Оперативно-розыскная информация — это разновидность социальной информации, имеющая специфику по цели, методам и режиму ее получения и обеспечивающая конспирацию, надежную зашифровку источников, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными работниками оперативно-розыскных и следственных подразделений⁸.

³ Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 61.

⁴ Давлетов А. А. Факт, информация, знание в структуре уголовно-процессуального познания // Известия вузов. Правоведение. 1990. № 2. С. 88—92.

⁵ Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М. : Юридическая литература, 1969. С. 173.

⁶ Белкин Р. С., Винберг А. И. Указ. соч. С. 180.

⁷ Подробнее об этом см.: Образцов В. А. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике : научно-методическое пособие. Якутск : Сахаполиграфиздат, 2005. С. 15—24.

⁸ Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2000. С. 39.

Под розыскной информацией П. П. Ищенко понимает любые сведения, которые получают в ходе предварительного (непроцессуального) исследования материальных следов и которые могут использоваться для раскрытия преступления и установления лица, его совершившего⁹.

Ориентирующая информация, как представляется, — это любые сведения (данные, сообщения), полученные из непроцессуальных источников, которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступления и изобличения лица, его совершившего. В качестве составляющих ориентирующей информации могут выступать как розыскная, оперативно-розыскная информации, так и иная информация, функционирующая в тех или иных слоях населения, средствах массовой информации и т.д. в виде слухов, мнений, версий, сообщений по вопросам, связанным с выявлением, совершением и расследованием преступлений.

Определения понятия криминалистической информации (или криминалистически значимой информации) даны в работах В. Я. Колдина, Н. С. Полевого, А. Н. Григорьева, Е. Н. Паршиной и других ученых-криминалистов¹⁰.

Анализ специальной литературы позволяет прийти к выводу о том, что под криминалистической информацией следует понимать сведения (сообщения, данные) процессуального и непроцессуального характера о событии и его участниках, полученные субъектом уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в ходе расследования с помощью разработанных криминалистикой приемов, методов и средств, которые могут быть использованы как доказательства, характеризовать их источники, а также способствовать решению различных тактических задач¹¹.

Кроме деления криминалистической информации на доказательственную, ориентирующую и вспомогательную (информация содержится в образцах, используемых для сравнительного исследования), в литературе предлагается ее классификация на основании двух подходов:

- 1) по признакам самой информации и по отношению к особенностям и элементам порождающего ее события;
- 2) по отношению к признакам познающей системы (поисково-познающей деятельности)¹².

⁹ Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. М. : Берегиня, 1994. С. 6.

¹⁰ См.: Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. 1987. № 2. С. 64 ; Полевой Н. С. Указ. соч. С. 59 ; Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М. : Юристъ, 1999. С. 30—31 ; Григорьев А. Н. Теоретические аспекты информации и защиты информации в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. С. 19 ; Паршина Е. Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 21.

¹¹ Тактическая задача — это часть процесса расследования, отражающая отношение между ситуацией расследования и тактической целью, определяющей способ действия (Курс криминалистики. Общая часть / под ред. В. Е. Корноухова. М. : Юристъ, 2000. С. 244).

¹² Курс криминалистики. Общая часть / под ред. В. Е. Корноухова. С. 60—61.

Так, по элементам преступной деятельности (элементам деятельности) криминалистическую информацию подразделяют на три группы:

- 1) субъектную, куда относят сведения об особенностях преступника (анатомические, биологические, психологические, интеллектуальные);
- 2) объектную, в которой отображаются характеристики различных предметов, взаимодействовавших в преступном деянии;
- 3) модельную, которая характеризует механизм совершенного преступления и поведение его участников¹³.

В связи с активизацией процесса информационного обмена на межгосударственном уровне криминалистическую информацию можно классифицировать также как собираемую и реализуемую во внутрirosсийском и международном пространстве.

В качестве источника криминалистической информации могут выступать физические лица или предметы, а также отразившиеся в процессе взаимодействия с иными лицами и предметами обстоятельства расследуемого события, ставшие в итоге источниками сведений об этом событии¹⁴.

Наиболее значимо в теоретическом и методическом плане деление источников криминалистической информации на непосредственные и опосредованные, что позволяет правильно определить задачи, технику и методику исследования, а также условия использования фактических данных, полученных в результате этого исследования¹⁵.

В настоящее время все чаще в виде источников криминалистической информации выступают:

- а) мобильные устройства изъятых телефонов у участников уголовного дела;
- б) персональные компьютеры физических и юридических лиц;
- в) серверы и иные накопители информации в организациях и учреждениях;
- г) камеры видеонаблюдения различных коммерческих и государственных структур;
- д) сотовые операторы связи;
- ж) сетевые сервисы, устанавливающие голосовую и видеосвязь между компьютерами через Интернет (например, Skype, WhatsApp, Telegram);
- з) фотоаппараты и видеокамеры, изъятые у участников уголовного дела;
- и) другие устройства фиксации информации о человеческой деятельности.

Информационные процессы, которые лежат в основе познавательной деятельности, направленной на раскрытие преступлений, можно подразделить на следующие стадии.

1. *Поиск и выявление криминалистической информации.* В последние два десятилетия в криминалистической литературе обращено внимание на поисковый характер следственной деятельности. При этом одни авторы толкуют поисковую деятельность чрезмерно широко, рассматривая поиск как весь процесс

¹³ См.: Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. М. : Юристъ, 1999. С. 32 ; Полевой Н. С. Указ. соч. С. 76.

¹⁴ Колдин А. В., Крестовников О. А. Источники криминалистической информации / под ред. В. Я. Колдина. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 22.

¹⁵ Колдин А. В., Крестовников О. А. Указ. соч. С. 46—55.

расследования. Другие считают поисковую деятельность специальным криминалистическим методом. Однако в процессе поиска могут быть использованы различные общенаучные и специальные криминалистические методы.

Представляется, что наиболее оптимальное понимание поисковой деятельности дано в работе В. А. Образцова, который обоснованно считает ее частью познавательной деятельности, которая направлена на поиск источников информации, выявление информации, содержащейся в ее носителе, «а с нею поиск истины и вариантов адекватных ситуации решений»¹⁶. Данная работа проводится в различных временных и пространственных границах, осуществляется следователем при взаимодействии с сотрудниками оперативно-розыскных и экспертных подразделений, представителями финансовых органов и различных контролирующих органов путем проведения процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, технико-криминалистических средств и методов, которые задействованы при этом, а также рекомендаций криминалистической тактики и методики расследования преступлений.

Эффективному выявлению криминалистической информации, ее источников и носителей могут способствовать криминалистические характеристики отдельных категорий преступлений, включая такие их элементы, как способы преступлений и механизм следообразования с учетом следственных ситуаций, сложившихся на момент расследования.

2. Восприятие и фиксация криминалистической информации. Выявленная информация должна быть воспринята субъектом познания путем:

- а) уяснения ее потенциальной и фактической принадлежности к событию, а также природы и источников получения (людей как носителей идеальных и материальных следов, предметов, документов);
- б) определения формы ее представления (вербальная, буквенно-знаковая, цифровая, графическая, видеозапись и др.), а в необходимых случаях и декодирования, т.е. выяснения ее содержания и его перевод с одной знаковой системы в другую с использованием специальных знаний и технических средств.

Воспринятая информация должна быть зафиксирована для последующей ее сохранности, анализа и использования. В следственной деятельности фиксация осуществляется с помощью процессуальных и технических средств. Для введения информации в уголовное судопроизводство необходимо соблюдать в обязательном порядке нормы УПК РФ (например, ч. 2 ст. 82; ч. 3 ст. 170; ч. 2 ст. 178). В ходе проведения следственных действий, в первую очередь при производстве осмотра места происшествия, при выявлении и закреплении следов имеющаяся в них информация фиксируется в протоколе, а ее носитель (оригинал или копия) изымается и прилагается к данному протоколу. В этом случае фиксирование и изъятие информации осуществляется посредством технико-криминалистических средств и методов.

Итак, фиксация информации представляет собой действия субъектов поисковой деятельности, направленные на процессуальное, технико-криминалистическое или оперативное запечатление (закрепление) этой информации (в ряде

¹⁶ Образцов В. А. Указ. соч. 2004. С. 44.

случае вместе с ее носителем) в установленных законом и подзаконными актами процессуальных и непроцессуальных формах.

Процесс фиксации неразрывно связан с достоверительной функцией информации, которая осуществляется путем закрепления данных: а) о том, от кого (чего) исходит информация; б) об источнике осведомленности в отношении носителя информации; в) об условиях проведения действия (например, месте, времени, освещенности, применении технических средств и т.д.)¹⁷.

3. *Преобразование криминалистической информации.* На этой стадии происходит полная расшифровка информации, т.е. преобразование сигналов, которые несут определенные сведения об исследуемом объекте в доступную знаковую форму, которая адекватно отображает его структуру и признаки, а также осуществляется анализ. Содержание отображения исходит из информационного сигнала и сопровождается формированием образа предмета. В результате этого сам образ выступает результатом и средством раскодирования информации, а его передача сопровождается новым кодированием в ту или иную знаковую форму¹⁸.

Анализ полученной информации может иметь содержательное и правовое назначение.

Содержательный анализ может оказать помощь в познании количества информации, степени ее определенности и достоверности, конкретности, полноты и значимости, что в итоге способствует оценке полученных знаний на момент расследования, а также постановке задач и принятию управленческих решений¹⁹.

Правовой анализ позволяет оценить информацию с позиции допустимости использования ее источников и полученных в ней сведений в уголовном судопроизводстве, определить, является ли она доказательственной или ориентирующей, получена процессуальным либо оперативно-розыскным путем, и в итоге — способствует принятию обоснованных процессуальных и тактических решений.

Однако, как свидетельствует практика, следователь не всегда способен дать правильную, полную и объективную оценку имеющейся на момент расследования преступлению информации. Для оптимальной оценки этой информации Г. А. Зорин рекомендует использовать метод интерпретации, под которым он понимает сложный, многоступенчатый способ толкования формы, содержания, структуры, связи элементов криминалистической информации, которая анализируется и адаптируется для воспринимающего ее следователя. Данный метод строится на постоянном перекодировании информации до тех пор, пока все ее латентные объемы не станут доступными для восприятия²⁰.

В решении проблем оптимизации по расследованию преступлений нужно находить средства и методы, способные обеспечить получение разносторонней и максимально значимой информации, которая будет необходима и достаточна для построения системы судебных доказательств, что может обеспечить экономию процессуальных затрат и установление истины по уголовному делу²¹.

¹⁷ Образцов В. А. Указ. соч. 2004. С. 46.

¹⁸ Мантатов В. В. Образ, знак, условность. М. : Высшая школа, 1980. С. 13.

¹⁹ См., например: Овчинский С. С. Указ. соч. С. 20—21.

²⁰ Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск : Амадея, 2000. С. 191—195.

²¹ Полевой Н. С. Указ. соч. С. 130.

Например, в настоящее время преобразование информации в цифровую форму (цифровизация), когда происходит замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки сведений технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своем состоянии, ведет в большинстве случаев к снижению издержек, к появлению новых возможностей и т.д.²²

4. *Использование криминалистической информации в расследовании преступлений.* Перспективы использования криминалистической информации в расследовании преступлений зависят от ее вида, т.е. является она доказательственной или ориентирующей.

Доказательственная информация используется в процессе доказывания как доказательство (фактических данные) или как средство доказывания (сведения, с помощью которых аргументируются и выводятся новые знания об обстоятельствах расследуемого события).

Ориентирующая информация (информация к размышлению) по своему функциональному назначению делится на две группы:

- 1) связанную с отражением познаваемого события, на определенном этапе познания она может играть роль предварительных данных, требующих проверки, которые в случае их подтверждения на процессуальной основе приобретают статус доказательственной информации;
- 2) не связанную с отражением объекта познания, не позволяющей принимать правовые решения по делу (например, о производстве обыска или об избрании меры пресечения)²³.

Любая ориентирующая информация может иметь большой организационно-тактический потенциал, способствовать поиску доказательств и их источников, выдвижению и проверке версий, разработке планов дальнейшей деятельности, принятию тактических решений, правильному выбору тактических приемов, подготовке и проведению следственных действий или тактических операций.

Иными словами, ориентирующая информация может быть положена в основу принятия лишь криминалистических решений.

С целью повышения эффективности применения криминалистических методов, приемов и средств в ходе расследования преступлений украинские криминалисты рекомендуют учитывать шесть основных групп информации:

- 1) данные о преступной деятельности;
- 2) сведения о фактических обстоятельствах конкретного расследования преступления;
- 3) данные о лицах, которые подозреваются (обвиняются);
- 4) сведения, характеризующие особенности потерпевшего;

²² Халиков А. Н. Современные возможности накопления информации при применении цифровых технологий на первоначальном этапе расследования преступлений и необходимость их дальнейшей проверки // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (5 апреля 2019 г.). М. : РГ-Пресс, 2019. С. 226.

²³ Образцов В. А. Указ. соч. С. 59.

- 5) данные о правовом режиме применения криминалистических приемов и средств;
- 6) сведения, влияющие на принятие тактических решений²⁴.
Данную позицию следует поддержать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). — М. : Юридическая литература, 1969. — 216 с.
2. Григорьев А. Н. Теоретические аспекты информации и защиты информации в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2002. — 23 с.
3. Давлетов А. А. Факт, информация, знание в структуре уголовно-процессуального познания // Известия вузов. Правоведение. — 1990. — № 2. — С. 88—92.
4. Зорин Г. А. Криминалистическая методология. — Минск : Амадея, 2000. — 608 с.
5. Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. — М. : Берегиня, 1994. — 190 с.
6. Колдин В. Я. Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. — 1987. — № 2. — С. 63—69.
7. Колдин А. В., Крестовников О. А. Источники криминалистической информации / под ред. В. Я. Колдина. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 192 с.
8. Комиссарова Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 131—141.
9. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. — М. : Юристъ, 1999. — 718 с.
10. Курс криминалистики. Общая часть / под ред. В. Е. Корноухова. — М. : Юристъ, 2000. — 784 с.
11. Мантатов В. В. Образ, знак, условность. — М. : Высшая школа, 1980. — 160 с.
12. Образцов В. А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений : курс лекций. — М. : ИМПЭ-Паблицш, 2004. — 400 с.
13. Образцов В. А. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике : научно-практическое пособие. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 2005. — 176 с.
14. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. — М. : Инфра-М, 2000. — 367 с.
15. Урсул А. Д. Отражение и информация. — М. : Мысль, 1973. — 231 с.
16. Паршина Е. Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2004. — 23 с.

²⁴ Тищенко В. В. Теоретичні і практичні основи методики розслідування злочинів : монографія. Одеса : Фенікс, 2007. С. 104.

17. *Полевой Н. С.* Криминалистическая кибернетика. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 328 с.
18. *Халиков А. Н.* Современные возможности накопления информации при применении цифровых технологий на первоначальном этапе расследования преступлений и необходимость их дальнейшей проверки // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием (5 апреля 2019 г.). — М. : РГ-Пресс, 2019. — С. 226—230.
19. *Тіщенко В. В.* Теоретичні і практичні основи методики розслідування злочинів : монографія. — Одеса : Фенікс, 2007. — 260 с.

О ЗАДАЧАХ КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Современное состояние отечественной юриспруденции можно оценить как удовлетворительное, но не хорошее или отличное. Оно зависит от многих факторов, но больше всего от результатов законодательной деятельности, которая оставляет желать много лучшего. Корень зла здесь видится в низком качестве правотворчества, а также в вопиющей нестабильности действующего законодательства, какую бы его отрасль мы ни взяли. Законодательствуют у нас в своем большинстве люди случайные, по той или иной причине оказавшиеся в числе депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Юридического образования они, как правило, не имеют, законодательной техникой не владеют, судьбами страны и ее граждан озабочены не всегда, что в условиях мирового экономического кризиса, пандемии коронавируса COVID-19 и прочих глобальных напастей крайне опасно по своим последствиям. Жизнь множит социальные вызовы. Сегодня, как никогда ранее, требуются умение мыслить, объективно анализировать происходящее, болеть душой за Родину, не забывать про честь и совесть как во время обучения в вузе, так и на практике. Именно это в огромной степени и будет способствовать укреплению юридической профессии, повышению ее престижа и значимости в жизни общества и государства, позволит определить оптимальные критерии формирования личности юриста высшей квалификации — выпускника Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: юридическое образование, образовательные стандарты, контроль качества успеваемости, балльно-рейтинговая система, криминалистика, борьба с преступностью, права человека, нравственные ценности.

**Евгений Петрович
ИЩЕНКО,**

заведующий кафедрой
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ, заслуженный
деятель науки РФ
kriminalistmsal@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.037-044

E. P. ISHCENKO,

*Head of the Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, honored
worker of science of the Russian Federation
kriminalistmsal@list.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

ON THE TASKS OF THE DEPARTMENT OF CRIMINALISTICS IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The current state of Russian jurisprudence can be assessed as satisfactory, but not good or excellent. It depends on many factors, but most of all on the results of legislative activity, which leaves much to be desired. The root of the evil here is seen in the low quality of law-making, as well as in the blatant instability of the current legislation, whatever its branch we take. The majority of our legislators are random people who, for one reason or another, are among the deputies of the State Duma or members of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Legal education, they usually don't have a legislative technique not know the fate of the country and its citizens are concerned, not always, that in the context of the global economic crisis, pandemic coronavirus COVID-19 and other global disasters is extremely dangerous in its consequences. Social life multiplies the challenges. Today, more than ever before, we need the ability to think, objectively analyze what is happening, cheer for the Motherland, do not forget about honor and conscience, both while studying at the University and in practice. This is what will greatly contribute to strengthening the legal profession, increasing its prestige and significance in the life of society and the state, and will help determine the optimal criteria for the formation of the personality of a highly qualified lawyer — a graduate of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).*

Keywords: *legal education, educational standards, quality control of academic performance, point-rating system, criminology, fighting crime, human rights, moral values.*

Сегодня юридическое сообщество страны должно быть обеспокоено тем, что борьба с преступностью в последние два десятилетия оказалась заменена преодолением преступности, ее минимизацией и прочими лукавыми подходами. О них студенты слышат в стенах вузов. Поэтому, приходя на практическую работу и встречаясь с реальными проявлениями организованной преступности, особенно экономической, они отнюдь не стремятся ринуться «в бой» с открытым забралом. Считают, что делать это должен кто-то другой, а не они.

Отсюда — корни соглашательства, налаживание коррупционных связей и оттошений. Пока мы делаем вид, что боремся с коррупцией, последняя опутывает служителей Фемиды по рукам и ногам, ибо в денежных средствах организованные

преступные формирования особой нужды не испытывают. Серая экономика предоставляет им для этого неограниченные возможности, а адвокатское сообщество всегда готово оказать «юридическую помощь», нередко противозаконную¹.

Есть и еще один аспект нестабильности действующего законодательства, снижающий качество подготовки юристов высшей квалификации. Пока студенты учатся, законодательство — уголовное, гражданское, административное, трудовое и проч. — продолжает активно меняться. То, что студенты изучали на лекциях и практических занятиях, «на выходе» выглядит уже иначе. Это обстоятельство осложняет адаптацию на рабочем месте. Кое-что — и немало! — приходится штудировать самостоятельно и заново. На это не у всех находится время и желание, что нельзя признать нормальным.

Чтобы сформировать юриста высшей квалификации, необходима целеустремленная постоянная воспитательная работа с бакалаврами, магистрантами, аспирантами, чего в условиях работы «на удаленке» достичь практически невозможно из-за минимизации «духовного», «душевного» личного контакта между обучающим и обучаемыми, между молодым формирующимся человеком и умудренным жизненным и профессиональным опытом профессором. К счастью, таковые в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) пока еще не перевелись, хотя многие из них восприняли переход на дистанционное обучение довольно болезненно. И только как временную, вынужденную меру.

Кто привьет студенту (бакалавру, магистру) честность, неподкупность, бескомпромиссность, трепетное отношение к *Alma mater*, любовь и уважение к тем, кто сделал их юристами высшей квалификации? Никто, поскольку общения, как такового, не будет. В этой связи не могу не вспомнить имперскую профессуру, которая для укрепления связей со студенчеством не гнушалась приглашать студентов домой, беседовать с ними за чашкой чая, обсуждать насущные проблемы, актуальные в те далекие годы. Эта традиция сохранялась в послереволюционные годы, но совсем недолго. Однако перейдем к конкретике.

Деятельность кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в учебно-методическом, научном и воспитательном процессах построена на принципах их неразрывного единства, ориентированного на подготовку юристов высшей квалификации в соответствии с требованиями сегодняшнего дня.

Научные исследования криминалистов всегда отличались многоплановостью и разносторонностью. Сегодня это еще и дань времени, когда новые технологии стремительно развиваются и, увы, что называется «с колес», начинают использоваться преступниками. Сотрудники кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в последние годы ориентированы на совершенствование всех разделов науки, ее возвышение до уровня современных требований к работе правоохранительных органов². Главными научными направлениями

¹ См. подробно: *Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации* : монография. М. : ТилКом, 2019.

² См., например: *Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития* : коллективная монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2016 ; *Криминалистика : учебник (уровень специалитета)* / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой.

инновационного развития кафедры являются: обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных в кибернетическом пространстве с использованием новых информационных (цифровых) технологий; криминалистическое обеспечение безопасности вспомогательных репродуктивных технологий; исследование проблем получения, проверки и оценки показаний в уголовном судопроизводстве с учетом современных достижений психологии.

Что касается конкурентных преимуществ кафедры, то о них можно говорить лишь в сравнении с аналогичными кафедрами других ведущих вузов страны (МГУ имени М.В. Ломоносова, Уральского государственного юридического университета, Саратовской государственной юридической академии и др.), где значительно больше часов выделяется на изучение криминалистики и, как следствие, большой преподавательский коллектив, что облегчает проявление активности во всех востребованных сегодня сферах образовательного процесса. Считаю, что наша кафедра по всем параметрам соответствует современным требованиям и успешно справляется с вызовами времени. Об этом свидетельствуют публикационная активность членов кафедры и рассматриваемая ими проблематика³.

Основным социальным вызовом, полагаю, является преступность в ее организованных формах, использующих новейшие цифровые информационные технологии, а также тотальная коррупция, казнокрадство. Борьба с этими крайне негативными явлениями практически сведена к минимуму, отчасти заменена имитацией активной, наступательной деятельности. Последствия такого подхода могут стать катастрофическими для страны. Последние события в США и странах Европейского Союза — серьезное тому подтверждение.

Для укрепления юридической профессии, успешного формирования личности юриста высшей квалификации необходимо пользоваться давно известными стандартами и критериями: обучение должно быть практико-ориентированным, нацеленным на успешное решение задач и проблем, возникающих и могущих вскоре возникнуть в отечественной юриспруденции. Для этого студентам необходимо прививать навыки аналитического мышления, которое важно в условиях законодательной неразберихи.

Мне могут возразить, что мы живем в эпоху перемен, поэтому законодатель и вынужден реагировать на современные вызовы. Так-то оно так, но поспешишь —

М. : Проспект, 2019 ; Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2020 ; Актуальные проблемы расследования преступлений : лекции / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Проспект, 2020.

³ См., например: Криминалистические средства и методы собирания доказательств : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2016 ; Криминалистическое обеспечение безопасности предпринимательской деятельности : научно-практическое пособие / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2018 ; Криминалистическое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие / под ред. Е. П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2019 ; Организация неотложных следственных действий : учебное пособие / под ред. О. В. Волоховой. М. : Юрлитинформ, 2019 ; *Ищенко Е. П.* История российской криминалистики // История юридической науки в России : монография / под ред. В. В. Блажеева. 2-е изд. М. : Проспект, 2020. С. 475—503.

людей насмешишь... Если вникнуть в постоянно изменяющееся законодательство, становится не до смеха.

Проблем в российском юридическом образовании накопилось немало, но требующая скорейшего решения на законодательном уровне — одна: стабильность действующего законодательства, и в частности тех предписаний, которые исходят от Минобрнауки России. Преподавателям порой некогда заниматься со студентами, так как «сверху» срочно затребован очередной отчет, спущен очередной образовательный стандарт. Налицо бюрократический, чиновный подход, кроме вреда ничего высшему образованию не приносящий. О забюрократизированности отечественных вузов неоднократно говорил и Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ, ссылаясь на поручение Президента России В. В. Путина о достойной оплате труда профессорско-преподавательского состава. Это поручение в стенах Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) выполнено, чего, к сожалению, не скажешь о многих других вузах Российской Федерации.

Использование положительного опыта организации и реализации юридического образования имперского, советского и постсоветского периодов можно только приветствовать. Если взять для примера криминалистику, то ее в российских вузах преподают более 120 лет. И при открытии в 1931 г. Центральных заочных курсов советского права (Заочный институт советского права — предшественник Всесоюзного юридического заочного института, ВЮЗИ) кафедра криминалистики была создана в числе первых и будет вместе с Университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) отмечать свое 90-летие.

В большинстве зарубежных стран криминалистику преподают исключительно в полицейских академиях, причем в урезанном виде, сведенную к полицейской технике. В университетских курсах, как правило, фигурирует *forensic science* — микс из судебной экспертологии, судебной медицины и криминалистики, что не позволяет слушателям получить системные знания.

Кафедра считает оптимальным классическое обучение не только криминалистике, но и другим юридическим дисциплинам. Не отвергаем мы и смешанный вариант (он актуален для вечернего и заочного обучения, магистратуры). В чистом виде цифровой вариант пока не может быть реализован в гуманитарных вузах в ближайшее время на высоком уровне. Для нас такой подход к преподаванию не актуален и даже вреден, поскольку трудно реализуема воспитательная компонента, усиливается разобщенность студентов и преподавателей, растет «цифровой аутизм» молодых людей. Качество преподавания, несомненно, ухудшится.

Внешняя активность кафедры выражается в регулярной подготовке учебной литературы и проведении научных мероприятий совместно с кафедрами криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, УрГЮУ, КубГАУ, Московской академии Следственного комитета РФ, Главным управлением криминалистики (Криминалистическим центром) Следственного комитета РФ. Участвуем в прикладных исследованиях по заданиям Государственной Думы, Федеральной антимонопольной службы РФ, ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ Минюста России, Главного управления военной полиции Министерства обороны РФ и т.д.

Важным и нужным делом считаю распространение юридических научных знаний среди максимально широкой аудитории. Давно занимаюсь популяризацией

криминалистики. Ежегодно в свет выходят мои научно-популярные книги, среди которых «101 миниатюрный детектив» (2003), «Двуликий электронный Янус» (2011), «Полиграф Полиграфович» (2013), «Виртуальный криминал» (2013), «Секреты письменных знаков» (2015), «Новый век криминалистики» (2017), «Очень удивительные люди, или Человек может всё» (2019) и др.

Коллектив кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) полагает, что дальнейшее использование в учебном процессе балльно-рейтинговой системы не только нецелесообразно, но и вредно. Эта система не обеспечивает измерение и оценку «образовательной деятельности учащихся», а создает видимость этой деятельности, ее имитацию. Вместо получения знаний и стремления ликвидировать имеющиеся пробелы (в частности, возникшие вследствие пропусков практических занятий и невыполнения лабораторных работ), студенты одержимы стремлением набрать баллы.

С этой целью они разработали и успешно применяют целый ряд откровенно мошеннических схем. Так, подготовившись по двум-трем темам, студент-прогульщик ходит на консультации к разным преподавателям и выдает фрагментарные знания за усвоение конкретных материалов всего курса или его модуля. Или тот, кто присутствовал на практических и лабораторных занятиях, но не проявлял познавательной активности и не мог вразумительно ответить на задаваемые преподавателем вопросы, начинает с одной действительно неплохо освоенной темой «ходить по преподавателям», чтобы «добрать» недостающие баллы и получить допуск к сдаче зачета либо экзамена.

Само понятие «рейтинг обучающихся в образовательном процессе» представляется не вполне корректным. Необходимо оценивать умение мыслить, рассуждать, анализировать проблемные ситуации, а не «лес рук» студентов, желающих подготовить и зачитать доклад, нередко скопированный из Интернета.

В учебной практике имели место прецеденты соперничества не за лучший, а за «не самый плохой» рейтинг: студенты, знающие пройденный материал на «неудовлетворительно», требовали дополнительные баллы в сравнении со студентами, которые по качеству ответов на занятиях успевали на «удовлетворительно» или даже «хорошо», только за то, что не пропустили ни одного занятия (физически присутствовали, хотя учебная активность была на нуле).

Контроль качества подготовки каждого студента учебной группы преподаватель даже с небольшим опытом работы в ходе практических занятий вполне способен обеспечить и без балльно-рейтинговой системы. Критерии выставления студентам оценок давно известны. При необходимости соответствующие методические материалы можно переиздать и направить на кафедры, а с молодыми, начинающими педагогами провести дополнительные мастер-классы.

Сложнее обстоят дела с проверкой знаний тех обучающихся, кто не посещал занятия (пусть и по уважительным причинам). В целях ее решения предлагаем следующее.

Во-первых, имеет смысл отменить свободное посещение лекций. Наличие якобы высокого «рейтинга» (с учетом того, что он не всегда основан на знаниях), ссылка на то, что недоученный юрист где-то работает (как правило, в роли «мальчика на побегушках»), не могут служить аргументом в пользу массового непосещения и без того немногочисленных лекционных занятий, которые по причине

пандемии стали дистанционными. Кто и как проконтролирует присутствие на таких лекциях? Теоретически это возможно, а практически потребует больших организационных и временных затрат без гарантированного положительного результата.

Такой выпускник, пусть и с раздутым рейтингом, но с пробельными знаниями — «брак» подготовившего его вуза, а не его гордость. Абсурден вариант, когда студент подрабатывает, чтобы оплатить обучение, но не посещает вследствие этого учебные занятия. Тогда он — фактически заочник, а не студент дневного отделения. Но заочное образование признано подлежащим сворачиванию. Очередной парадокс?

Во-вторых, в целях объективизации контроля качества успеваемости студентов можно использовать тестовые задания во время отработок учебных тем на еженедельных консультациях. Силами кафедр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) уже подготовлено огромное количество тестов и задач по всем темам учебных дисциплин (с учетом их специфики). Преподаватели кафедры криминалистики во время еженедельных консультаций иногда (при наплыве «хвостистов») дают сразу нескольким студентам индивидуальные задания, проверить решение которых не составляет большого труда.

Опрашивая студентов по итогам выполнения заданий, с одной стороны, можно оперативно оценить качество проработки тем конкретного модуля. С другой стороны, студенты включаются в диалог, а некоторые, справившись со своими тестами, проявляют активность, отвечая на те вопросы, которые вызвали затруднения у товарищей.

В такой ситуации студенты сами оценивают, насколько хорошо они подготовились к отработке пропущенных тем. При наличии конфликтной ситуации (на практике они иногда имеют место), когда студент считает, что преподаватель излишне строг к нему, всегда можно распечатать лист с тестами (задачами) и ответами на них данного студента, чтобы обсудить ситуацию с руководством конкретного института.

В заключение я бы настоятельно рекомендовал студентам Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) учиться всерьез, не терять даром драгоценного времени, оно сверхбыстротечно. В прямом и переносном смысле грызть гранит юридических наук. Тогда из них получатся успешные молодые юристы — ученые и практики. Именно в стенах вуза человек закладывает фундамент своего интересного будущего. Со своей стороны мы, педагоги всех поколений, готовы сделать все возможное (и невозможное), чтобы передать накопленные знания тем, кто своим трудом завтра будет крепить славу России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы расследования преступлений : лекции / под ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Проспект, 2020. — 256 с.
2. Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации : монография. — М. : ТилКом, 2019. — 492 с.

3. *Ищенко Е. П.* История российской криминалистики // История юридической науки в России : монография / под ред. В. В. Блажеева. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2020. — С. 475—503.
4. *Ищенко Е. П., Кручинина Н. В.* О роли криминалистики в системе высшего юридического образования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 28—36.
5. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития : коллективная монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2016. — 208 с.
6. Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2020. — 560 с.
7. Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. — М. : Проспект, 2019. — 616 с.
8. Криминалистические средства и методы собирания доказательств : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2016. — 298 с.
9. Криминалистическое обеспечение безопасности предпринимательской деятельности : научно-практическое пособие / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2018. — 192 с.
10. Криминалистическое обеспечение национальной безопасности : учебное пособие. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 480 с.
11. Организация неотложных следственных действий : учебное пособие / под ред. О. В. Волоховой. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 368 с.

Теоретические и практические аспекты криминалистики

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Аннотация. Поскольку технологии искусственного интеллекта прочно вошли во многие сферы современной жизни, пришло время детально исследовать их возможности в криминалистике при изучении преступной деятельности. В статье описан опыт разработки с использованием алгоритмов искусственного интеллекта цифровых моделей серийных преступлений, совершенных по сексуальным мотивам. Эмпирической базой исследования стали данные о 1 068 серийных преступлениях, включая убийства. Для обработки данных применялись методы математической статистики и ряд алгоритмов искусственного интеллекта: градиентный бустинг, нейронные сети, логистическая регрессия и др.

В результате выявлены типичные признаки преступлений и закономерные связи между ними, использованные для обучения моделей, представленные алгоритмами искусственного интеллекта. Полученные системы поддержки принятия решений позволяют прогнозировать расстояние от места преступления до места жительства преступника (точность 88,3—93,5 %), возраст преступника (точность 80,3 %, доверительный интервал ± 6 лет), наличие у него психического заболевания (точность 81,5 %) и судимости (точность 82 %), а также некоторые другие характеристики. По итогам проведенного исследования сделан вывод о возможности применения методов математической статистики и искусственного интеллекта в ходе расследования преступлений, а также в криминалистике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, криминалистическая характеристика преступлений, серийные преступления, серийные убийства, цифровая модель преступления, математическая статистика, градиентный бустинг, нейронные сети, логистическая регрессия.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.045-053

**Алексей
Александрович
БЕССОНОВ,**
руководитель Управления
научно-исследовательской
деятельности
(Научно-
исследовательского
института
криминалистики)
Главного управления
криминалистики
(Криминалистического
центра)
Следственного комитета
Российской Федерации,
профессор кафедры
криминалистики
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических
наук, доцент, полковник
юстиции
bestallv@mail.ru
105005, Россия, г. Москва,
Технический пер., д. 2

© А. А. Бессонов, 2021

A. A. BESSONOV,

*Head of the Department of Research Activities (Research Institute of Criminalistics)
Main Directorate of Criminalistics (Criminalistic Center) Investigative Committee of
the Russian Federation, Professor of Department of Criminalistic of the Moscow
Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Colonel of Justice*

bestallv@mail.ru

105005, Russia, Moscow, Tekhnicheskij per., 2

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS IN THE CRIMINALISTIC STUDY OF CRIMINAL ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF SERIAL CRIMES)

Abstract. *Since artificial intelligence technologies are firmly embedded in many areas of modern life, it is time to explore in detail their capabilities in criminology in the study of criminal activity. The article describes the experience of developing digital models of serial crimes committed for sexual reasons using artificial intelligence algorithms. The empirical basis of the study was data on 1068 serial crimes, including murder. Methods of mathematical statistics and a number of artificial intelligence algorithms were used for data processing: gradient boosting, neural networks, logistic regression, etc. As a result, typical signs of crimes and natural connections between them, used for training models, presented by artificial intelligence algorithms, are revealed. The obtained decision support systems allow predicting the distance from the crime scene to the place of residence of the offender (accuracy 88.3—93.5 %), the age of the offender (accuracy 80.3 %, confidence interval ± 6 years), the presence of a mental illness (accuracy 81.5 %) and criminal record (accuracy 82 %), as well as some other characteristics. According to the results of the study, it is concluded that the methods of mathematical statistics and artificial intelligence can be used in the investigation of crimes, as well as in criminalistics.*

Keywords: *artificial intelligence, forensic characterization of crimes, serial crimes, serial murders, digital crime model, mathematical statistics, gradient boosting, neural networks, logistic regression.*

В целях повышения раскрываемости серийных преступлений учеными и практиками сделано и делается многое. С конца прошлого века проведен ряд серьезных исследований, посвященных вопросам расследования такого рода деяний, сопровождающихся применением насилия¹. Отмечая

¹ См., например: *Протасевич А. А.* Проблемы предмета и средств раскрытия серийных преступлений, сопряженных с насилием : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1999 ; *Усанов И. В.* Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003 ; *Исаенко В. Н.* Проблемы теории и практики расследования серийных убийств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

несомненную ценность имеющихся трудов для криминалистической науки и практики расследований преступлений, обратим внимание на отсутствие в них разработки технологии определения криминалистического поискового портрета серийного преступника на основе закономерностей, носящих подтвержденный математической статистикой характер.

Здесь следует упомянуть работу группы ученых из г. Перми, предложивших на основе изучения 84 опубликованных в сети Интернет прецедентов, касающихся биографии серийных преступников, компьютерную программу по определению склонности конкретных лиц к насилию по таким признакам, как пол, психическое заболевание, семейный статус, наличие детей, характеристика родителей, их социальный статус и склонность к алкоголизму². Однако использование данной программы возможно лишь в том случае, когда по делу имеется подозреваемый.

Нами предпринято исследование возможностей применения статистических методов и алгоритмов искусственного интеллекта в изучении совершенных из сексуальных побуждений серийных преступлений. Гипотеза проведенной научно-исследовательской работы заключалась в возможности реального использования указанных методов в получении новых знаний о криминалистических особенностях обозначенных серийных преступлений и применения этих знаний и алгоритмов в практической деятельности по их расследованию.

Эмпирическую базу составили данные о 1 068 серийных преступлениях, совершенных из сексуальных побуждений 186 преступниками, в том числе Попковым (80 преступных эпизодов), Чикатило (58 эпизодов), Шутовым (33 эпизода). Рассмотренные нами серийные преступления были совершены в СССР и современной России с 1973 г. по 2018 г.; 278 серийных убийств составляют 26 % от их числа.

Материалы уголовных дел об этих преступлениях изучались в Управлении научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. Полученные в результате данные были подвергнуты разведочному, регрессионному, дисперсионному и факторному анализам. Это позволило исключить ошибки и выбрать наиболее точно отражающие природу исследуемых преступлений признаки и их градации, а также способы кодировки.

Далее для решения задачи установления тех признаков серийного преступника, которые могут быть включены в технологию построения его криминалистического поискового портрета, применялись методы регрессионного анализа, машинного обучения и глубокого обучения (все они входят в понятие «искусственный интеллект»). Что касается перечня таких признаков, то, опираясь на анализ следственной практики, свой выбор мы остановили на следующем: расстояние от места жительства преступника до места преступления, возраст совершившего деяние лица, наличие у него судимости и психического заболевания, а также факт использования автотранспорта и наличия связи с потерпевшим до реализации

² Ясницкий Л. Н., Ваулева С. В., Сафонов Д. Н., Черепанов Ф. М. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 423—430.

преступного замысла. Актуальность перечисленных признаков для конкретизации направлений поиска серийного преступника также подтверждается исследованиями некоторых других ученых³.

Начнем с того, что одной из ключевых задач на первоначальном этапе расследования является определение территории поиска такого преступника. Известно, что определение наиболее вероятной географической зоны поиска серийного преступника на основе характеристик известных мест совершения преступных деяний в зарубежной следственной практике осуществляется на основании метода географического профилирования. Однако данный метод и основанные на нем компьютерные программы неоднократно критиковали как зарубежные, так и российские ученые, в качестве недостатков указывая на малый объем эмпирического материала, отсутствие надежной научной основы и др.⁴

В нашем исследовании отправной точкой послужили сведения, характеризующие пространственную специфику рассматриваемых преступлений. Так, в 34 % случаев серийные преступники совершают свои деяния не далее 1,5 км от места своего проживания (362 преступления). Почти половина таких преступлений (48 %) совершены этими лицами в пределах 3,5 км от места жительства (513 деяний), немногим больше — 55 % фактов (592) имели место на удалении до 5 км от местожительства преступника. Для 68 % деяний расстояние составило не более 10 км (725 случаев), в целом 80 % преступлений были совершены лицами, проживающими на расстоянии не далее 20 км (843).

Если перечисленные данные конкретизировать, то отмечается следующая картина: не далее 0,5 км совершено 185 преступлений, от 0,5 до 1 км — 105 деяний, от 1 до 3,3 км — 223, от 3,5 до 5 км — 79, от 5 до 10 км — 133, от 10 до 20 км — 118.

Закономерные связи между признаком, представляющим сведения о расстоянии от места жительства серийного преступника до места реализации задуманного, и всеми остальными признаками системы преступного деяния выявлялись с помощью логистической регрессии и градиентного бустинга. Установлено, что такие признаки, как возраст и пол потерпевшего, способ, место и время совершения деяния, наличие факта слежки за потерпевшим перед нападением, совпадение мест нападения и реализации объективной стороны преступления, а также мест убийства и обнаружения трупа, позволяют прогнозировать факт проживания серийного преступника не далее 3,5 км от места преступления либо за пределами

³ См., например: *Исютин-Федотков Д. В.* Основы криминалистического изучения личности : монография. М. : Проспект, 2018. С. 126—145 ; *Бахтеев Д. В., Леднев И. В.* Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2020. № 3 (53). С. 115.

⁴ Подробно см., например: *The Criminal Profiling Illusion What's Behind the Smoke and Mirrors?* / В. Snook, R. M. Cullen, C. Bennell [et al] // *Criminal Justice and Behavior*. 2008. № 35. P. 1257—1276 ; *Кирюхин Д. А.* Географическое профилирование — помощь в составлении психологического профиля преступника и поиска мест сокрытия трупов // *Эксперт-криминалист*. 2015. № 4. С. 6—8 ; *Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова*. М. : Проспект, 2016. С. 162—165 ; *Бахтеев Д. В., Леднев И. В.* Указ. соч. С. 110—118.

этого расстояния. В изучаемых данных признак, касающийся расстояния, был представлен кодами 1 (до 3,5 км) и 0 (более 3,5 км).

При использовании градиентного бустинга доля правильных результатов в этом случае составляет 88—92 % и выше, максимальная точность (*precision*) классификатора составила 93,7 %, чувствительность (*recall*) — 94,5 %, *F*-мера = 94,1 %, *AUC-ROC* — 0,939. При этом доля ложноположительных и ложноотрицательных ошибок (ошибок I и II рода) составляет не более 7 %. На рис. 1 показан график *ROC*-кривой, отражающий прогностическую ценность построенного классификатора для определения того, проживает ли серийный преступник не далее 3,5 км от места совершения деяния.

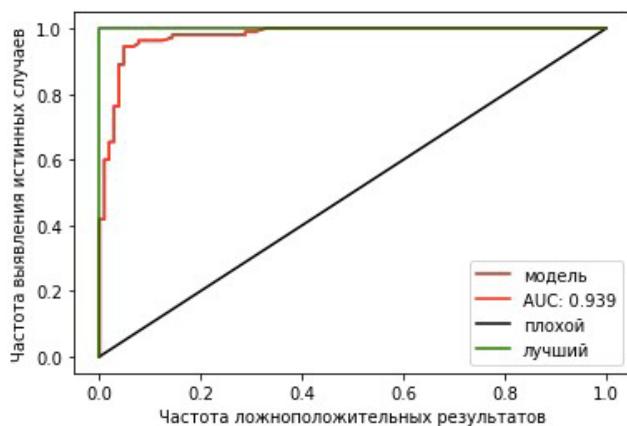

Рис. 1. График *ROC*-кривой, отражающий качество модели для установления факта проживания серийного преступника не далее 3,5 км от места преступления

При этом получаемые с помощью алгоритмов машинного обучения результаты при их тщательном анализе вполне интерпретируемы. Например, сравнение распределения возрастов потерпевших от рук серийных преступников, объединенных в две группы в зависимости от рассматриваемого расстояния (до 3,5 км и далее 3,5 км), показывает его различный характер (рис. 2). Наблюдаются отличия и в других признаках: преступники при совершении своих деяний далее 3,5 км от места проживания в полтора раза чаще в качестве жертв выбирают лиц мужского пола при равном количестве женщин; в этом же случае вдвое больше они причиняют потерпевшим только ножевые ранения и в два раза реже лишь удушение; если место преступления расположено не далее 3,5 км, то в два раза реже деяния происходят в ночное и дневное время. При совершении убийства в три раза чаще серийные преступники перемещают труп, когда реализуют свой замысел далее 3,5 км от места жительства.

Следует отметить, что точность прогнозирования расстояния от места преступления до места жительства неустановленного серийного преступника повышается при использовании комплекса обученных моделей (в машинном обучении они именуются ансамблем моделей). В такой ансамбль целесообразно включать модели, показывающие высокую эффективность в решении рассматриваемой задачи. Так, модель для выявления факта проживания преступника ближе 1 км

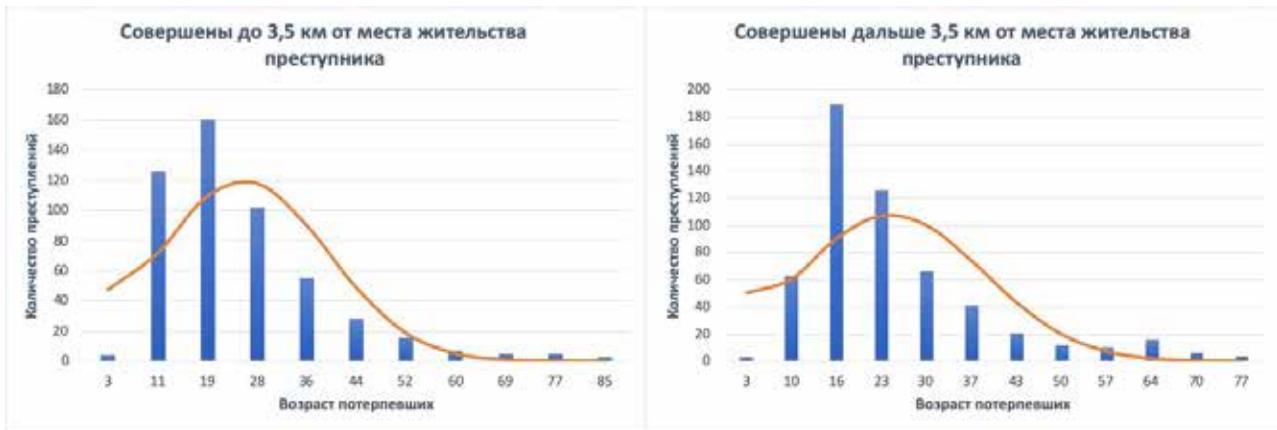

Рис. 2. Распределение возрастов потерпевших в зависимости от расстояния между местами их совершения и проживания серийных преступников

и далее этого расстояния в тестовых испытаниях продемонстрировала точность 90—95 % (AUC от 0,835 до 0,935). Для модели, работающей с расстоянием 5 км, прогностическая ценность составила 93—95 % (AUC от 0,929 до 0,954), точность для 10 км —79—88 % (AUC 0,731—0,825).

Что касается ансамбля таких моделей, то наибольшую эффективность показывает тот, который включает в себя три классификатора: для 1 км, 3,5 км и 5 км (88,3—93,5 %). При добавлении классификаторов для большего количества интервалов расстояний точность немного снижается, например ансамбль моделей из классификаторов 1 км, 3,5 км, 5 км, 10 км, 20 км, 50 км и 100 км имеет точность от 76,6 %.

Полученные с применением комплексной модели сведения используются для конкретизации границ поиска серийного преступника, например путем определения площади на карте изучаемой местности, образованной при пересечении кругов установленного диаметра, центром которых выступают места совершенных деяний. Важно при этом учитывать то, что место проживания серийного преступника не всегда обуславливается адресом его регистрации. Это может быть место пребывания, по которому он зарегистрирован временно либо проживает вовсе без регистрации. Исходя из этого проверять на причастность к расследуемым серийным преступлениям нужно фактически проживающих на такой территории лиц.

Преимущество реализованного нами подхода заключается в том, что описанная модель подходит к использованию для отдельно взятого преступления при наличии признаков серийности.

Регрессионный и дисперсионный анализы, кластеризация, ряд методов машинного обучения (в первую очередь такие, как нейронные сети и машины опорных векторов) позволили выявить и другие закономерные связи между элементами системы описываемых преступлений. Например, с фактом совершения преступления лицом с психическим заболеванием (по изученным преступлениям 709 случаев, или 66 %) либо без такового (359, 34 %) закономерно связаны следующие признаки: возраст потерпевшего, совершение в серии преступлений убийства, способ преступления, количество и локализация повреждений на теле

потерпевшего, характеристика места преступления, время суток, совершение различных манипуляций с трупом жертвы.

В свою очередь, детальное изучение такого признака, как количество повреждений, показывает, что лицам с психическим заболеванием свойственно нанесение большего количества повреждений потерпевшему, чем тому преступнику, у которого такое заболевание отсутствует (рис. 3). Это в очередной раз подтверждает, что логика работы алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистических исследованиях при надлежащей внимательности ученого-криминалиста становится прозрачной, а результаты — интерпретируемыми.

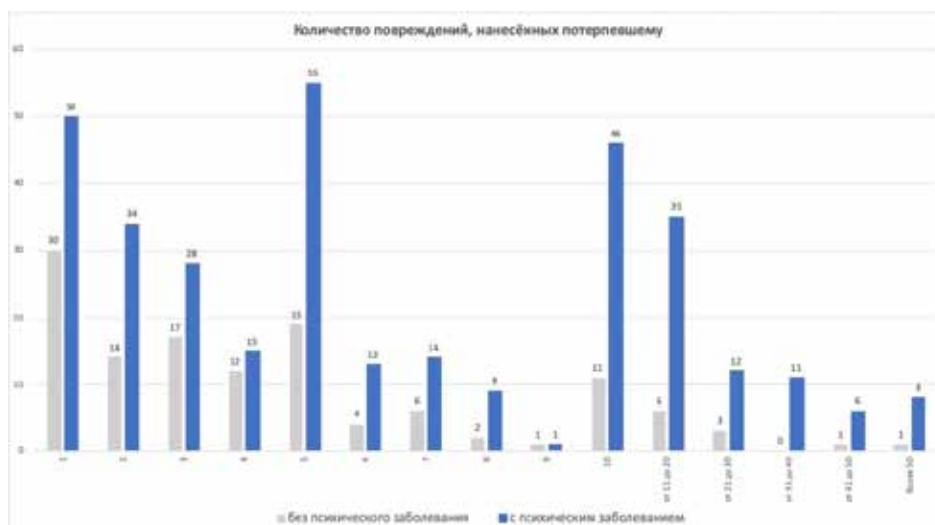

Рис. 3. Распределение преступлений, совершенных серийными преступниками с психическим заболеванием и без него, по числу нанесенных жертве повреждений

После установления таких закономерностей данные о серийных преступлениях использованы в построении моделей глубокого обучения, представляющих собой, по сути, многослойные нейронные сети. С этой целью применены библиотеки глубокого обучения, реализованные в пакетах keras и tensorflow программной среды R. Все данные (для обучения использовалась выборка объемом 1 011 преступлений) разделены на два набора — обучающий (808 преступлений) и тестовый (203 деяния).

По результатам обучения этих моделей и оценки их эффективности на тестовых наборах получена следующая точность прогнозирования признаков неизвестного серийного преступника: для установления факта совершения преступления лицом с психическим заболеванием и без него (точность модели 81,5 %), имеющим и не имеющим судимость (82 %), совершения преступления с использованием автотранспортного средства и без него (90 %), наличия связи между преступником и потерпевшим до совершения деяния (96 %). Помимо этого, созданные модели глубокого обучения позволяют прогнозировать вероятный возраст преступника с доверительным интервалом ± 6 лет при точности 80,3 %. Указанные показатели точности прогнозирования в последующем также подтверждены путем

проверки и на иных данных о раскрытых серийных преступлениях, совершенных из половых побуждений.

В настоящее время этот экспериментальный алгоритм, представляющий собой систему поддержки принятия следователем решения при выдвижении следственных версий и планировании расследования, проходит апробацию в Главном управлении криминалистики (Криминалистическом центре) Следственного комитета Российской Федерации. Предполагается, что эта система позволит в практической работе реализовывать два алгоритма расследования: 1) «от вероятностного портрета преступника — к еще не обнаруженным следам преступления»; 2) «от вероятностного портрета преступника — к конкретному подозреваемому».

Акцентируем внимание на том, что основу описанных криминалистических прогностических систем составляет цифровая криминалистическая модель преступлений определенного вида. Под последней мы понимаем их криминалистическую характеристику в машиночитаемой форме, в которой сведения о криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой выражены в виде математических категорий, уравнений и (или) неравенств.

Обобщая изложенное, сделаем ряд следующих выводов. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступлений в научных и практических целях предполагает реализацию следующих этапов:

- 1) изучение конкретного вида преступных деяний для получения характеризующих их данных;
- 2) обработка данных об изученных преступлениях с применением методов статистики и указанных алгоритмов для приобретения новых знаний об их типичных признаках и закономерных связях между ними;
- 3) построение цифровой модели исследованного вида преступных деяний;
- 4) на базе полученных от реализации предыдущих этапов данных обучение прогностических моделей и построение уже на их основе систем поддержки принятия решений при расследовании конкретных преступных деяний;
- 5) использование систем поддержки принятия решений в деятельности по расследованию преступлений.

Методологическую основу использования алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступных деяний должны составлять в совокупности частная теория криминалистической характеристики преступлений и теория механизма преступления.

Результаты и логика работы алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистических исследованиях при правильном методическом подходе исследователя вполне могут быть прозрачными и интерпретируемыми.

Технологии искусственного интеллекта являются перспективным направлением теоретических и прикладных исследований в сфере деятельности по расследованию криминальных деяний. Вместе с тем проблема внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическое изучение преступной деятельности заключается в том, что единицы криминалистов-исследователей обладают знаниями и навыками их использования, а специалисты в сфере обработки и анализа данных (Data Mining, Data Science) не являются одновременно специалистами в области криминалистики и расследования преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бахтеев Д. В., Леднев И. В.* Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2020. — № 3 (53). — С. 110—118.
2. *Исаенко В. Н.* Проблемы теории и практики расследования серийных убийств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 52 с.
3. *Искутин-Федотков Д. В.* Основы криминалистического изучения личности : монография. — М. : Проспект, 2018. — 288 с.
4. *Кирюхин Д. А.* Географическое профилирование — помощь в составлении психологического профиля преступника и поиска мест сокрытия трупов // Эксперт-криминалист. — 2015. — № 4. — С. 6—8.
5. *Корма В. Д.* Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 71—81.
6. Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. — М. : Проспект, 2016. — 224 с.
7. *Протасевич А. А.* Проблемы предмета и средств раскрытия серийных преступлений, сопряженных с насилием : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 1999. — 74 с.
8. *Усанов И. В.* Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 24 с.
9. *Ясницкий Л. Н., Ваулева С. В., Сафонов Д. Н., Черепанов Ф. М.* Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9. — № 3. — С. 423—430.
10. The Criminal Profiling Illusion: What's Behind the Smoke and Mirrors? / B. Snook, R. Cullen, C. Bennell [et al.] // Criminal Justice and Behavior. — 2008. — № 35. — P. 1257—1276.

**Оксана Николаевна
ВАСИЛЬЕВА,**
 доцент Департамента
 правового регулирования
 экономической
 деятельности Финансового
 университета
 при Правительстве
 Российской Федерации,
 кандидат юридических
 наук, доцент
onvasileva@fa.ru
 125167, Россия, г. Москва,
 Ленинградский просп., д. 49

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ КАРТЕЛЕЙ И ИХ УСТАНОВЛЕНИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. Стабильность рыночной экономики обусловлена благоприятной конкурентной средой, предусматривающей взаимные отношения хозяйствующих субъектов в процессе реализации своих индивидуальных интересов. В этой связи законодателем установлен запрет на любые действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию и дающие возможность в нарушение норм антимонопольного законодательства диктовать свои условия потребителям. Анализ следственной и судебной практики по уголовным делам об ограничении конкуренции позволил сделать вывод о том, что выявление и доказывание картельных соглашений (картелей) сопряжено с определенными сложностями. Такое положение требует от следователя уяснения сущностного содержания понятий картельного соглашения, картеля и оценки их признаков. Отмечается, что такими признаками являются, во-первых, особый субъектный состав участников картельного соглашения; во-вторых, слаженность действий и наличие единого умысла у участников картеля; в-третьих, целевая установка субъектов преступной деятельности. При этом в качестве особенностей картельных соглашений называется их исключительно организационный характер.

Ключевые слова: картельный сговор, нарушение антимонопольного законодательства, доказывание, ограничение конкуренции, расследование, картель, экономические преступления, антиконкурентные соглашения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.054-059

O. N. VASILYEVA,

Associate Professor of the Department of legal regulation of economic activity
 of the Financial University, Cand. Sci. (Law), Docent
onvasileva@fa.ru

125167, Russia, Moscow, Leningradsky prosp., 49

TO THE SUBJECT OF DETECTING THE ATTRIBUTES OF CARTEL COLLUSIONS IN PROOFING OF ILLEGAL CEASING OF COMPETITION

Abstract. Sustainability of free market economy is stipulated by positive competitive environment which presupposes the relationships among different ventures and entrepreneurs, achieving their individual goals. According

to this legislation restricts any illegal interactions, violating Antimonopolistic Law and ceasing the competition. The analyzing of investigating and courts practice of such criminal cases reveals certain complications, concerned with detection and proofing of cartel collusions. Thus, the investigation needs to define, clarify and evaluate all the points and attributes of cartel itself and illegal collusion. The main features are: special subjective structure of participants; coordination and coherence of all participants in common illegal intentions; achieving of common goals for criminal subjects. Herewith, the organizing role considering as the particular attribute of cartel collusions.

Keywords: *cartel collusions, the violation of Antimonopolistic Legislation, proof, restriction of competition, investigation, cartel, economic crimes, anticompetitive agreement.*

Одним из опасных правонарушений в сфере экономики является создание картелей, т.е. организованных групп по поддержанию цен, уничтожению конкурентов. Действия, связанные с созданием картелей, не только нарушают антимонопольное законодательство, но и приводят к негативным последствиям, каковыми являются ограничение, недопущение или устранение конкуренции. В последнее время достаточно широкое распространение картелей наблюдается на рынке продуктов питания (7 %), лекарственных средств и медицинских изделий (11,8 %). Кроме того, это имеет место в секторах строительства, ремонта и обслуживания дорог (6 %); строительства объектов недвижимости, ремонтных работ (16,8 %); пассажирских перевозок (4,2 %); цифровой среды IT (2,3 %); охранных услуг (1,5 %)¹. Высокий уровень картелизации наблюдается в сфере государственных закупок (в том числе с государственным участием), в сфере государственного оборонного заказа.

Понятие «картель» нашло официальное закрепление в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»², поскольку в ранее действовавшем Законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»³ раскрывалось только понятие ограничивающих конкуренцию соглашений (согласованных действий) хозяйствующих субъектов (ст. 6).

Однако нормы, запрещающие деятельность картелей, содержались еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), статья 1615 которого предусматривала ответственность «зачинщиков противозаконных соглашений» за «стачку торговцев или промышленников для возвышения цены не только предметов продовольствия, но и других необходимой потребности товаров или для непомерного понижения сей цены, в намерении стеснить действия привозящих

¹ Борьба с картелями и иными антиконкурентными соглашениями. Итоги 2019 года // URL: <https://fas.gov.ru/p/presentations/585> (дата обращения: 17.09.2020).

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. от 24.04.2020 № 140-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 18.04.1991. № 16. Ст. 499.

или доставляющих сии товары, а через то препятствовать и дальнейшему в большем количестве привозу оных»⁴.

В дореволюционный период в России доктринальное значение понятия картелей практически не исследовалось. Вместе с тем попытки раскрыть в своих работах его содержание предпринимались такими учеными, как А. В. Венедиктов⁵, А. И. Каминка⁶, Е. С. Лурье⁷, В. И. Синайский⁸, Г. Ф. Шершеневич⁹, А. Ф. Федоров¹⁰. Кроме того, о картелях, их происхождении и этапах развития в очерке «Империализм как высшая стадия капитализма» писал В. И. Ленин. Автор связывал рост картелизации в дореволюционный период с кризисными явлениями 1900—1903 гг.¹¹

Определяя понятие картеля, А. И. Каминка называл его как «соединение предпринимателей, стремящихся к повышению цен или предупреждению их падения с помощью или совершенного исключения, или ограничения конкуренции»¹².

В. И. Синайский писал о экономически сильных предпринимательских союзах, основой которых является соглашение, нацеленное на ослабление конкуренции или ее уничтожение в ходе производства или сбыта определенных продуктов¹³. В свете изложенного представляется, что между понятиями «союз» и «картель» можно поставить знак равенства.

Несколько иной подход относительно понятия картеля высказывал А. Ф. Федоров, который отождествлял его с синдикатом, ссылаясь на синонимичность этих слов. Разница, с его точки зрения, заключалась в том, что объединения хозяйствующих субъектов в России обобщенно назывались синдикатами, в то время как аналогичные объединения за рубежом в большинстве случаев именовались картелями¹⁴. Аналогичной позиции придерживался Г. Ф. Шершеневич¹⁵.

Таким образом, в дореволюционной России не существовало единого определения понятия «картель», несмотря на активное употребление этого термина в обороте. Вместе с тем развитие экономики Российского государства, кризисные явления и процессы того времени заложили основы для стимулирования

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб : Сенатская типография, 1903.

⁵ Венедиктов А. В. Картели и синдикаты // Вестник гражданского права. 1915. № 4—5. С. 117—140.

⁶ Каминка А. И. Предпринимательские союзы // Право. 1909. № 14. С. 27—29 ; *Он же*. Предпринимательские союзы // Право. 1909. № 15. С. 33—35 ; *Он же*. Законопроект о синдикатах и трестах // Право. 1914. № 26. С. 1985—1998 ; *Он же*. Законопроект о синдикатах и трестах // Право. 1914. № 27. С. 2065—2079.

⁷ Лурье Е. С. Предпринимательские союзы по русскому праву. СПб : Издание Юридического книжного склада «Право», 1914.

⁸ Синайский В. И. Договор предпринимательского союза (синдиката и треста). М., 1915.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1. М., 1908. С. 489—498.

¹⁰ Федоров А. Ф. Очерки торгового права. М., 1911. С. 548—549.

¹¹ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (популярный очерк). Пг., 1917.

¹² Каминка А. И. Предпринимательские союзы. С. 27.

¹³ Синайский В. И. Указ. соч. С. 3—4.

¹⁴ Федоров А. Ф. Указ. соч. С. 548—549.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 489.

роста конкуренции. В свою очередь, конкуренция активизировала деятельность по созданию картелей, нацеленных на ограничение или устранение конкуренции при ведении бизнеса. Такое положение не могло не сказаться на развитии законодательства, выработке средств правовой защиты граждан и общества от недобросовестных субъектов.

В советский период целесообразность создания картелей, заключения картельных соглашений в современном понимании практически утратилась с переходом СССР на административно-командную систему управления экономикой.

Вопросы, касающиеся развития конкуренции, вновь вернулись на первый план лишь в эпоху перестройки, в связи с чем был принят Закон «О кооперации в СССР», в ч. 5 ст. 1 которого впервые употреблено понятие «конкуренция»¹⁶.

Новый этап формирования законодательства о конкуренции связывается с принятием Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». При создании обозначенного нормативного правового акта за основу брался мировой зарубежный опыт в области защиты конкуренции. Однако в связи со спецификой российской экономической системы нормативный акт уже в новом государстве неоднократно подвергался корректировке. Кроме того, нормы о защите конкуренции законодатель также включил в первую часть Гражданского кодекса РФ (1994 г.), установив в ст. 10 запрет на использование своих гражданских прав в целях ограничения конкуренции¹⁷.

Развитие конкурентных отношений настоящего времени предопределили качественно новый подход по отношению к антимонопольному законодательству. В связи с этим 26.06.2006 на федеральном уровне принят Закон «О защите конкуренции» № 135-ФЗ, в котором законодатель закрепил нормативное понятие картеля, определил его разновидности и установил запрет картелизации.

Согласно данному нормативному правовому акту, картелем признаются и запрещаются, соответственно, соглашения¹⁸ между хозяйствующими субъектами-конкурентами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке и их продажу. При этом в число последствий таких соглашений или возможности их наступления законодатель включает: во-первых, установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышение, снижение или поддержание цен на торгах; раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращение или прекращение производства товаров; отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками). Отметим, что положения ч. 1 ст. 11 указанного Закона распространяются на все виды соглашений, которые нарушают требования антимонопольного законодательства (ч. 2—5 ст. 11, ст. 16 и 17), а не исключительно на картели.

¹⁶ Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI «О кооперации в СССР» (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 17.09.2020).

Семантически под соглашением понимается договоренность, взаимное согласие, договор, устанавливающий какие-нибудь условия. В свою очередь, соглашение в результате переговоров трактуется как сговор, т.е. действие по усмотрению с кем-нибудь. Соглашение — это согласованное выражение воли двух или более участников — хозяйствующих субъектов, осведомленных о намерении каждого действовать определенным образом. Именно данный подход применяется судами при рассмотрении антимонопольных дел. Однако применительно к ограничению конкуренции трактовка понятия «соглашение» с точки зрения положений гражданского законодательства (ст. 154, 160, 432, 434 ГК РФ) недопустима¹⁹.

Существенными отличительными признаками рассматриваемых соглашений следует назвать их консенсуальный характер; установленную правовую форму (устную либо письменную договоренность); негативные последствия. Кроме того, особенностью картельных соглашений является их исключительно организационный характер.

Исходя из этого, картельное соглашение с позиции гражданского права возможно рассматривать как организационный договор, содержание которого включает условия о возможности проведения участниками картеля единой и согласованной рыночной политики. Так, сотрудниками ФАС России выявлено антиконкурентное соглашение, в результате которого ООО «Фарм СКД» в пяти регионах Российской Федерации реализовано более 400 аукционов на поставку фармацевтической продукции (средств дезинфекции, медицинских изделий, лечебного питания, лекарственных препаратов). Сумма начальных максимальных цен контрактов составила более 400 млн рублей²⁰.

Кроме того, к числу существенных признаков картельных соглашений следует отнести их особый субъектный состав. В создании картеля участвуют лишь те субъекты-конкуренты, которые реализуют свою хозяйственную деятельность на одном товарном рынке. В связи с этим значимыми для установления в процессе выявления ограничения конкуренции будут: отсутствие соперничества между указанными субъектами; несамостоятельность в осуществлении определенных действий; возможность отдельных участников картеля воздействовать на общие условия обращения товаров на товарном рынке.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ, в процессе доказывания факта ограничения конкуренции, необходимо тщательно установить и исследовать все признаки, характерные для картельного соглашения (картеля), а именно: участие в сговоре как минимум двух хозяйствующих субъектов, которыми могут являться: организация (коммерческая либо некоммерческая), получающая доход от реализуемой ею деятельности; лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя либо не зарегистрированное в качестве такового,

¹⁹ На это указано в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 (Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 4) и Обзоре по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9).

²⁰ URL: <https://fas.gov.ru/news/27280> (дата обращения: 17.09.2020).

но в силу закона на основании государственной регистрации и (или) лицензии либо членства в саморегулируемой организации осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход. Действия указанных субъектов должны охватываться единым умыслом, мотивированным на извлечение в результате картельного соглашения дохода (прибыли) в крупном / особо крупном размере.

Материальный ущерб, причиненный обозначенными действиями, следует рассматривать как форму выражения вредных последствий, носящих явный или скрытый оценочный характер. При этом установление размера ущерба (дохода) в результате ограничения конкуренции, в большинстве случаев для правоприменителей представляет определенную сложность, что сказывается на своевременности возбуждения уголовных дел указанной категории²¹.

Кроме того, спор вызывает включение в содержание рассматриваемого ущерба неполучение потерпевшим возможных доходов. Вместе с тем отсутствие законодательного закрепления понятия «доход» также порождает проблему его неоднозначного толкования. Несмотря на родственную природу понятий «убытки», «ущерб», «доход» в теории права, затрагивающих имущественную сферу отношений и содержащих в своей основе вред и иные неблагоприятные последствия, единство использования данных терминов в юридической доктрине отсутствует. Все это требует детального анализа действующего законодательства и последовательного решения имеющихся проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Венедиктов А. В.* Картели и синдикаты // Вестник гражданского права. — 1915. — № 4—5. — С. 117—140.
2. *Каминка А. И.* Законопроект о синдикатах и трестах // Право. — 1914. — № 26. — С. 1985—1998 ; № 27. — С. 2065—2079.
3. *Каминка А. И.* Предпринимательские союзы // Право. — 1909. — № 14. — С. 27—29 ; № 15. — С. 33—35.
4. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк). — Пг., 1917. — 129 с.
5. *Лурье Е. С.* Предпринимательские союзы по русскому праву. — СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. — 48 с.
6. *Милованова М. М.* Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 116—122.
7. *Синайский В. И.* Договор предпринимательского союза (синдиката и треста). — М., 1915. — 13 с.
8. *Федоров А. Ф.* Очерки торгового права. — М., 1911. — 910 с.
9. *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. — М., 1908. — Т. 1. — 520 с.

²¹ *Милованова М. М.* Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 116—122.

Александра Александровна ГАЙВОРОНСКАЯ,
 инспектор отдела
 исследования проблем
 технико-криминалистиче-
 ского и экспертного сопро-
 вождения расследования
 преступлений
 Управления НИД
 (НИИ криминалистики)
 ГУК (Криминалистического
 центра) Следственного
 комитета Российской
 Федерации,
 кандидат психологических
 наук, доцент
 agajvoronskaya@yandex.ru
 105005, Россия, г. Москва,
 Технический пер., д. 2

Елена Николаевна ХОЛОПОВА,
 профессор кафедры
 уголовного процесса,
 криминалистики
 и правовой информатики
 Юридического института
 Балтийского федерального
 университета имени
 И. Канта,
 доктор юридических наук,
 кандидат психологических
 наук, профессор
 elchol@mail.ru
 236016, Россия, г.
 Калининград, пл. Маршала
 Василевского, д. 2

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Рассматриваются особенности тактических приемов при ведении допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети Интернет. Интернет-пространство выступает такой социальной средой, которая конгруэнтна (привлекательна) для адептов экстремистской деятельности, где их ведущая характеристика — это направленность на нетипичное, ненормативное, асоциальное поведение. Тактические приемы допроса создают условия для получения показаний об обстоятельствах дела: был ли призыв к насилию, оправдывается ли насилие, каково содержание материалов, представленных в сети, какие средства (плакаты, листовки и др.) применялись.

При ведении допроса использование приемов психологического воздействия облегчает получение криминалистически значимой информации. Для лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, с учетом типизации личностных особенностей (идеалистический тип, ненормативный, искатель приключений) описаны некоторые эффективные тактические приемы (выход эмоций, обнаженная агрессия, обмен позициями, вмешательство авторитетного третьего и др.) с примерным перечнем вопросов. Приемы предназначены для достижения взаимопонимания между следователем и допрашиваемым, при которых последний, независимо от складывающейся ситуации, сотрудничает со следователем и представляет информацию об обстоятельствах дела без искажения и сокрытия.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, уголовное судопроизводство, следственные действия, криминалистическая тактика, допрос, тактический прием, психологическое воздействие, интернет-пространство.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.060-068

A. A. GAIVORONSKAYA,

*inspector of the research Department of technical-criminalistic and expert support of
crime investigation of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor
agajvoronskaya@yandex.ru
105005, Russia, Moscow, Tekhnicheskij per., 2*

E. N. KHOLOPOVA,

*Professor of the Department of criminal procedure, criminalistics and legal
informatics of the Law Institute of the Kant Baltic Federal University, Dr. Sci. (Law),
Cand. Sci. (Psychology), Professor
elchol@mail.ru
236016, Russia, Kaliningrad, Marshal Vasilevsky pl., 2*

**TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES
FOR EXTREMIST CRIMES COMMITTED ON THE INTERNET**

Abstract. *The article deals with the peculiarities of tactical techniques for conducting interrogations on extremist crimes committed on the Internet. The Internet space acts as a social environment that is congruent (attractive) for adherents of extremist activities, where their leading characteristic is a focus on atypical, non — normative, asocial behavior. Tactical interrogation techniques create conditions for obtaining evidence about the circumstances of the case: whether there was a call to violence, whether violence is justified, what is the content of the materials presented in the network, what means (posters, leaflets, etc.) were used. When conducting an interrogation, the use of psychological influence techniques makes it easier to obtain criminally significant information. For individuals who commit crimes of extremist orientation, taking into account the typification of personal characteristics (idealistic, adventurers, non-normative), some effective tactics are described (egress to emotions, naked aggression, exchange of positions, intervention of an authoritative third, etc.) with an approximate list of questions. Techniques are designed to achieve mutual understanding between the investigator and the interrogated, in which the latter, regardless of the current situation, cooperates with the investigator and provides information about the circumstances of the case without distortion or concealment.*

Keywords: *extremist crimes, criminal proceedings, investigative actions, forensic tactics, interrogation, tactical techniques, psychological impact, Internet space.*

В следственной практике существует потребность в тактических приемах допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети Интернет, которая обусловлена личностными характеристиками пользователей киберпространства. Ведущая личностная характеристика таких

пользователей — это направленность на нетипичное, ненормативное, асоциальное поведение.

Интернет-пространство выступает такой социальной средой, которая конгруэнтна (привлекательна) для адептов экстремистской деятельности, потому что дублирует и (или) моделирует социальную действительность. В рамках этого пространства создаются различные виртуальные конструкции, формирующие у личности желанную картину мира.

Использование киберпространства экстремистскими организациями для пропаганды (максимального распространения своих идей), для вербовки и подстрекательства, для подготовки/обучения, планирования и координации деятельности и финансирования экстремистских организаций определяется ультрасовременными информационными и телекоммуникационными технологиями.

Тактические приемы допроса создают условия для получения показаний об обстоятельствах дела: был ли призыв к насилию, оправдывается ли насилие, каково содержание материалов, представленных в сети, какие средства (плакаты, листовки и др.) применялись. Изучение данных, связь содержания контента с конкретными лицами, с тематическими сайтами, социальными сетями, чатами, форумами, а также рассмотрение различных сообществ в мессенджерах (например, Telegram), представляющих и отображающих экстремистский материал, используется в качестве доказательств (по результатам заключения экспертов, специалистов).

Данные тактические приемы допроса в психологическом аспекте содержат разные способы воздействия на психику допрашиваемого. Психологическое воздействие—это способы влияния (убеждение, внушение и др.) на психику допрашиваемого для получения достоверных показаний. Считается, что психологическое воздействие — профессиональная часть деятельности следователя, дознавателя¹. Например, следователь обязан учитывать результаты психологического воздействия, которые являются скрытыми, незаметными, проводимыми через организованную следователем ситуацию, побуждающую допрашиваемого к желательным поступкам².

Использование психологического воздействия при проведении допроса корректно при следующих условиях: для создания атмосферы сотрудничества между допрашиваемым и допрашивающим и для получения информации без сокрытия и ее искажения. Критерии допустимости применения психологического воздействия при проведении допроса определены в УПК РФ. При этом важно, что следователь не может задавать наводящие вопросы (это запрещено)³, зато выбор

¹ Козлова Н. И. Психологические приемы допроса при расследовании оскорблений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4 (43). С. 24—26.

² Черевко И. М., Никонович С. Л., Бекетов В. А. Системный подход к психологическому воздействию следователя на допрашиваемого // Крымский научный вестник. 2017. № 1. С. 75—89.

³ Об особенностях формирования наводящих вопросов см.: Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В. Тактика допроса и очной ставки // Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. М. : Проспект, 2019. С. 397.

тактики и приемов воздействия на допрашиваемого остается на усмотрение следователя (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

По мнению Е. В. Васькэ, «при условии правомерности психологическое воздействие в ходе расследования является как раз тем средством, которое в конечном итоге поможет достичь профессионально важных целей уголовного судопроизводства, к которым в первую очередь относится вынесение законного наказания виновному через установление истины по уголовному делу»⁴. Если в действиях следователя применяемое психологическое воздействие носит характер принуждения (насилия), то в этих действиях содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ (принуждение к даче показаний).

Психологическое воздействие с опорой на эмоции является внушением, а с опорой на сознание трансформируется в убеждения. Использование в следственной практике убеждения связано с аргументами, фактами, обоснованием позиции следователя. Внушение используется для создания психологического контакта, для донесения информации до допрашиваемого без его критического отношения.

Учитывая специфику (корректность применения) такого психологического воздействия, как внушение, в условиях проведения допроса важно понимать, что в основе этого воздействия лежит мера восприятия информации у допрашиваемого, отражающая ярко выраженные его индивидуальные различия. К ним относятся проявления конформизма (поступки, поведение допрашиваемого совпадают с его окружением), психического заражения (подражание авторитету: И. В. Сталин, команданте Че Гевара), делегирование ответственности (проявляется утверждение, что отвечать за свои поступки придется потом, в далеком будущем или перед Богом), ролевое взаимодействие (при допросе изменяются роли: «хитрец», «умник», «герой» и др.) и социальная включенность (адаптированность к окружению, востребованность).

Результаты проведенных ранее исследований, изучение материалов уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности позволили выделить три группы лиц, совершающих такое преступное деяние, как экстремизм⁵. Полученная классификация (типология) построена на основе учета особенностей поведения, характеристик личности:

1. Просоциальный/идеалистический тип (интеллектуалы). Его представители выступают за установление идеалов справедливости, борьбы против неравенства: их отличают активная позиция, альтруистические установки, протест против агрессивной внешней или внутренней политики. Это выражается в размещении материалов на популярных интернет-платформах, их содержание направлено на разжигание религиозной, этнической розни, включает призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Данные люди публикуют посты открыто, со своих аккаунтов, в большинстве случаев, не осознавая того факта, что они совершают преступление. В этом случае не приходится говорить ни о каких конспирации и сокрытии следов.

⁴ Васькэ Е. В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе — к определению понятий // Российский психологический журнал. 2010. № 1. С. 25—36.

⁵ Гайворонская А. А. Психосемантическая концепция экстремизма. Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2018. С. 50.

2. Искатели приключений. Для людей этого типа характерен поиск сильных ощущений, «адреналина». У этих лиц нарушены процессы социализации. Не причисляя себя к каким-либо экстремистским движениям, они не являются носителями экстремистской идеологии, но восприимчивы к идеям экстремистского плана и, как правило, через них осуществляется экстремистская деятельность.

3. Ненормативный тип. Этим людей условно можно обозначить как явно экстремистский тип. У них ярко выражены маргинальные поведенческие установки. Это может проявляться в полном игнорировании законов, норм и традиций общества⁶.

Установление принадлежности лиц к той или иной группе связано с такими характеристиками, как возраст, пол, образование, религиозная, этническая и политическая идентичность. Например, для первой группы (просоциальный/идеалистический тип) свойственны следующие характеристики: фанатичная преданность религии, партии или этнической группе / национальности, стереотипность мышления, ксенофобские установки. Эти лица используют в интернет-пространстве креолизованные тексты, плакатные листовки. Они участвуют в дискуссиях, используют фейковые новости для создания провокационных ситуаций. Представлена эта группа лицами мужского пола, имеющими хорошее образование, разного возрастного состава.

Для второй группы (искатели приключений) выделяются такие характеристики: нарциссизм, инфантилизм, пассионарность. У представителей этой группы выражена потребность в идеализации, романтизации своей деятельности, для них характерны поиск такого героя, как Сталин или Че Гевара, обращение к былинным героям (Евпатий Коловрат, Илья Муромец и др.). Как правило, они увлечены историей, используют исторические данные, артефакты в своих целях, выставляют в социальных сетях специальные видеозаписи исторических событий (немецкие солдаты ВОВ) с акцентом на демонстрацию силы. Используют подборки «бравурных» музыкальных произведений, в основном маршей. В этой группе преобладают представители мужского пола, в основном принадлежащие к молодежной группе.

В третьей группе (ненормативный тип) выделяют характеристики: неуважение к чужим границам, «правдорубство», отсутствие эмпатии. Эти лица выставляют в социальных сетях специально подобранные видеозаписи драк, убийств, для того чтобы вызвать страх при просмотривании контента. Они позиционируют идею: «Мне можно все». Мужской и женский пол представлен одинаково, образование среднее, поверхностное.

Для каждого типа лиц с экстремистской направленностью возможно применить психологические приемы, которые учитывают психологическое состояние допрашиваемого и выступают такими раздражителями (триггерами), которые помогают выйти на установление психологического контакта для получения показаний без сокрытия или искажения (см. табл. 1).

⁶ Холопова Е. Н., Гайворонская А. А., Прейбис А. А. Выявление признаков экстремистской направленности в информационном пространстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. Вып. № 4 (33). С. 216—226.

Таблица 1

**Приемы проведения допроса для каждого типа лиц
с экстремистской направленностью**

Типология лиц	Приемы	Вопросы
Просоциальный/идеалистический	Дать выход эмоциям, чувствам. Показать положительное отношение к личности	Вы понимали, чем могла закончиться эта деятельность? Откуда у вас возник интерес к историческим событиям?
Искатели приключений	Обмен позициями. Настройка на сотрудничество	Чьи идеи помогли вам сформировать ваши взгляды? Какую музыку вы любите?
Ненормативный тип	Обнаженная агрессия. Вмешательство «авторитетного третьего»	В детстве вы подвергались насилию? Среди ваших знакомых есть ли люди со степенью доктора наук?

Поясним приведенные приемы проведения допроса:

- дать выход эмоциям, чувствам — значит дать возможность высказать все, что у человека наболело и тем самым снизить эмоционально-психологическое напряжение;
- показать положительное отношение к личности — оказать поддержку, дать положительную характеристику личным качествам;
- обмен позициями предполагает предложение высказать претензии с позиции оппонентов допрашиваемого лица. Этот прием позволяет ему выйти за пределы личных обид, целей, интересов;
- «настройка» означает подачу сигналов типа «мы одной крови». Копирование жестов, тональности голоса, стиля общения допрашиваемого, «вычисление» приоритетной модальности (аудиал, визуал, кинестетик, дигитал) помогает установить психологический контакт;
- обнаженная агрессия требует дать выговориться о наболевшем, о тех событиях, которые способствовали включению лица в противоправную деятельность;
- вмешательство «авторитетного третьего» предполагает привлечение третьего лица, пользующегося доверием допрашиваемого. Используя его влияние на потерпевшего, можно создать условия для дачи показаний по делу.

Представленные приемы возможно комбинировать. При проведении допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети Интернет, рекомендуется применять следующий примерный перечень вопросов.

1. Простые и прямые (закрытые) вопросы для получения конкретной информации или согласия/несогласия с предложенным содержанием вопроса. Данные вопросы подтверждают предположения или уточняют информацию. Любое повествовательное предложение можно превратить в закрытый вопрос, путем интонационного повышения к концу предложения. Примерный перечень вопросов представлен в табл. 2.

Таблица 2

Простые и прямые (закрытые) вопросы

Простые и прямые (закрытые) вопросы	Оценка следователем фактора
Когда вы разместили материалы на сайте?	Уточнение информации (число, дата, время)
Кто еще принимал участие в размещении материалов на сайте?	Подтверждение предположения (имена, фамилии)
Вы знали о содержании данных материалов?	Согласие/несогласие (да/нет)

Эти вопросы могут вызывать сопротивление у допрашиваемого и способствовать сокрытию/искажению получаемой информации. Для получения сведений при ответе на такие вопросы применяется психологический прием: если фигурант сказал «да» и замолчал, можно наклониться немного вперед и ждать, не говоря ни слова, выдержать паузу в такой позе. Вскоре допрашиваемый сам начнет пояснять свой ответ, чтобы эту паузу заполнить. Данные вопросы являются средством реконструкции изучаемых событий. Закрытые вопросы оказывают на допрашиваемого психологическое давление высокой степени, заставляя изменить мнение и перейти к конкретному ответу «да» или «нет». Привлекательность закрытых вопросов в том, что их легко задавать и на них нетрудно отвечать.

2. Сложные, не прямые (открытые) вопросы, требующие развернутого ответа, предназначены для создания атмосферы доверия, для того чтобы разговорить фигуранта, понять, что стоит за его утверждениями. Не рекомендуется задавать эти вопросы в конце допроса и использовать отвлеченные темы. Открытые вопросы задаются с помощью вопросительных слов, которые ставятся в начале предложения (почему, как, когда, в связи с чем и т.д.). Примерный перечень вопросов представлен в табл. 3.

Таблица 3

Сложные, не прямые (открытые) вопросы

Сложные, не прямые (открытые) вопросы	Оценка следователем фактора
Каких результатов вы ожидали, когда совершали эти действия?	Выяснение общего представления
Расскажите о подробностях происшествия и как бы вы могли это объяснить?	Изучение ситуации
Расскажите, почему идеи экстремизма привлекательны для вас?	Установление психологического контакта

Ответы на эти вопросы должны быть от первого лица, связаны с прошлым, соответствовать временной последовательности. В содержании ответа оцениваются конкретные и точные детали, подробности. В ответе на задаваемые вопросы

могут проявляться оговорки, «проговоры», речевые ошибки. Открытые вопросы оказывают наименьшее психологическое давление. Положительное значение и выражается в том, что допрашиваемый отвечает на вопрос без ограничений; ему представлена возможность добровольно передать информацию, свободно говорить о своих чувствах, комментировать события; допрашиваемый ориентируется на размышления, анализ своих поступков.

Отрицательное значение выражается в том, что данные вопросы могут спровоцировать длинный ответ, поэтому не всегда применимы в условиях лимита времени; способны создать затруднительное положение для фигуранта, не привыкшего отвечать на общие вопросы; могут вызвать сбивчивый и сумбурный ответ, сложный для понимания.

3. Альтернативные вопросы — это вопросы, которые предполагают два ответа или более. **Цель задавания вопросов** — представить варианты выбора, понять области интересов допрашиваемого. Задается альтернативный вопрос при помощи двух или более вариантов (для выбора между этими вариантами) и используется союз «или». Альтернативные вопросы ставят допрашиваемого перед необходимостью решения, но задают ему пространство для выбора ответа. В этом смысле альтернативные вопросы дают допрашиваемому более высокую психологическую безопасность, чем закрытые вопросы. Примерный перечень вопросов представлен в табл. 4.

Таблица 4

Альтернативные вопросы на «выбор без выбора»

Альтернативные вопросы на «выбор без выбора»	Оценка следователем фактора
Вы использовали платный или бесплатный прокси-сервер?	Уточнение места
Вы поместили на сайт материалы за один раз или по частям?	Уточнение деталей, выяснение подробностей
Вы сначала все расскажете или запишите на бумагу?	Сбор информации

Альтернативные вопросы описывают время, место, очередность, последовательность и характер действий. Альтернативные вопросы используются для работы с возражениями.

Таким образом, на основе проведенных исследований были предложены наиболее целесообразные тактические приемы способствующие установлению психологического контакта с допрашиваемым. Для ведения допроса лиц экстремистской направленности (идеалистический тип, искатели приключений, асоциальный тип) описаны тактические приемы с примерным перечнем вопросов, которые предназначены для достижения взаимопонимания между следователем и фигурантом, при котором последний, независимо от складывающейся при допросе ситуации, проявляет сотрудничество со следователем и представляет информацию об обстоятельствах дела без искажения и сокрытия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васкэ Е. В.* Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе — к определению понятий // Российский психологический журнал. — 2010. — № 1. — С. 25—36.
2. *Гайворонская А. А.* Психосемантическая концепция экстремизма. — Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2018. — 50 с.
3. *Козлова Н. И.* Психологические приемы допроса при расследовании оскорблений // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2010. — № 4 (43). — С. 24—26.
4. *Комиссаров В. И., Комиссарова Я. В.* Тактика допроса и очной ставки // Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрыкина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. — М. : Проспект, 2019. — С. 390—409.
5. *Комиссарова Я. В.* Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 131—141.
6. *Першин А. Н., Сидорова К. С.* Криминалистические основы установления пользователя информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 82—94.
7. *Черевко И. М., Никонович С. Л., Бекетов В. А.* Системный подход к психологическому воздействию следователя на допрашиваемого // Крымский научный вестник. — 2017. — № 1. — С. 75—89.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА И СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА

Аннотация. Статья посвящена использованию специальных знаний в расследовании преступлений, деятельности специалиста-криминалиста, следователя-криминалиста, сравнительной характеристике их деятельности в рамках расследования преступлений. В обстановке криминализации общества, которая влечет за собой появление новых видов преступлений, более хитрых способов их совершения и сокрытия с использованием сложных технических средств, очевидно, что недостаточно внимания уделяется использованию специальных знаний, в том числе криминалистических, осуществляемых как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме, задачам использования научно-технических средств и методов в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений. Грамотное использование всех форм специальных знаний сделает более эффективными доказательства, которые в дальнейшем послужат для разрешения дела. Статья направлена на исследование особенностей применения криминалистических знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Основой статьи является деятельность органов предварительного следствия, направленная на использование специальных познаний в ходе уголовного судопроизводства, криминалистических закономерностей типичных ситуаций привлечения сведущих лиц к расследованию преступлений. Цель статьи — исследовать криминалистическую деятельность специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, специальные знания, процессуальный статус, специалист-криминалист, следователь-криминалист, расследование преступлений, осмотр места происшествия, использование специальных знаний.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.069-077

Олег Георгиевич КОСТЮЧЕНКО,
старший следователь-криминалист
технико-криминалистического
отдела
Управления
криминалистики
Главного следственного
управления
Следственного
комитета РФ по г. Москве
kostucenkooleg746@gmail.com
129110, Россия, г. Москва,
Орлово-Давыдовский пер.,
д. 2/5, стр. 2

Ольга Викторовна ВОЛОХОВА,
доцент кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
olga1416@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© О. Г. Костюченко,
О. В. Волохова, 2021

O. G. KOSTYUCHENKO,

*senior forensic investigator of the technical and forensic Department
of the criminalistics Department of the Main investigative Department
of the Investigative Committee of the Russian Federation in Moscow major of justice*
kostucenkooleg746@gmail.com
129110, Russia, Moscow, Orlovo-Davydovskiy per., 2/5, str. 2

O. V. VOLOKHOVA,

*Associated Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Professor*
olga1416@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITIES OF A FORENSIC SPECIALIST AND A FORENSIC INVESTIGATOR

Abstract. *The article is devoted to the use of special knowledge in the investigation of crimes, the activities of a specialist criminalist, a forensic investigator, and a comparative description of their activities in the investigation of crimes. In the context of criminalization of society, which leads to the emergence of new types of crimes, more sophisticated ways to commit them and conceal them using sophisticated technical means, insufficient attention is obviously paid to the use of special knowledge, including forensic knowledge, carried out in both procedural and non-procedural forms, the tasks of using scientific and technical means and methods for the prevention, detection and investigation of crimes. Proper use of all forms of specialized knowledge will make more effective evidence that will serve to resolve the case in the future. The article is aimed at a forensic study of the features of the use of forensic knowledge in the detection and investigation of crimes. The article is based on the activities of the preliminary investigation bodies aimed at using special knowledge in the course of criminal proceedings, criminalistic patterns of typical situations involving knowledgeable persons in the investigation of crimes. The purpose of the research in the article is the criminalistic activity of a specialist criminalist and a forensic investigator in the detection and investigation of crimes.*

Keywords: *criminal proceedings, special knowledge, procedural status, forensic specialist, forensic investigator, crime investigation, scene inspection, use of special knowledge.*

В процессе расследования преступления в зависимости от его сложности, а также от криминалистической ситуации, помимо основных участников расследования, следует привлекать специалиста-криминалиста или следователя-криминалиста. Воспринимая информацию на слух, неподготовленные лица могут подумать, что речь идет об одном и том же субъекте,

что специалист-криминалист и следователь-криминалист имеют равные права и обязанности, полномочия и компетенцию в процессе производства по уголовному делу. Однако это не так.

Известно, что сложные существительные, образованные без соединительной гласной, любая часть которых может употребляться в качестве самостоятельного слова, пишутся через дефис. В данном случае — это ключ к пониманию основного различия между следователем-криминалистом и специалистом-криминалистом, здесь первое слово указывает на их роль в процессе расследования. Следователь (если по делу необходимо проведение предварительного следствия, а не дознания) является незаменимым участником уголовного судопроизводства, тогда как специалист и следователь-криминалист привлекаются к участию в расследовании, если их участие потребуется исходя из складывающейся обстановки.

Рассматривать сходства и различия в статусе и функционале специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста начнем с определения: кто понимается под следователем в рамках уголовного судопроизводства.

Предварительное следствие осуществляет следователь. Функции и полномочия следователя закреплены в ст. 38 УПК РФ. Он занимается возбуждением уголовного дела, осуществляет проверку сообщения о преступлении, проводит необходимые следственные действия, назначает экспертизы, дает поручения (если будет такая потребность) относительно проведения оперативно-розыскных мероприятий, принимает процессуальные решения по делу. Именно он определяет направление расследования, собирает, проверяет, оценивает полученные доказательства, а также формирует с учетом полученной информации обвинительное заключение.

Помимо следователей, уголовные дела в форме предварительного следствия могут расследовать руководители следственных органов.

В целом предварительное следствие представляет собой совокупность процессуальных действий следователя по сбору, проверке и оценке необходимых доказательств по уголовному делу, он также выясняет различные вопросы, обеспечивая законное и обоснованное расследование уголовного дела.

По сути, следователь сам определяет необходимый набор инструментов и методов для производства следствия. При этом УПК РФ указывает в некоторых случаях на необходимость участия в принимаемом решении прокурора или суда¹.

Полномочия следователя имеют властный характер. Это в первую очередь выражено в праве следователя давать органам дознания письменные указания о производстве оперативно-розыскных мероприятий по конкретному уголовному делу, которое находится в производстве следователя. Все постановления, которые выносит следователь в ходе следствия, являются обязательными для исполнения не только участниками судопроизводства, но и различными предприятиями, организациями, учреждениями и т.д., чьи интересы и права затронуты при расследовании уголовного дела.

Следователь — это лицо, осуществляющее предварительное следствие, руководитель процесса расследования. Уголовное дело находится у следователя с того момента, как следователь принял его к своему производству.

¹ Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс : краткий курс лекций. М. : Юрайт, 2014. С. 90.

Следователь и следователь-криминалист — два абсолютно разных участника уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 40.1 ст. 5 УПК РФ следователь-криминалист — должностное лицо, которое без принятия уголовного дела к своему производству уполномочено:

- а) осуществлять предварительное следствие по уголовному делу;
- б) по поручению руководителя следственного органа участвовать в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий либо их самостоятельно производить.

Иными словами следователь-криминалист участвует в расследовании уголовного дела лишь в той степени, в которой такое участие диктуется следственной и криминалистической необходимостью.

Следователь-криминалист при расследовании уголовного дела, как правило, осуществляет функции расследования преступления, но при этом не определяет ход производства по делу. Он осуществляет исключительно «технические» функции, связанные со следственными и процессуальными действиями, прежде всего с производством судебных экспертиз. Именно он активно взаимодействует с экспертными учреждениями, экспертами и отдельными специалистами, которые привлекаются следователем к расследованию. Следователь-криминалист может курировать проведение отдельных следственных действий.

На наш взгляд, главная цель взаимодействия следователя и следователя-криминалиста — раскрытие преступлений. Поэтому, если преступление совершено в условиях очевидности и его требуется не раскрыть, а сразу расследовать, потребность во взаимодействии следователя со следователем-криминалистом зачастую отпадает.

Взаимодействие следователя-криминалиста и следователя в ходе расследования может осуществляться в двух формах:

- следователь самостоятельно обращается за помощью к следователю-криминалисту при проведении отдельных следственных действий, например, когда решает, какую экспертизу следует назначить, какие вопросы эксперту целесообразно задать;
- руководитель следственного органа своим решением «подключает» специалиста-криминалиста к расследованию уголовного дела в целях осуществления действий, аналогичных вышеуказанным².

Взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста может быть разграничено по видам:

- взаимодействие в рамках расследования конкретного уголовного дела, находящегося в производстве у конкретного следователя;
- взаимодействие следователя со специалистом-криминалистом в рамках работы следственной (следственно-оперативной) группы;
- внепроцессуальное взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста.

Строго говоря, последний вариант законом не предусмотрен. Однако на практике в большинстве случаев следователи обращаются за помощью к

² Хамгоков М. М., Берова Д. М. Следователь-криминалист в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 199—121.

специалистам-криминалистам неформально, напрямую, что позволяет им своевременно решать поставленные задачи³.

Таким образом, следователь-криминалист является вспомогательной фигурой в ходе расследования уголовного дела, имеет определенный правовой статус, закрепленный в УПК РФ, и осуществляет криминалистическое содействие расследованию преступлений при производстве по уголовному делу.

Если рассматривать позицию следователя-криминалиста с точки зрения его правового статуса и законных полномочий, то, безусловно, следователь-криминалист стоит на стороне обвинения, тогда как специалист-криминалист причислен к «иным участникам уголовного судопроизводства».

Далее рассмотрим с криминалистической и процессуальной позиций фигуру специалиста как участника расследования, подразумевая, что имеется определенная взаимосвязь и в то же время специфика функциональных возможностей следователя-криминалиста и специалиста-криминалиста.

В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ основной задачей всех специалистов в уголовном процессе является оказание содействия сторонам и суду в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, в применении технических средств при исследовании материалов уголовного дела, в постановке вопросов эксперту, разъяснении вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Специалист выполняет вспомогательную функцию, хотя его заключение и является доказательством. Он может участвовать в любых следственных и процессуальных действиях, независимо от этапов расследования и рассмотрения уголовного дела.

Специалисты, участвующие в уголовном деле, являются обладателями специальных знаний, которые востребованы органами расследования при решении разного рода задач.

При указании на специальные знания следует говорить об особом характере знаний, их отличии от обычных, всем доступных знаний, которые также можно назвать общедоступными, отражающими уровень общего образования. Вопрос об определении специальных знаний является существенным, так как участие специалиста в производстве по уголовному делу обусловлено именно их наличием.

В отечественной науке под специальными знаниями понимаются особые знания, навыки и умения, которые приобретены лицом в процессе его образовательной деятельности, специальной подготовки и являются следствием накопленного опыта в конкретной сфере деятельности⁴.

Специальные знания могут быть охарактеризованы через совокупность признаков.

1. Особенностью специальных знаний является то, что основная масса людей не имеет таких знаний. Чаще всего под особенностью понимается большой объем

³ Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Экзамен, 2014. Т. 1. С. 210.

⁴ См., например: Орлов Ю. Государственная судебно-экспертная деятельность // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 69—70 ; Россинская Е. П. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5 (53). С. 32—43.

знаний в конкретной сфере человеческой деятельности, которыми обладает тот или иной субъект. Вид деятельности, в рамках которого могут применяться специальные знания, значения не имеет. Данный признак указывает на то, что это не бытовые или общеизвестные знания, а именно знания, полученные в рамках освоения конкретной профессии, накопления профессионального опыта. Так, например, нельзя сказать, что большинство людей могут произвести межевание земельного участка в целях его последующего разделения, соответственно, знания в области геодезии и картографии будут являться теми самыми специальными знаниями в данном конкретном случае.

2. Специальные знания, по сути, являются совокупностью знаний, навыков и умений. Это значит, что сами знания без их практической апробации не могут быть применены в качестве специальных. Можно сравнить компетентность, например, теоретических и практических работников. Теоретики, как правило, работают с абстрактными знаниями, которые в большинстве случаев являются идеализированными и пребывают в системе, где отсутствует непосредственное взаимодействие с объектами исследований. Практики, осуществляя свою профессиональную деятельность, могут не иметь достаточного количества теоретических знаний, однако могут усваивать материал, исходя из накопленного опыта работы с реальными объектами. Соответственно, специальные знания — это некая совокупность как теоретических, так и практических знаний, навыков и умений лица.

3. Знания, навыки и умения приобретаются лицом в процессе его образовательной и профессиональной деятельности. Например, выпускник вуза не может обладать необходимыми при производстве по уголовному делу специальными знаниями в подлинном смысле этого слова, так как он является молодым специалистом, который не имеет соответствующего опыта применения полученных за время обучения в вузе знаний. Только в процессе своей профессиональной деятельности лицо может за счет накопления профессионального опыта, обзавестись теми навыками и умениями, которые сформируют категорию специальных знаний в рассматриваемом нами аспекте.

4. Сферы специальных знаний отличает конкретность — нельзя быть специалистом во всех областях, как и нельзя знать всего. Соответственно, обладателем специальных знаний при необходимости их применения в судопроизводстве должно считаться лицо, которое осуществляет свою деятельность в конкретной сфере, например авиационной⁵.

При наличии всех перечисленных признаков можно считать, что лицо, вовлекаемое в уголовный процесс, обладает специальными знаниями. При этом одной из основных проблем любого должностного лица, привлекающего специалиста, является проверка его компетентности.

С учетом изложенного один из соавторов (О. Г. Костюченко) полагает возможным констатировать, что следователь-криминалист — это лицо, обладающее знаниями в сфере сбора и анализа улик и следов преступления, которые лишь отчасти могут быть приравнены к специальным. При сравнении статуса и функционала следователя-криминалиста и специалиста-криминалиста следует

⁵ Варданян А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-правоведь. 2019. № 2 (89). С. 158—163.

понимать, что, как правило, следователь-криминалист — это лицо, обладающее знаниями в области криминалистики и права, но не лицо, обладающее специальными знаниями в сфере криминалистики и криминалистических экспертиз (специалист-криминалист). Поэтому следователь-криминалист, хотя и является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, его суждения, в отличие от специалиста-криминалиста, не могут быть возведены в ранг заключения, признаваемого доказательством по делу.

И следователь-криминалист, и специалист-криминалист могут участвовать в производстве следственных и иных процессуальных действий в ходе предварительного или судебного следствия. Основная цель такого участия — оказание следствию и суду научно-технической помощи при производстве следственного действия. Эта помощь может выражаться:

- 1) в даче советов и консультаций, которые могут касаться тактики проведения следственного действия, его подготовки, планирования, правильной фиксации выявленных обстоятельств в протоколе, применения специальной терминологии и т.п.;
- 2) технической помощи при подготовке следственного действия (например, реконструкции обстановки происшествия при следственном эксперименте);
- 3) поиске и обнаружении следов, предметов и документов (например, невидимых или слабо видимых следов крови, отпечатков пальцев) с использованием различных технических средств (например, мино- или трупоиискателя);
- 4) фиксации с применением научно-технических средств хода и результатов следственного действия (изготовление слепков и оттисков, фотографирование, аудио- и видеозапись и пр.);
- 5) даче показаний по вопросам применения специальных знаний⁶.

Однако, когда мы говорим о привлечении специалиста по инициативе защитника (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), это может быть исключительно специалист-криминалист, но не следователь-криминалист. При этом применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела, о котором идет речь в ст. 58 УПК, на наш взгляд, возможно только в рамках следственных действий. Если специалист привлекается защитником для проведения исследований и дачи заключения, то это будет несудебная экспертиза.

Параллель между статусом следователя-криминалиста и специалиста-криминалиста уместна лишь отчасти, когда рассматриваются права и ответственность специалиста, предусмотренные ст. 58 УПК РФ. Специалист вправе:

- 1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями;
- 2) задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда;
- 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать замечания, которые подлежат занесению в протокол;
- 4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

⁶ *Травкин Е. А.* Взаимодействие следователя со специалистом: проблемы организации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 2—2. С. 400—405.

Специалист не должен разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с его участием в деле, если он об этом был заранее предупрежден в порядке ст. 161 УПК. За такое разглашение он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. За неисполнение иных процессуальных обязанностей, а также за нарушение порядка в судебном заседании специалист несет такую же ответственность, как и эксперт, и все иные участники уголовного судопроизводства, — в виде денежного взыскания.

Таким образом, в заключение, несмотря на некоторые сходства в функциях специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста, следует выделить основные характерные черты, которые определяют различие правового статуса и полномочий данных лиц в процессе расследования уголовного дела.

Специалист-криминалист — это независимое лицо, наделяемое процессуальными правами и обязанностями, не имеющее каких-либо должностных полномочий, тогда как следователь-криминалист является сотрудником правоохранительного органа и осуществляет свою деятельность в качестве государственного служащего.

Специалист-криминалист является «иным участником уголовного судопроизводства», в то время как следователь-криминалист представляет сторону обвинения. И следователь-криминалист, и специалист-криминалист помогают следствию и суду выявлять любого рода сведения, имеющие значение для дела, но при этом следователь-криминалист в большей мере помогает следователю доказывать виновность подозреваемого, обвиняемого.

Процессуальные права и обязанности следователя-криминалиста и специалиста-криминалиста различаются, хотя результат их использования (в широком смысле) имеет одинаковое криминалистическое значение для расследования преступления.

Следователь-криминалист не является носителем специальных знаний в том смысле, в котором это понятие используется для обоснования вовлечения специалиста-криминалиста в производство по уголовному делу, хотя и обладает иным объемом знаний, чем просто следователь (мнение О. Г. Костюченко).

Привлечение к расследованию следователя-криминалиста является, по сути, административным решением, в силу того, что он чаще всего действует по поручению руководителя следственного органа. Привлечение специалиста-криминалиста к расследованию уголовного дела зависит от мнения сторон и реализуется следователем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Варданян А. В.* Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристъ-правоведъ. — 2019. — № 2 (89). — С. 158—163.
2. *Комиссарова Я. В.* К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 135—142.

3. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. — М. : Экзамен, 2014. — Т. 1. — 512 с.
4. Орлов Ю. Государственная судебно-экспертная деятельность // Российская юстиция. — 2001. — № 9. — С.69—70.
5. Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. — 2001. — № 5 (53). — С. 32—43.
6. Травкин Е. А. Взаимодействие следователя со специалистом: проблемы организации // Известия ТулГУ. — Экономические и юридические науки. — 2010. — № 2—2. — С. 400—405.
7. Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс : краткий курс лекций. — М. : Юрайт, 2014. — 159 с.
8. Хамгоков М. М., Берова Д. М. Следователь-криминалист в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. — 2018. — № 2. — С. 199—121.

**Надежда
Валентиновна
КРУЧИНИНА,**

профессор кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
kriminalistmsal@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИКИ В ЗАЩИТЕ ОТ КРИМИНАЛЬНЫХ РИСКОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. В статье анализируется ситуация, связанная с возрастанием количества бесплодных пар, с проблемами определения репродуктивных прав человека, с их охраной и регулированием. Делается вывод, что вспомогательные репродуктивные технологии (экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство и т.д.) являются эффективными методами лечения бесплодия. В статье анализируются различные точки зрения на репродуктивные права человека. Обосновывается необходимость защиты репродуктивного здоровья.

Использование вспомогательных репродуктивных технологий в России увеличивается. Законодательство, регулирующее правоотношения в данной сфере, нуждается в совершенствовании. Определена роль криминалистики в этом процессе. Представлен обзор зарубежного законодательства, регулирующего сферу вспомогательных репродуктивных технологий. Предпринята попытка определения перечня преступлений против репродуктивных прав человека и рассмотрения их в качестве объекта криминалистического исследования. Задачей криминалистики является разработка эффективных технических, тактических и методических рекомендаций по выявлению и расследованию преступлений против репродуктивных прав человека. **Ключевые слова:** репродуктивные права человека, репродуктивное здоровье, медицинские услуги, лечение бесплодия, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, торговля людьми, расследование преступлений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.078-084

N. V. KRUCHININA,

*Professor of the Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),*

Dr. Sci. (Law), Professor

kriminalistmsal@list.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE ROLE OF CRIMINALISTICS IN PROTECTING ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES FROM CRIMINAL RISKS

Abstract. *The situation is analyzed in the article associated with an increase in the number of infertile couples, with the problems of determining reproductive human rights, with their protection and regulation. It is concluded that assisted reproductive technologies (in vitro fertilization, surrogacy, etc.) are effective methods of treating infertility. In the article the different points of view on human rights of reproduction are analyzed. It justifies the need to protect reproductive health. The number of cases of the use of assisted reproductive technologies in Russia is increasing every year. Legislation governing legal relations in this area needs further development. The role of criminalistics in this process is determined. A review of foreign legislation, regulating the field of assisted reproductive technologies is represented. An attempt is made to determine the list of crimes against human rights of reproduction and to consider them as an object of criminalistic research. The task of criminalistics is the development of effective technical, tactical and methodical recommendations for the detection and investigation crimes against human rights. This study is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research in the framework of the research project № 18-29-14084.*

Keywords: *reproductive rights, reproductive health, medical services, infertility treatment, in vitro fertilization, surrogacy, human trafficking, crime investigation.*

Правом на использование достижений вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ) пополнился перечень репродуктивных прав человека, к которым ученые причисляют право решать вопросы о количестве детей, о времени их рождения, право на репродуктивное здоровье.

К вспомогательным репродуктивным технологиям относятся: экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), искусственная инсеминация, донорство эмбрионов, ооцитов, спермы, хетчинг (рассечение оболочки эмбриона), внутриплазменная инъекция спермы (ИКСИ, ИМСИ), получение сперматозоидов для ИКСИ, криоконсервация эмбрионов, гамет, перенос эмбрионов, суррогатное материнство, биопсия эмбриона и преимплантационная диагностика.

Перечисленные возможности люди могут использовать не во всех странах. И даже там, где эти технологии разрешены, имеются ограничения, связанные с

возрастом, наличием или отсутствием заболеваний; определенные процедуры позволены только одиноким женщинам, но не позволены одиноким мужчинам, разрешены только супружеским парам; существует разная степень свободы при принятии решения о судьбе ребенка, рожденного суррогатной матерью; по-разному решается вопрос об оплате.

В некоторых странах разницу в требованиях к ВРТ медицинские учреждения используют в своих интересах. Например, в северной части острова Кипр, где находится оккупированный Турцией анклав, при использовании вспомогательных репродуктивных технологий предоставляется возможность выбрать пол ребенка². Поэтому многие супружеские пары из европейских стран отправляются на север Кипра, где позволяется родителям выбрать пол своего ребенка при использовании ВРТ.

Встает вопрос, насколько это собственное решение каждой страны? На наш взгляд, необходима выработка международных стандартов использования ВРТ. При обсуждении такого важного вопроса, как редактирование эмбриона человека, ученые отмечают существование риска того, что попытки исправить генетический код неродившегося ребенка могут принести больше вреда, чем пользы. Ряд ученых предлагает введение глобального моратория на редактирование эмбриона человека.

Исследование зарубежного законодательства показывает, что в отношении к ВРТ позиции сильно различаются. Так, Национальный консультативный комитет по этике Франции (CCNE) одобрил расширение права на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) для лесбийских пар и для одиноких женщин³. Прослеживая эволюцию законодательства европейских государств в сфере искусственной репродукции человека, можно сделать вывод, что вспомогательные технологии вызвали к жизни не только прогресс в законодательстве, но и бурную волну социальных и этических дискуссий.

В разных странах Европы имеются различные подходы к ВРТ — от чрезмерно запретительного в отношении регулирования данной деятельности и осторожно предусмотрительного вплоть до вполне либерального. Это происходит главным образом еще и потому, что на всех уровнях (культурном, религиозном, социальном, медицинском и законодательном) общество сталкивается с различными позициями и точками зрения. Существуют страны, в которых не имеется в наличии действующих специфических законодательных актов по ВРТ, и эта область регулируется просто законами общего здравоохранения. Такие страны имеют в данной области лишь «направляющие положения», а отнюдь не законодательные акты.

Так, австрийский Закон о репродуктивной медицине, принятый в 1992 г. (с изм. и доп.) разрешает доступ к процедурам ВРТ только женатым или стабильным гетеросексуальным парам и запрещает донорство яйцеклеток в любом виде.

² Kefalas A. Chypre, l'île ou on peut choisir le sexe de son future bébé // Le Figaro. 2019. 2 juillet. P. 16.

³ Во Франции решили узаконить ЭКО для одиноких женщин и лесбийских пар // RFI (РФИ) — французская новостная радиостанция. Интернет-сайт France Médias Monde. URL: <http://www.rfi.fr/ru/frantsiya/20170630-vo-frantsii-reshili-razreshit-eko-odinokim-zhenshchinam-i-lesbiiskim-param> (дата обращения: 07.06.2020).

Одиноким женщинам или лесбийским парам запрещено пользоваться донорством спермы, доступ к донорству спермы могут иметь только те пары, где мужчина стерилен, но не в связи с процедурой ЭКО⁴.

В Великобритании лечение ВРТ и исследование человеческих эмбрионов регулируются Законом об оплодотворении и эмбриологии человека от 13.11.2008⁵. В этой стране также действует Закон о суррогатном материнстве 1985 г., согласно которому эта процедура производится только на безвозмездной основе⁶.

В некоторых странах только гетеросексуальные пары с диагнозом бесплодие имеют доступ к ВРТ. К таким странам относятся Италия, Польша, Словакия, Словения, Турция, Франция, Чешская Республика и Швейцария. Хотя в настоящее время во Франции Национальный консультативный комитет по этике Франции (CCNE) одобрил расширение права на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) для лесбийских пар и для одиноких женщин, но католическая церковь яростно выступает против его принятия.

В ряде стран существуют на законодательном уровне ограничения по возрасту для женщин, обращающихся за помощью. Практически во всех странах Европы разрешена донорская сперма для ЭКО и внутриматочного оплодотворения. В Германии, Норвегии, Швейцарии донорство яйцеклеток запрещено. В Дании, Франции, Германии, Венгрии, Литве, Норвегии, Словении, Швеции и Нидерландах не разрешается тестирование эмбрионов на хромосомные аберрации. Редко разрешен выбор пола эмбрионов. Исследуя опыт иностранных государств, можно констатировать, что некоторые страны используют запреты на ряд методов репродуктивных технологий (так, выше упоминалась северная часть Кипра, где нет запрета на выбор пола будущего ребенка при использовании вспомогательных репродуктивных технологий).

В России все чаще иностранцы пользуются услугами российских суррогатных матерей. Необходимо законодательно закрепить обязанность медицинских учреждений, предоставляющих услуги, связанные с ВРТ, при обращении к ним иностранных пациентов учитывать особенности законодательства стран, из которых приехали генетические родители. Если бы в России договор о суррогатном материнстве требовал нотариального удостоверения, как нами предложено было ранее, можно было бы избежать многих злоупотреблений и нарушений⁷.

Например, выявлены случаи, когда для формального соблюдения закона, требующего, чтобы замужняя женщина для участия в программе суррогатного материнства получила письменное согласие супруга, фальсифицирует его подпись. Если она, воспользовавшись правом решать, не дает согласия на запись в качестве родителей лиц, которые с ней заключили договор на имплантацию эмбриона, она нарушает права супруга. Супруг, у которого не получали согласие на участие

⁴ URL: http://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1992_275_0/1992_275_0.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

⁵ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/22/contents> (дата обращения: 25.11.2020).

⁶ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/contents> (дата обращения: 25.11.2020) ;
URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/49> (дата обращения: 25.11.2020).

⁷ Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д. Расследование преступлений против семьи : монография / под общ. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2019.

жены в программе суррогатного материнства, становится отцом чужого для него ребенка, со всеми вытекающими последствиями. Криминалистический опыт по выявлению фальсификации документов может помочь избежать нарушения прав супруга, подпись которого фальсифицировали.

Необходимость учитывать зарубежное законодательство, регулирующее ВРТ, подтверждает постановление ЕСПЧ от 24.01.2017 по делу «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» (жалоба № 25358/12). Супруги полагали то, что принятые властями Италии меры, которые привели к окончательному изъятию из их семьи ребенка, зачатого с использованием вспомогательных репродуктивных технологий и рожденного суррогатной матерью на территории Российской Федерации, нарушили их права на уважение личной и семейной жизни. Решение ЕСПЧ по делу было не в пользу супружеской пары, которая прибегала к платным услугам суррогатного материнства на территории России⁸. Возможно, супруги стали жертвами обмана и им под видом суррогатного материнства продали ребенка, что следует квалифицировать согласно ст. 127.1 УК РФ («Торговля людьми»), либо они все знали и сами совершили преступление.

К сожалению, проверить информацию, источники которой находятся вне пределов России, достаточно сложно. Криминалистика должна обеспечить необходимыми методами и средствами лиц, уполномоченных и осуществляющих проверку достоверности уголовно-релевантной информации, при этом максимально использовать возможности, предоставляемые участием Российской Федерации в международном антикриминальном сотрудничестве.

В криминалистических средствах и методах такой проверки остро нуждается практика, что подтверждают события последнего времени. Так, в конце июня 2020 г. Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении учредителей компании, предоставляющей медицинские услуги, связанные с ВРТ, решив, что их действия подпадают под состав ст. 127.1 УК РФ («Торговля людьми»). По данным следствия, в квартире жилого дома были найдены пятеро новорожденных младенцев; дети были рождены россиянками для граждан Китая, куда их не смогли переправить из-за закрытия границ⁹.

Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми в сфере использования ВРТ, являются: преступления, совершаемые медицинскими работниками при осуществлении ими своей профессиональной деятельности, торговля людьми, мошенничество, вымогательство, фальсификация доказательств, превышение должностных полномочий.

Высокий уровень злоупотреблений, в том числе преступного характера, в сфере использования ВРТ добавляет аргументы противникам использования этих технологий, которые стремятся ограничить, а иногда и запретить их полностью. В Государственную Думу Федерального Собрания РФ уже вносили законодательные предложения о запрете суррогатного материнства¹⁰.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/71734326/> (дата обращения: 28.10.2020).

⁹ URL: <https://life.ru/p/1334828> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁰ См.: паспорт проекта Федерального закона № 133590-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного

Между тем многими учеными признается, что ВРТ являются значимым средством в обеспечении диагностики заболеваний, лечении бесплодия. По данным Европейского общества репродукции человека и эмбриологии, ежегодно в Китае делается около миллиона циклов ЭКО, в Европе — 600 000, в Японии — 500 000, в США — 200 000¹¹. Независимые исследования говорят о том, что в России ЭКО назначается примерно 70 000—100 000 пациентов¹². Такое широкое использование вспомогательных репродуктивных технологий требует защиты от криминальных рисков.

Отсутствие должного правового регулирования в сфере использования ВРТ ведет не только к спорам гражданско-правового характера между генетическими родителями и суррогатной матерью, между генетическими родителями и медицинскими учреждениями, но и провоцирует на совершение преступлений в этой сфере¹³.

Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, может быть криминалистический анализ принимаемого законодательства, связанного с применением ВРТ на предмет наличия в нем лазеек для преступников (по аналогии с проверкой законов на наличие в них коррупционной составляющей¹⁴). Важной задачей является определение круга преступлений, совершаемых в сфере использования ВРТ. С учетом зарубежного опыта¹⁵ нужно с криминалистических позиций спрогнозировать возможные преступные проявления, совершаемые с использованием ВРТ, с целью выявления криминальных рисков и принятия необходимых превентивных мер, в том числе связанных с криминализацией соответствующих деяний.

Криминалистика также должна внести свой вклад в процесс защиты ВРТ, который в основном заключается в выработке мер по предупреждению преступлений в этой сфере, в создании методик расследования преступлений, совершаемых в этой области, в выработке эффективных технических, тактических и методических рекомендаций по проверке значимой с криминалистических позиций информации. Многое в этом направлении уже сделано (включая настоящее исследование), но еще многое предстоит сделать.

материнства» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/133590-7> (дата обращения: 07.06.2020). (25.10.2018 законопроект отклонен.)

¹¹ URL: <https://admin.forbes.ru/forbeslife/364205-eko-sistema-cto-nuzhno-znat-ob-oplodotvorenii-v-probirke> (дата обращения: 28.10.2020).

¹² URL: <https://reprohelp.ru/agency/articles/211/> (дата обращения: 28.10.2020).

¹³ Кручинина Н. В. Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // *Lex russica*. 2019. № 6 (151). С. 48—51.

¹⁴ Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (с изм. от 21.11.2011 № 329-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

¹⁵ Например, ст. 136.1 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики предусматривает ответственность за искусственное оплодотворение или имплантацию эмбриона женщине или несовершеннолетней, осуществленные без их согласия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кручинина Н. В.* Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // *Lex russica*. — 2019. — № 6 (151). — С. 48—51.
2. *Кручинина Н. В., Попов В. П.* Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2019. — № 3 (55). — С. 95—100.
3. *Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д.* Расследование преступлений против семьи : монография / под общ. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2019. — 131 с.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. В статье указано преимущество осуществления железнодорожных перевозок, однако определено, что на сегодняшний день существует некое отставание данной сферы от потребностей народного хозяйства, что провоцируется ограниченностью территории, медленной модернизацией железных дорог, высокой изношенностью парка локомотивов. Как следствие, это порождает рост преступности на объектах транспорта, а одним из эффективных элементов формирования доказательственной базы по таким уголовным делам является применение технико-криминалистического исследования документов. Так, в работе описаны возможности технико-криминалистического исследования документов, а также те результаты производства исследования, которые необходимы для построения прочной доказательственной базы по уголовному делу. Рассмотрены стадии осуществления технико-криминалистического исследования документов. Проанализирована специфика производства, трудности при формировании выводов по проведенному исследованию. Кроме того, определено, что на сегодняшний день существует необходимость пополнения экспертно-криминалистических центров точными и подробными данными, касающимися описания различных печатей и форм ВУ, используемых в железнодорожной сфере, что позволит качественнее производить исследование и формулировать выводы. Установлено, что подобные данные помогут при установлении фактов изготовления поддельных документов, позволят сузить круг поиска преступника.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, ТКЭД, использование специальных знаний, технико-криминалистическое исследование документов, хищение объектов железнодорожного транспорта, мошенничество на объектах железнодорожного транспорта.

**Екатерина
Анатольевна
МАЛЫХИНА,**

старший научный
сотрудник научно-
исследовательского и
редакционно-издательского
отдела

Восточно-Сибирского
института

Министерства внутренних
дел РФ,

кандидат юридических наук

malykhina_ek@mail.ru

664074, Россия, г. Иркутск,
ул. Лермонтова, д. 110

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.085-092

E. A. MALYKHINA,

Senior Researcher, Research and Editorial Department
of the East Siberian Institute
of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation
Cand. Sci. (Law)

malykhina_ek@mail.ru

664074, Russia, Irkutsk, ul. Lermontova, 110

THE VALUE OF TECHNICAL AND FORENSIC RESEARCH OF DOCUMENTS IN THE INVESTIGATION OF THEFT OF RAILWAY OBJECTS

Abstract. *The article indicates the advantage of carrying out rail transportation, but it is determined that today there is a certain lag in this area from the needs of the national economy, which is provoked by limited territory, slow modernization of railways, and high deterioration of the locomotive fleet. As a result, this leads to an increase in crime at transport facilities, and one of the effective elements in the formation of the evidence base in such criminal cases is the use of technical and forensic research of documents. So, the work describes the possibilities of a technical and forensic study of documents, as well as those results of the research that are necessary to build a solid evidence base in a criminal case. The stages of the implementation of technical and forensic research documents. The specifics of production, the difficulties in forming conclusions on the study. In addition, it is determined that today there is a need for replenishment of forensic centers with accurate and detailed data regarding the description of various seals and forms of higher education used in the railway sector, which will allow for better research and help in drawing conclusions. It was found that such data will help in establishing the facts of the manufacture of fake documents, will narrow the circle of the search for the criminal.*

Keywords: *railway transport, TKED, use of special knowledge, technical and forensic research of documents, theft of railway transport objects, fraud at railway transport facilities.*

Железнодорожный транспорт по праву считается одним из основных видов транспорта. Несомненно, железные дороги в России являются значимым инструментом в организации транспортной логистики, а соответственно, активно участвуют в стимулировании экономического развития страны. Анализ статистических данных показал, что практически 50 % всего грузооборота страны приходится на железнодорожный транспорт, а около 30 % — на пассажирские перевозки, выполняемые транспортом общего пользования.

Осуществление грузовых перевозок железнодорожным транспортом является финансово прибыльным, при этом наиболее экономичным, если сравнивать с воздушным или автомобильным транспортом. Однако при всех преимуществах осуществления железнодорожных перевозок в настоящее время отмечается

определенное отставание от потребностей народного хозяйства. Помимо очевидных сложностей (ограниченность территории, медленная модернизация железных дорог, территориальные диспропорции в развитии железнодорожного транспорта), существует и такая проблема, как высокая изношенность парка локомотивов.

В настоящее время, по официальным данным ОАО «РЖД», срок эксплуатации деталей подвижного состава достаточно велик и составляет 22—30 лет¹. При этом, имея средний износ, железнодорожный транспорт на сегодняшний день требует серьезного обновления и модернизации. Данное положение заложено в Долгосрочную программу развития ОАО «РЖД» до 2025 года, подписанной 19.03.2019². В рамках реализации указанной Программы планируется обновление парка подвижного состава, в том числе тягового, с учетом заключения с его производителями контрактов жизненного цикла.

Существующие недостатки в деятельности железнодорожного комплекса порождают совершение преступниками различного рода противоправных деяний в своих корыстных целях. Так, высокая стоимость железнодорожных деталей, сложный процесс их направления в утиль, а также отсутствие четкой системы контроля дают преступникам возможность совершать мошеннические действия в целях личного обогащения. В этой связи необходима разработка эффективных мер по предупреждению, раскрытию и расследованию таких преступлений и правонарушений³.

Нередки случаи, когда преступниками продаются частным собственникам вагонов, осуществляющих железнодорожные перевозки, детали с уже истекшим сроком эксплуатации, с предварительно подготовленными поддельными сопроводительными документами. Это становится возможным в связи с тем, что в большинстве случаев невыгодно осуществлять ремонт деталей для дальнейшего использования, равно как и просто не эксплуатировать вагон до окончания сроков эксплуатации, ведь простой является платным. Однако при наличии неэксплуатируемых вагонов отдельные детали можно выгодно продать, поскольку приобрести запчасти по заниженной цене хочет любой собственник вагонов. На практике такие вагоны документально пригоняются в депо на ремонт, а потом продаются на металлолом. По факту на неэксплуатируемый вагон вносятся изменения в служебную техническую документацию и после этого отдельные комплектующие детали продаются частным собственникам. Среди документов, содержащих сведения о вагоне и отдельных комплектующих деталях, выделим следующие формы: ВУ-23, ВУ-32, ВУ-53, ВУ-22, ВУ-4м, ВУ-26.

¹ ГОСТ Р 58720-2019 Национальный стандарт Российской Федерации. Тележки, рамы боковые, балки надрессорные и соединительные специальных вагонов грузового типа. Общие технические условия (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 05.12.2019 № 1340-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

² Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2019 № 466-р «Об утверждении программы развития ОАО «РЖД» до 2025 года» (вместе с Долгосрочной программой развития открытого акционерного общества «Российские железные дороги» до 2025 года) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Грибунов О. П., Усачев С. И. К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // Юристъ-правоведъ. 2020. № 1 (92). С. 153.

Несмотря на сложившуюся передовую правоприменительную практику, расследование преступлений представляет собой сложный трудоемкий процесс, требующий определенных знаний, навыков и умений⁴. Очевидно, что деятельность правоохранительных органов обусловлена рядом трудностей, связанных с особенностями взаимодействия участников предварительного следствия, а также с осуществляемым противодействием преступников⁵.

Говоря о хищениях объектов железнодорожного транспорта, отметим, что при наличии объективных обстоятельств необходимо осуществлять изъятие служебной документации для дальнейшего осмотра и приобщения к материалам уголовного дела, а также назначения различных экспертиз и исследований. Так, использование специальных знаний при расследовании преступлений в настоящее время является неотъемлемой частью создания прочной доказательственной базы по уголовному делу.

Как справедливо отмечено С. Г. Ереминым и Ю. В. Третьяковым, «при производстве любой судебной экспертизы законодательство не ограничивает эксперта в выборе методов исследования, поэтому главное, что определяет допустимость методов при ее производстве, это их научная обоснованность, соответствие новейшим достижениям в области современных научных технологий, времени получения результатов»⁶.

Исследование железнодорожной документации может послужить качественным подспорьем при формировании доказательственной базы по уголовным делам, возбужденным по факту совершения хищений объектов железнодорожного транспорта. Изучение материалов уголовных дел позволило определить, что в рамках расследования таких преступлений все большую актуальность приобретает назначение и производство технико-криминалистической экспертизы документов (далее — ТКЭД). Такие исследования необходимы для установления фактов подделки документов, внесения в них исправлений и корректировок.

Применение специальных знаний в указанной отрасли необходимо для установления обстоятельств совершенного преступления, в дальнейшем они послужат доказательственной базой по делу, что благоприятно отразится на всем процессе предварительного расследования⁷.

⁴ См., например: *Варданян А. В.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23—25; *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 120—134.

⁵ *Грибунов О. П.* Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). С. 150.

⁶ *Еремин С. Г., Третьяков Ю. В.* Требования к методам судебно-бухгалтерской экспертизы для решения диагностических и идентификационных задач при анализе бухгалтерского учета, сопряженного с использованием компьютерных средств // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : сборник научных трудов. Краснодар, 2013. С. 61.

⁷ *Усачев С. И.* К вопросу о мошенничестве в сфере автострахования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3 (90). С. 221.

При этом важно обеспечивать профессиональный подход должностных лиц к производству предварительного расследования, а также непрерывно совершенствовать умения и навыки⁸.

Исследование документов, изготовленных при помощи печатающих устройств, всегда являлось актуальной задачей ТКЭД и остается таковой на сегодняшний день. Несмотря на большое количество научно-методической и учебной литературы, производство экспертиз и исследований подобных объектов нередко вызывает трудности, связанные в первую очередь с недостаточной разработанностью практических вопросов идентификации.

При производстве ТКЭД исследуется непосредственный объект⁹. Так, при расследовании хищений объектов железнодорожного транспорта такими объектами являются реквизиты документов (оттиски печатей, подписи) на железнодорожной технической документации. При этом необходимо наличие образцов для сравнительного исследования.

Важно отметить, что все используемые при исследовании образцы, из которых извлекается информация о проверяемом объекте, должны отвечать следующим критериям:

- образцы должны в полном объеме и при этом достоверно отображать свойства проверяемого объекта;
- необходимо наличие информации об их истинном происхождении;
- образцы должны быть получены в тех же условиях, т.е. в полной мере должны быть сопоставимы с отображениями искомого объекта.

Помимо указанного, к образцам, полученным экспериментальным путем, предъявляются особые требования. Для образцов, которые представляют собой оттиски печатей, необходимо получить не менее 20 экспериментальных оттисков; оттиски следует наносить печатью, которая предварительно смочена в краске различной степени интенсивности, и на лист с различной подложкой (мягкой, твердой); наносить оттиски нужно на слабо и сильно проклеенную бумагу краской того же цвета, что и в исследуемом оттиске; оттиски наносятся перпендикулярно к поверхности бумаги, при этом применяют различную силу с различной силой нажима и под углом.

Некоторые сложности могут возникать при необходимости идентификации печати по ее оттискам в документах, которые имеют низкое качество, в таких случаях зачастую распознавание возможно лишь при сравнении этих оттисков либо со свободными образцами, либо с экспериментальными. В этой части следует согласиться с высказыванием, что «в настоящее время правоприменительная практика к судебно-экспертной деятельности выдвигает качественно новые требования»¹⁰.

⁸ Комиссарова Я. В. Дискуссионные аспекты регулирования экспертной деятельности на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 4. С. 92.

⁹ Россинская Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза : монография. М. : Проспект, 2018. С. 176.

¹⁰ Варданян А. В., Овсепян Г. М. Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 67.

При назначении ТКЭД в целях сбора эффективной доказательственной базы следует учитывать, что при расследовании хищений объектов железнодорожного транспорта возможно производить два вида исследования: реквизитов документов и документов.

К первому виду следует относить рукописные тексты, подписи, оттиски печатей/штампов, фотокарточки, сожженные/разорванные документы, технические средства, тексты, документы, изготовленные полиграфическими способами. Ко второму виду относятся травящие, смывающие вещества, материалы письма, окрашенные вещества в емкостях, бумага, изделия из бумаги, вспомогательные материалы, являющиеся составной частью изделия из бумаги, корректирующие вещества и т.д.

В рамках производства ТКЭД возможно установить целый ряд необходимых для расследования уголовного дела данных. Так, представляется возможным определить способ изготовления документа, факт и способ внесения изменений в документ, выявить первоначальное содержание документа, идентифицировать технические средства, которые применялись для изготовления документов либо внесения в них изменений, определить единый источник происхождения документов, установить способ выполнения реквизитов документов, выявить слабовидимые/невидимые реквизиты документов, идентифицировать технические средства, применяемые для выполнения реквизитов документов, и т.д.

При производстве ТКЭД осуществляются поэтапно несколько стадий: подготовительная, аналитическая, сравнительная и синтезирующая.

В рамках первого этапа эксперт осуществляет ознакомление с постановлением следователя, а также представленными объектами и сравнительными материалами, далее производится осмотр материалов и устанавливается полнота их предоставления. На данном этапе становится ясной задача и сам предмет экспертизы, кроме того, формируется общее представление об объектах экспертизы, выдвигаются рабочие версии и планируется проведение исследования.

Следующая стадия позволяет изучить конкретные свойства объектов экспертизы. После чего в рамках решения диагностической задачи выявляются и фиксируются диагностирующие признаки объекта, требующиеся для установления его природы, свойств и состояний, выявляются характеристики, определяется значимость признаков для диагностики объекта. При решении идентификационной задачи проводится раздельное исследование свойств и признаков объектов экспертизы, выявляются общие и частные признаки объектов, определяется устойчивость признаков и частота их встречаемости в аналогичных объектах. При необходимости исследуются образцы сравнительные. Так, на основе анализа каждого признака эксперт решает вопрос о его пригодности для идентификации.

Результатом проведения аналитической стадии является установление достаточности признаков для суждения о тождестве, о наличии или отсутствии какого-либо факта. В некоторых случаях эксперт приходит к выводу о невозможности индивидуализации объектов и решения вопроса о тождестве.

Сравнительная стадия включает установление сходства (различия) исследуемых объектов по выявленным признакам, а также устанавливает сходство (различие) исследуемых объектов и образцов для сравнения по установленным признакам.

На синтезирующей стадии проводится комплексная оценка совпадений и различий признаков сравниваемых объектов, оценивается идентификационная (или диагностическая) значимость результатов исследования и формируются выводы.

В оценочной стадии применяются логические методы: анализ, синтез, дедукция и др. В основу выводов берется необходимый и достаточный комплекс признаков.

Однако следует учитывать, что эксперт не имеет права давать юридическую оценку выявленным фактам. К компетенции эксперта не относится установление фактов, требующих для их разрешения юридических знаний (уголовно-правовой оценки). Эксперт не может устанавливать подлинность или поддельность (подложность) документа, так как эти понятия включают не только техническую, но и правовую оценку факта. Эксперт-криминалист решает только технические вопросы.

В связи с тем, что термины «подделка», «подлинность», помимо уголовно-правового, имеют еще и криминалистическое значение, эти термины употребляются в методической литературе. Однако в заключениях эксперта эти термины не должны употребляться. Эксперт может сформулировать выводы следующим образом: «представленные на экспертизу сопроводительные документы на пересылку неисправного вагона формы ВУ-26 изготовлены способом офсетной печати, нумерация выполнена способом высокой печати, что соответствует технологии, применяемой при печати этих бланков»; «изменения в документе произведены путем подчистки с последующей допиской».

В настоящее время назначение и проведение таких исследований играют определяющую роль в раскрытии и расследовании преступлений¹¹, а их результаты являются одним из высокоинформативных источников доказательственной информации. Возникают все новые способы и средства проведения исследований в области ТКЭД, что, безусловно, в скором времени позволит в полном объеме решать экспертные задачи данного характера¹².

Таким образом, эффективность ТКЭД не вызывает сомнений. Важно отметить, что в экспертно-криминалистическом центре в распоряжении экспертов на сегодняшний день имеется точное описание различных объектов, подвергаемых исследованию (основных государственных знаков, печатей, денежных купюр и т.д.). Однако существует необходимость пополнения таких сведений точным и подробным описанием различных печатей и форм ВУ, используемых в железнодорожной сфере, что позволит качественнее производить исследование и поможет при формулировании выводов.

Такие сведения об обстоятельствах и условиях изготовления поддельных документов (оборудование, материалы, технология изготовления, использование специфичных материалов), а также об индивидуальных навыках, приемах изготовителя (высокое качество поддельных документов) сужают круг поиска преступника. Сведения, факты, установленные в результате проведения ТКЭД, могут содержать не только доказательную, но и розыскную информацию.

¹¹ Никонович С. Л., Шаевич А. А., Трубкина О. В. Современная практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 96.

¹² Бондаренко Р. В., Орлова Т. В. К вопросу о возможностях идентификации струйных печатающих устройств // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 228.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бондаренко Р. В., Орлова Т. В.* К вопросу о возможностях идентификации струйных печатающих устройств // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 4. — С. 228—232.
2. *Вардамян А. В.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—25.
3. *Вардамян А. В., Овсепян Г. М.* Судебные экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: тактико-криминалистический потенциал, проблемы назначения и производства // Философия права. — 2015. — № 1 (68). — С. 67—70.
4. *Грибунов О. П.* Особенности планирования расследования преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 2 (44). — С. 146—155.
5. *Грибунов О. П., Усачев С. И.* К вопросу о способах совершения мошенничества в сфере автострахования // Юристъ-правоведъ. — 2020. — № 1 (92). — С. 151—154.
6. *Еремин С. Г., Третьяков Ю. В.* Требования к методам судебно-бухгалтерской экспертизы для решения диагностических и идентификационных задач при анализе бухгалтерского учета, сопряженного с использованием компьютерных средств // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : сборник научных трудов. — Краснодар, 2013. — С. 58—68.
7. *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 120—134.
8. *Комиссарова Я. В.* Дискуссионные аспекты регулирования экспертной деятельности на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2012. — № 4. — С. 92—96.
9. *Никонович С. Л., Шаевич А. А., Трубкина О. В.* Современная практика назначения и производства судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 3 (82). — С. 96—103.
10. *Россинская Е. Р.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза : монография. — М. : Проспект, 2018. — 464 с.
11. *Усачев С. И.* К вопросу о мошенничестве в сфере автострахования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2019. — № 3 (90). — С. 214—221.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫХ С ОГРАНИЧЕНИЕМ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. В ходе выявления и расследования правонарушений важное значение отводится сбору доказательственной информации с целью установления фактов данных деяний. В этом отношении получение криминалистически значимой информации о нарушении антимонопольного законодательства, о создании картеля, заключении ограничивающего конкуренцию соглашения невозможно без использования технико-криминалистических средств. В статье раскрываются возможности применения средств криминалистической техники, позволяющих обнаружить, зафиксировать и изъять доказательственную и ориентирующую информацию о картельном сговоре. В силу сложности доказывания фактов ограничения конкуренции отмечается целесообразность использования конкретных технико-криминалистических средств, подтверждающая их эффективность.
Ключевые слова: технико-криминалистические средства, нарушения антимонопольного законодательства, ограничение конкуренции, картельный сговор, расследование, картель, экономические преступления, антиконкурентные соглашения.

Марина Михайловна МИЛОВАНОВА,
доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
milovanova_marin@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.093-099

M. M. MILOVANOVA,

Associate Professor of the Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
milovanova_marin@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

USAGE OF CRIMINALISTIC TECHNICAL MEANS, METHODS AND DEVICES IN DETECTING AND INVESTIGATION OF VIOLATION OF THE ANTIMONOPOLY LEGISLATION, WHICH CONCERNED WITH CEASING OF COMPETITION

Abstract. During detection and investigation of violations, the proper collection of appropriate evidences plays very important role in the detecting of criminal facts. That's why the obtaining of relevant criminalistic information about the violation of Legislation, such as Cartel Collusions and Ceasing of

© М. М. Милованова, 2021

Competition seems impossible without of using criminalistic technical means, methods and devices.

This article reveals the opportunities of using criminalistic technologies which allows to detect and collect criminalistic information about Cartel Collusions. According to the complication of proofing the ceasing of competition facts, it's very necessary to use certain effective criminalistic facilities in these cases.

Keywords: *technical criminalistic means, methods and devices, cartel collusions, violation of Antimonopoly Legislation, Ceasing of Competition, restriction of competition, investigation, cartel, economic crimes, anticompetitive agreement.*

Эффективность антимонопольных расследований достигается посредством применения средств, приемов и методов криминалистической техники. Неоценимую помощь в обнаружении, фиксации, изъятии, сохранении и использовании криминалистически значимой информации (как доказательственной, так и ориентирующей) призваны оказать технико-криминалистические средства, позволяющие установить и зафиксировать факты нарушения антимонопольного законодательства, получить данные о субъектах противоправной деятельности, обстановке, средствах, используемых для достижения преступного результата, других обстоятельствах совершенного деяния.

Технико-криминалистические средства следует классифицировать в зависимости от цели их использования, с учетом потребностей оперативно-розыскной, следственной и судебной практики нарушений антимонопольного законодательства, а также практики антимонопольных расследований. Прежде всего это технико-криминалистические средства, предназначенные:

- а) для обнаружения следов и предметов — вещественных доказательств;
- б) для фиксации следов преступного ограничения конкуренции и доказательственной информации;
- в) для закрепления и изъятия обозначенных следов и предметов.

Как показал анализ административной практики антимонопольных расследований, а также следственной и судебной практики расследования нарушений антимонопольного законодательства, в силу специфики рассматриваемых деяний правоприменители, как правило, используют две последние группы технико-криминалистических средств. В первую очередь речь идет о наглядно-образных средствах фиксации доказательственной информации — фотоаппаратах и видеокамерах. Причем в большинстве случаев предпочтение отдавалось именно фотосъемке, с помощью которой при выявлении фактов ограничения конкуренции и иных нарушений антимонопольного законодательства запечатлевались обстановка места происшествия, обнаруженные доказательства.

Следует заметить, что, несмотря на доступность использования в качестве наглядно-образного средства фиксации видеокамер, в практике расследования нарушений антимонопольного законодательства они используются нечасто. Вместе с тем для фиксации речевой (вербальной) информации предпочтение отдается диктофонам, хотя законодатель допускает использование с этой целью любых средств коммуникации.

При этом проведенный анализ материалов проверок выявленных нарушений антимонопольного законодательства, а также уголовных дел, возбужденных по данным фактам, позволил прийти к выводу, что указанные технико-криминалистические средства использовались работниками антимонопольных органов в 78 % случаев, а сотрудниками правоохранительных органов — лишь в 47 % случаев. Отсутствие активного применения средств фото- и аудиофиксации сотрудниками правоохранительных органов объяснили достаточностью протоколирования производимых действий и приобщения к материалам дела материальных носителей информации. Кроме того, был отмечен и тот факт, что в большинстве случаев сообщение вместе с заключением о нарушении антимонопольного законодательства в правоохранительные органы поступает уже спустя определенное время после проведения ведомственного расследования сотрудниками ФАС России. В этой связи рациональность применения данных технико-криминалистических средств фиксации сводится к минимуму.

Такая позиция является в корне неверной, поскольку использование видеофиксации позволяет наглядно запечатлеть обстановку места рассматриваемого противоправного деяния, индивидуальные признаки обнаруженных там следов, предметов, документов, а также сам процесс получения доказательственной информации в динамике, что в ряде случаев имеет самостоятельное значение. Кроме того, при отказе следователя от привлечения понятых для участия в таких процессуальных действиях, как наложение ареста на имущество, осмотр, следственный эксперимент, выемка, проверка показаний на месте, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений в учреждении связи, законодателем прямо предписана необходимость обязательного использования технических средств для фиксации их хода и результатов.

При проведении расследования нарушений антимонопольного законодательства как антимонопольными, так и правоохранительными органами тактически обоснованным является использование комплектов технико-криминалистических средств, которыми, в частности, могут быть:

- криминалистический комплект фототехники, предназначенный для фотосъемки (в том числе на месте происшествия), а также для записи и обработки файлов с фотографиями на портативном компьютере и изготовления цифровых фотографий;
- комплект технико-криминалистических средств для фотовидеосъемки «Плутон», укомплектованный видеокамерой, цифровым фотоаппаратом, принадлежностями и материалами для работы с ними (вспышкой, штативом, картами памяти SD, автономным устройством записи информации с карт памяти на CD-R диски без компьютера, сублимационным принтером и проч.).

Технико-криминалистическим средством, которое также целесообразно использовать при раскрытии и расследовании преступных нарушений антимонопольного законодательства, а также в ходе антимонопольных расследований, является набор «Копир», предназначенный для копирования видео-, фотоматериалов. На месте происшествия с помощью указанного технического средства реализуется возможность автономного проведения записи цифровых изображений непосредственно с цифровых фотоаппаратов, видеокамер и карт памяти на DVD-R/RW диски без использования компьютера.

Следует отметить, что в настоящее время субъектами преступной деятельности при совершении противоправных деяний, связанных с нарушением антимонопольного законодательства, используются технически сложные устройства (персональные компьютеры, планшеты, коммуникаторы, смартфоны и т.п.), в памяти которых содержатся документы, переписка, голосовые сообщения и иная криминалистически значимая информация, имеющая доказательственное и ориентирующее значение при выявлении и расследовании указанных правонарушений. Кроме того, данная информация также может находиться на съемных электронных носителях (на флеш-картах, внешних жестких дисках, в HDD боксах), а также содержаться в облачных хранилищах сети Интернет. В последнем случае доступ к такой информации (документам, приложениям и пр.) возможно получить удаленно с любого технически сложного устройства, поскольку она хранится на сервере провайдера.

Извлечение, дублирование и анализ информации, содержащейся на компьютерах, в иных технически сложных устройствах, в облачных хранилищах, возможны при использовании аппаратно-программных комплексов — мобильных криминалистических лабораторий (Mobile Field Kit, Road MASter-3, UFED Touch Ultimate и др.). Данные комплексы способны оказать быструю помощь в области компьютерной, облачной и мобильной криминалистики, обеспечить получение криминалистически значимой информации при извлечении, декодировании данных с разных устройств, включая мобильные телефоны (в том числе устаревшие), смартфоны, портативные устройства, планшетные компьютеры, и позволяют быстро, надежно создавать образ, проводить анализ данных в любых условиях.

В свою очередь, для создания образов и клонирования информации целесообразно использовать копировщики — специально созданные устройства — дубликаторы жестких дисков, USB и SD Card (например, Image MASter Solo-101). Это обусловлено тем, что технически сложные устройства являются неотъемлемой частью нашей жизни, и, к сожалению, содержащиеся на них цифровые доказательства, как умышленно, так и непреднамеренно, легко либо повредить, либо уничтожить.

Вместе с тем при выявлении, раскрытии и расследовании нарушений антимонопольного законодательства наряду с цифровыми доказательствами возможно обнаружение документов на бумажных носителях¹. Однако следует учитывать, что они могут не только отражать реальные факты, но и быть сфальсифицированными. В последнем случае при осмотре документов с признаками подделки могут использоваться различные осветительные приборы, лупы, микроскопы, электронно-оптические преобразователи (ЭОП), ультрафиолетовые осветители (УФО), позволяющие выявить дописки, исправления, травление. Их применение в данном аспекте следует признать методически правильным.

Анализ следственной и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что при расследовании нарушений антимонопольного законодательства наиболее сложным является установление и доказывание фактов заключения между

¹ Васильева О. Н. Об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам об ограничении конкуренции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 101—108.

хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), ответственность за которое предусмотрена ст. 178 УК РФ. Это вызвано тем, что такое соглашение практически всегда достигается посредством устной договоренности и документально не оформляется. В настоящее время субъекты преступной деятельности используют для обмена информацией электронные почтовые сообщения, переписку и голосовые сообщения при помощи мессенджеров, которые после прочтения и прослушивания могут быть удалены. В связи с этим неоценимую помощь при раскрытии и расследовании ограничения конкуренции может оказать грамотное использование полиграфа.

В частности, в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а также проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, предусмотренном ст. 178 УК РФ, с целью установления факта картельного соглашения, его участников, организатора сговора результативным может быть опрос с использованием полиграфа (ст. 144 УПК РФ, п. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Указанная криминалистически значимая информация может быть получена и в соответствии со ст. 80 УПК РФ в виде заключения специалиста-полиграфолога, а также в форме заключения эксперта при производстве судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (ст. 195, 204, 205 УПК РФ).

Таким образом, полиграф следует рассматривать как техническое средство, применяемое при производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, экспертных исследований в целях получения сведений, касающихся:

- а) информированности обследуемого лица о юридически значимой ситуации, послужившей основанием для проведения исследования;
- б) обстоятельств получения обследуемым лицом информации о юридически значимой ситуации, послужившей основанием для проведения исследования².

Следовательно, полиграф целесообразно применять при расследовании ограничения конкуренции. Выявленная таким образом криминалистически значимая информация о заключении картельного соглашения позволит оперативно собрать дополнительные доказательства нарушения антимонопольного законодательства, дать им оценку.

Однако анализ правоприменительной практики, опрос сотрудников следственных органов и оперативно-розыскных подразделений показал, что при раскрытии и расследовании ограничения конкуренции такое техническое средство, как полиграф, ими ни разу не применялось. Опрошенные респонденты пояснили это проблемами правового характера со ссылкой на Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ³, в котором указано, что согласно ст. 74 УПК РФ психофизиологические исследования нельзя рассматривать в качестве доказательств, а данные по ним заключения не соответствуют

² См.: Методические рекомендации по порядку назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», утв. 02.11.2020. П. 1.2.2. (Рекомендации имеются в распоряжении автора статьи).

³ URL : https://www.vsr.ru/Show_pdf.php?Id=8587 (дата обращения: 29.11.2020).

требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к экспертным заключениям.

Касаясь вопроса доказательственного значения результатов применения полиграфа, специалисты отмечают, что показатели полиграфа имеют лишь ориентирующее значение, и практике известны ошибки, когда показания полиграфа правоохранители и судебные органы принимали за абсолютную и непререкаемую истину⁴.

Однако на сегодняшний день существует достаточно обширная следственная и судебная практика использования полиграфа при проведении психофизиологических экспертиз, а заключения экспертов-полиграфологов принимаются судами в качестве доказательств⁵.

Обоснованно считаем, что применение полиграфа в процессе расследования ограничения конкуренции и установлении картеля позволит:

- получить сведения о составе лиц — участников картельного соглашения; инициаторе и организаторе сговора, пособниках, а также уточнить отведенную роль и действия каждого из них;
- выявить информацию об иных лицах, осведомленных о деталях сговора;
- получить информацию об условиях и деталях картельного соглашения, действиях его участников по подготовке, совершению и сокрытию нарушения антимонопольного законодательства, выразившегося в ограничении конкуренции;
- определить достоверность полученной от подозреваемых, свидетелей информации и выявить лжесвидетельство.

Кроме того, возможно получить и иную интересующую следствие криминалистически значимую информацию в связи с расследуемым фактом ограничения конкуренции.

При этом следует учитывать, что существенным условием использования полиграфа является получение согласия участников процесса на его применение и проведение психофизиологической экспертизы. Перед вынесением постановления о производстве данного исследования в материалах уголовного дела или проверки о совершенном преступлении должны присутствовать сведения об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания, полученные из показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и других источников.

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что раскрытие и расследование фактов нарушения антимонопольного законодательства, получение доказательственной и ориентирующей информации о картелях, заключенных картельных соглашениях невозможны без применения технико-криминалистических средств,

⁴ См., например: *Карлов В. Я.* Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : научно-практическое пособие. М. : Экзамен, 2006. С. 48.

⁵ См., например: *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии : учебник для магистров. М. : Проспект, 2016 ; *Комиссарова Я. В., Хамзин С. Р.* Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С 363—371 ; *Семенов В. В.* Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. 2020. № 10. С. 8—12.

с помощью которых осуществляются поиск, фиксация и изъятие доказательств. Их использование возможно не только сотрудниками оперативных служб при проведении оперативно-розыскных мероприятий; следователями в ходе производства следственных действий, специалистами, экспертами в процессе соответствующих исследований, но и сотрудниками антимонопольной службы в ходе осуществления контроля и надзора за соблюдением антимонопольного законодательства и выявления фактов ограничения конкуренции.

Среди условий применения средств криминалистической техники наиболее важное значение имеют: законность и допустимость их использования при отсутствии нарушений прав и законных интересов лиц, норм морали и профессиональной этики; возможность сохранения источников и исключение искажения полученных доказательств.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Васильева О. Н.* Об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам об ограничении конкуренции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 101—108.
2. *Карлов В. Я.* Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : научно-практическое пособие. — М. : Экзамен, 2006. — 192 с.
3. *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2016. — 189 с.
4. *Комиссарова Я. В., Хамзин С. Р.* Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2017. — № 6 (35). — С. 363—371.
5. *Семенов В. В.* Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. — 2020. — № 10. — С. 8—12.

**Владимир Иванович
ПАРШИКОВ,**

доцент кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
viparshikov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АЛГОРИТМОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье автор аргументирует необходимость выделения алгоритма расследования отдельных видов преступлений в качестве самостоятельного вида криминалистического алгоритма. Подвергнуто критике как необоснованно узкое его понимание в виде комплекса следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и последовательности их проведения. Подчеркивается, что алгоритм расследования представляет собой комплекс целей, задач, предписаний и рекомендаций о методах их решения, составе и последовательности следственных действий. Указано на необходимость понимания алгоритма расследования в широком и узком смысле. На основе проведенного анализа целей и задач, решаемых на первоначальном этапе расследования преступлений, сделан вывод, что алгоритмы в виде последовательности следственных действий представляют собой упрощенный вариант указанных выше алгоритмов. Они способствуют обеспечению процесса расследования в целом, являются предельно компактными, простыми, доступными. Однако в силу своей высокой общности, отсутствия алгоритмов решения частных задач их ценность для расследования отдельного вида преступления ограничена.
Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистика, алгоритм расследования, алгоритм последовательности задач, алгоритм последовательности следственных действий, общие задачи алгоритма расследования, частные задачи алгоритма расследования, детерминанты последовательностей задач расследования.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.100-107

V. I. PARSHIKOV,

Associate Professor of the Criminalistics department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)
viparshikov@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

ABOUT SOME PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND USE OF ALGORITHMS OF INVESTIGATION OF CERTAIN TYPES OF CRIMES

Abstract. In the article, the author argues for the need to distinguish the algorithm of investigation of certain types of crimes as an independent type of forensic algorithm. It is criticized as unreasonably narrow understanding of it

in the form of a set of investigative actions, operational search measures and the sequence of their implementation. It is emphasized that the investigation algorithm is a set of goals, tasks, prescriptions and recommendations on the methods of solving them, the composition and sequence of investigative actions. It is pointed out that it is necessary to understand the investigation algorithm in a broad and narrow sense. Based on the analysis of the goals and tasks solved at the initial stage of crime investigation, it is concluded that the algorithms in the form of a sequence of investigative actions are a simplified version of the above algorithms. They contribute to ensuring the investigation process as a whole, are extremely compact, simple, and accessible. However, due to their high generality and lack of algorithms for solving particular problems, their value for investigating a particular type of crime is limited.

Keywords: *crime investigation, criminalistics, investigation algorithm, task sequence algorithm, investigation sequence algorithm, General tasks of the investigation algorithm, particular tasks of the investigation algorithm, determinants of the sequences of investigation tasks.*

В период активного обсуждения понятия и структуры частной методики расследования отдельных видов преступлений Р. С. Белкин и другие ученые-криминалисты высказали мнение, что одним из ее элементов должен быть алгоритм начального этапа расследования¹.

В литературе криминалистический алгоритм определяется как «научно обоснованное предписание о выполнении в заданном порядке системы последовательных операций, рекомендуемых следователю для решения задач уголовного судопроизводства»². Этим определением охватываются алгоритмы, применяемые в криминалистической технике, тактике и методике, например алгоритмы выявления следов рук, допроса подозреваемого, расследования преступлений против личности.

Алгоритмы расследования преступлений отличаются от других множественностью и специфичностью целей, применяемыми методами, что делает их самостоятельным видом алгоритмов, который нуждается в собственном определении.

Р. С. Белкин считал, что алгоритм расследования представляет собой «описание первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, причем в отношении первых указывается перечень, типичная последовательность и особенности тактики, а в отношении вторых приводится только перечень с указанием вопросов, которые могут быть решены их проведением... Этот алгоритм начального расследования действительно необходим и, безусловно, полезен»³.

¹ См. например: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М. : Юридическая лит., 1988. С. 19 ; *Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Вольнского.* М. : Спарк, 1998. С. 332.

² *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М. : Лига Разум, 2000. С. 71.

³ См.: *Белкин Р. С.* Указ. соч. С. 194—195 ; *Он же.* Курс советской криминалистики. М. : Академия МВД СССР, 1979. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и методы. С. 204.

Е. П. Ищенко, исследуя проблемы расследования преступлений, пришел к выводу, что алгоритм расследования — это «зависимая совокупность взаимосвязанных следственных и иных действий, а также их комплексов, выстроенных в оптимальной последовательности и направленных на получение predetermined результата»⁴.

Н. А. Селиванов указывает, что «содержанием криминалистической методики, помимо прочего, является система следственных и иных предусмотренных нормами права действий, осуществляемых в оптимальной последовательности с целью полного, точного и быстрого раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»⁵. В его определении методика расследования приобретает большое сходство с алгоритмом расследования преступлений, что наводит на мысль о существовании разных подвидов этого алгоритма:

- 1) в широком понимании — как научной разработки, включающей в себя перечень целей и задач расследования, методов и способов их применения, а также состав и последовательность производимых действий, информационное обеспечение в виде баз данных, анализ и научное обоснование предлагаемого алгоритма и др.;
- 2) в узком смысле — как конечный результат научной разработки, рассчитанный на применение в практической деятельности, не содержащий обоснований формализованный набор операций, изложенных в определенной последовательности, применение которой к исходным данным позволяет получить искомый результат.

Следует отметить, что ученые-криминалисты предлагали и другое понимание следственного алгоритма, а именно как состава и последовательности решения задач (а не следственных действий). Так, Е. П. Ищенко предложил алгоритм расследования убийств, суть которого состоит в последовательном установлении личности потерпевшего, причины его смерти, времени и места совершения убийства, способа и орудия причинения смерти потерпевшему и т.д.⁶ Аналогичные алгоритмы расследования разрабатывал Г. А. Густов⁷.

Тем не менее в криминалистике утвердилось понимание алгоритма расследования как совокупности следственных действий, осуществляемых в заданной последовательности. В большинстве опубликованных методик расследования, учебных пособий и учебников, диссертационных исследованиях он излагается именно в таком виде.

В подтверждение можно привести предлагаемый Ю. Г. Коруховым алгоритм расследования взяточничества в ситуации, когда о преступлении стало известно

⁴ См.: Организация неотложных следственных действий : учебное пособие / под ред. О. В. Волоховой. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 20.

⁵ Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М. : Юрид. лит., 1982. С. 112.

⁶ Ищенко Е. П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1987. С. 96—101.

⁷ Густов Г. А. Моделирование — эффективный метод следственной практики и криминалистики // Актуальные проблемы советской криминалистики. М. : Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. С. 68—80.

от взяткодателя. Он изложен в виде последовательности следующих следственных действий: допрос заявителя, свидетелей; задержание с поличным; осмотр документов, вещественных доказательств, предметов взятки; осмотр места происшествия; обыски у субъектов взяточничества, коррупции, наложение ареста на имущество; допрос подозреваемого⁸.

В качестве алгоритма расследования незаконного оборота наркотиков при задержании его участников в той же работе предлагается следующий алгоритм: задержание с поличным; личный обыск задержанных; осмотр места происшествия (задержания); осмотр вещественных доказательств; обыски по месту работы и жительства подозреваемого; допросы свидетелей, понятых; производство медицинского освидетельствования подозреваемых на предмет одурманивания, вызванного употреблением наркотических веществ, иных следов употребления наркотиков; направление изъятых наркотических средств для экспертного исследования; процессуальное оформление, использование технических средств и документирования преступных действий подозреваемого; установление и розыск соучастников преступления⁹.

Представляется, что устоявшееся понимание алгоритма расследования отдельного вида преступления как состава и последовательности следственных действий нуждается в корректировке, поскольку вступает в определенное противоречие с некоторыми положениями теории познания. Кроме того, такой алгоритм применим к решению только некоторых задач расследования, в пользу чего можно привести следующие аргументы.

1. Составными элементами любого алгоритма являются цели, задачи, комплекс действий по достижению цели, последовательность их осуществления. Определяющими элементами алгоритма являются его цели, задачи. Исходя из них, а также объекта познания, исходной информации, следователь определяет методы, способы, приемы решения проблемной ситуации, которые, в свою очередь, определяют следственные действия, при проведении которых они будут применены. Таким образом, именно цели, задачи определяют, какие следственные действия необходимо произвести для их достижения, а не наоборот.

Это утверждение в полной мере согласуется с теорией познания, разрешения следственных ситуаций, которые предписывают, что первоначально необходимо обозначить и сформулировать проблему; затем определить методы ее решения.

На зависимость применяемых методов от целей исследования указывал Н. С. Полевой. Он пришел к выводу, что «применение того или иного метода познания в сфере криминалистической деятельности неразрывно связано не только с объектом познания, но и с той задачей, которая встает перед познающим субъектом. Характер задачи и даже сама ее постановка во многом предопределяют

⁸ Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами : учебник по криминалистике для слушателей (курсантов) вузов МВД Российской Федерации / И. Л. Александрова, С. М. Астапкина, В. А. Жбанков [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Корухов. М. : Московский институт МВД России, 1999. С. 296.

⁹ Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами. С. 353.

и структуру процесса ее решения, т.е. алгоритм ее реализации. Таким образом, характер задачи, ее постановка и алгоритм решения — это те отправные точки, с учетом которых должен формироваться весь познавательный процесс»¹⁰.

В алгоритмах в виде последовательности следственных действий цели и задачи либо не указываются вообще, либо формулируются, как показано выше, в общем виде: полное, точное и быстрое раскрытие, расследование и предупреждение преступлений; получение predetermined результата и т.п.

2. Особенностью алгоритмов расследования является наличие нескольких главных и множества частных задач. Одной из основных задач является установление всех элементов состава преступления при наличии ограниченной исходной информации. При этом, если не установлено хотя бы одно из подлежащих доказыванию обстоятельств, задача не может считаться решенной.

В соответствии с теорией познания способом решения сложных задач является их дробление на более простые, для которых разрабатываются собственные алгоритмы, реализуемые поочередно, параллельно или в произвольной последовательности. Очевидно, что, если этого не сделать, перечисление следственных действий, выполняемых для решения всех частных и общих задач, указание последовательности их осуществления станет столь громоздким и путанным, что алгоритм потеряет свою практическую значимость. Таким образом, алгоритм расследования преступлений должен представлять собой как минимум совокупность общих и частных задач расследования и последовательность их решения.

Несмотря на сказанное, следует признать, что алгоритмы в виде последовательности следственных действий рекомендуются для применения многими учеными-криминалистами. Они логичны, указываемые ими направления расследования реальны и оптимальны.

Эта противоречивая ситуация требует объяснения и оценки. Как указывалось, цели и задачи расследования можно подразделить на две большие группы — общие и частные:

- 1) общие задачи имеют целью обеспечение возможности осуществления и результативности процесса расследования по делу в целом;
- 2) частные задачи имеют целью установление отдельных элементов состава преступления, его обстоятельств.

К общим задачам относятся:

- a) *обеспечение сохранности, возможности обнаружения, изъятия, исследования следов преступления*, которые могут исчезнуть под воздействием внешней среды, быть уничтожены заинтересованными лицами. Для их решения теория предписывает в первую очередь проводить следственные действия: — позволяющие зафиксировать событие, являющееся скоротечным и могущее в дальнейшем не повториться (задержание с поличным, осмотр места происшествия); — действия, промедление с которыми грозит их неэффективностью в связи с возможным уничтожением следов, изменением обстановки (осмотр места происшествия, выемка документов, личный обыск и обыск по месту жительства и работы подозреваемого);

¹⁰ Полевой Н. С. Криминалистическая кибернетика. М. : Изд-во МГУ, 1982. С. 113.

- б) *обеспечение экономности расследования.* Для решения этой задачи в первую очередь необходимо:
- устанавливать обстоятельства, «работающие» на все проверяемые версии;
  - проводить следственные действия, позволяющие решить сразу несколько задач;
  - исследовать объекты, которые могут дать наибольший объем достоверной информации;
- в) *обеспечение процессуальной чистоты и доказательственной силы полученных доказательств,* что достигается разработкой и проведением комплекса следственных действий в заданной последовательности, в том числе определенной УПК РФ (например, задержание подозреваемого, личный обыск, осмотр изъятого, проведение экспертных исследований; сначала допрос и только потом — опознание). С этой же целью установление одного и того же обстоятельства производится несколькими независимыми друг от друга методами, способами;
- г) *определение общей логики расследования преступления в целом, пути перехода от ограниченной исходной информации к полной системе доказательств, обстоятельств исследуемого события* на основе положений теории доказывания.

Указанные задачи, алгоритмы, принципы их решения логично было бы излагать в методиках, классифицируемых в криминалистике как базовые (иногда их называют методиками криминалистически сходных видов преступлений; методиками преступлений высокой и меньшей степени общности — разнородных и однородных). Однако о них и, соответственно, алгоритмах высокой степени общности, в современной криминалистике, кажется, забыли, их разработке уделяется минимум внимания.

Частные методики, как отмечает М. В. Субботина, «имеют целью более подробное изучение направлений и вариантов расследования в рамках направлений, рекомендованных к дальнейшему анализу базовой методикой... они призваны уточнять алгоритмы следственных и иных действий, которые должны приводить к раскрытию преступлений, а также перечень задач, решаемых при взаимодействии следователя с другими службами ОВД»¹¹.

Если проанализировать приведенные примеры алгоритмов в виде последовательности следственных действий, видно, что они решают многие из выше указанных общих задач в той или иной степени.

Есть еще одно положительное качество таких алгоритмов — они предельно компактны, просты и доступны следователям с невысоким уровнем знаний и минимальным опытом работы. Обеспечить простоту и доступность сложных алгоритмов при изложении их в письменном виде практически невозможно. Эта задача разрешима только путем разработки и внедрения компьютерных программ.

Однако нацеленность алгоритмов на решение общих задач приводит к тому, что они приобретают большое сходство друг с другом, Некоторые из

¹¹ Субботина М. В. Структура криминалистической методики расследования преступлений как раздела криминалистики // Криминалистика. Экспертиза. Розыск : сборник научных статей. Вып. 1. Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской федерации / под ред. В. М. Юрина. Саратов : СЮИ МВД России, 2007. С. 268.

рекомендуемых в них последовательностей таковы, что их в принципе невозможно нарушить (например, сначала задержать подозреваемого, затем провести его личный обыск и изъятие искомых объектов, затем назначение криминалистических экспертиз). Учитывая это, а также то, что алгоритмы решения частных задач в них отсутствуют, следует признать, что познавательная значимость алгоритмов в виде последовательности следственных действий является ограниченной. В связи с этим не вызывает удивления их критическая оценка следователями и учеными-криминалистами.

Показательна в этом отношении публикация М. В. Баранова и А. Ю. Головина, которые указывают, что в ходе интервьюирования 150 следователей Следственного комитета РФ и органов внутренних дел 48 % респондентов ответили отрицательно на вопрос: «Используете ли вы в ходе расследования преступлений предлагаемые в криминалистической литературе типовые алгоритмы действий следователя?». При этом в числе причин отказа от использования таких алгоритмов практиками, в частности, были названы: неконкретность (неясность) ситуаций и задач, для решения которых их можно применять (24 %); неясность последствий применения предлагаемых алгоритмов расследования (18 %); устаревший характер таких алгоритмов (16 %); их неполнота или иные недостатки (8 %) ¹².

Изложенное позволяет сделать вывод, что алгоритм расследования преступлений должен представлять собой перечень его целей и задач, методов и способов их решения, видов и последовательностей следственных действий. При этом алгоритм в виде перечня и последовательности следственных действий представляет собой упрощенный вариант алгоритма в виде последовательности задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. — М. : Юридическая литература, 1988. — 304 с.
2. *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. — М. : Академия МВД СССР, 1979. — Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — 407 с.
3. *Головин А. Ю., Баранов М. В.* Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. — 2013. — № 11. — С. 42—44.
4. *Густов Г. А.* Моделирование — эффективный метод следственной практики и криминалистики // Актуальные проблемы советской криминалистики. — М. : Актуальные проблемы советской криминалистики. — М. : Изд-во Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. — С. 68—80.
5. *Ищенко Е. П.* Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. — Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та. 1987. — 168 с.

¹² *Головин А. Ю., Баранов М. В.* Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. 2013. № 11. С. 42—44.

6. *Корма В. Д.* Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 71—81.
7. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Волынского. — М. : Спарк, 1998. — 543 с.
8. Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами: учебник по криминалистике для слушателей (курсантов) вузов МВД Российской Федерации / И. Л. Александрова, С. М. Астапкина, В. А. Жбанков [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Корухов. — М. : Московский ин-т МВД России, 1999. — 392 с.
9. Организация неотложных следственных действий : учебное пособие / под ред. О. В. Волоховой. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 368 с.
10. *Полевой Н. С.* Криминалистическая кибернетика. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 208 с.
11. *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. — М. : Юридическая литература, 1982. — 152 с.
12. *Субботина М. В.* Структура криминалистической методики расследования преступлений как раздела криминалистики // Криминалистика. Экспертиза. Розыск : сборник научных статей. Вып. 1 : Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / под ред. В. М. Юрина. — Саратов : СЮИ МВД России, 2007. — С. 262—269.
13. *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. — М. : Лига Разум, 2000. — 252 с.

**Александр Николаевич
ПЕРШИН,**

профессор кафедры
криминалистики

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

доктор юридических наук,

доцент

an.pershin75@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Появление сети Интернет и нематериальных цифровых объектов, представляющих ценность для человека, привело к появлению в гражданском материальном праве понятия «цифровые права человека». В уголовно-процессуальном праве данный термин отсутствует. При этом следователь собирает сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу в условиях цифровизации всех процессов жизнедеятельности человека. Сеть Интернет объединила множество информационных массивов данных государственных органов, коммерческих организаций и частных лиц. Доступ следователя к этим массивам данных и их изучение позволили бы оптимизировать деятельность следователя путем оперативного сбора необходимых сведений для уголовного дела и использования их в качестве доказательств. С этой целью в статье дано понятие «цифровые права следователя», предложен подход к созданию таких прав в уголовно-процессуальном законодательстве, определены проблемы организации собирания криминалистически значимых сведений из государственных и частных информационных систем в сети Интернет. **Ключевые слова:** цифровые права следователя, информационные системы, электронные доказательства, следователь, сеть Интернет, поиск информации, расследование, цифровая информация в уголовном процессе.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.108-115

A. N. PERSHIN,

Professor of the Department of Criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Associate Professor

an.pershin75@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DIGITAL RIGHTS PERSONS CARRYING OUT A PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. The emergence of the Internet and intangible digital objects of value to humans led to the proclamation of the concept of “digital human rights” in civil substantive law. In criminal procedure law this term is not absent. In this case, the investigator collects information about the circumstances to be proved in a criminal case under the conditions of digitalization of all human life processes. The Internet network has combined a large number of data sets of government agencies, commercial organizations, and individuals. The

investigator's access to these data sets and their study would allow optimizing the investigator's activities by quickly collecting the necessary information for the criminal case and using it as evidence. To this end, the article gives the concept of "digital rights" of an investigator, suggests an approach to creating such rights in criminal procedure legislation, and defines the problems of organizing the collection of criminally significant information from public and private information systems on the Internet.

Keywords: *digital rights of the investigator, information systems, electronic evidence, investigator, the Internet, information retrieval, investigation, digital information in criminal proceedings.*

XXI век — это эпоха цифровых технологий. Человечество охвачено процессами оптимизации всех сфер деятельности при помощи использования информационных технологий. Особенно показательным стал 2020 г., на долю которого выпало общемировое испытание пандемией от коронавирусной инфекции COVID-19. Вследствие этого введенный временный режим закрытия государственных границ, приостановление деятельности организаций, учреждений и предприятий, самоизоляция населения только усилили цифровизацию общества.

Широкое внедрение и использование таких цифровых активов, как криптовалюта, токены, объекты интеллектуальной собственности, электронные страховые полисы, бездокументарные акции, и других объектов в электронной форме невозможно без создания различных групп правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере информации, информационных технологий и защиты информации. Разработка таких норм в отечественном праве началась задолго до 2020 г. Однако лишь в 2019 г. в материальном праве появился термин «цифровые права», которыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам¹.

Цифровые активы в широком смысле представляют собой все, что может быть отнесено к информационным объектам, имеет нематериальную (бестелесную) природу, сохранено в электронном виде и имеет ценность².

Масштабные высокотехнологические процессы в стране, а также появление нового института цифровых прав в гражданском законодательстве заставляет обратиться к проблеме рассмотрения цифровых прав в рамках уголовного процесса, а именно касающихся лиц, осуществляющих предварительное расследование. При этом отметим, что стремительная цифровизация общества, вызванная как

¹ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 107.

естественными, так и чрезвычайными обстоятельствами, не оказывает сильного и позитивного влияния на уголовно-процессуальное право.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство допускает использование информационно-телекоммуникационных технологий лишь в редких случаях. Цифровые технологии используются в качестве вспомогательного средства процессуального получения доказательств, например, в судебном заседании применяются системы видео-конференц-связи для проведения допросов (ч. 4 ст. 240 УПК РФ).

Технологии являются объектом, на который в качестве меры пресечения по судебному решению возлагается запрет на использование подозреваемым (обвиняемым), речь идет о средствах связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Иногда такие технологии используются в качестве средства распространения данных предварительного расследования через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (п. 2 ч. 4 ст. 161 УПК РФ) или трансляции открытого судебного заседания (ч. 5 ст. 241 УПК РФ).

Цифровые технологии позволили создать информационную область размещения обращений государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в суд (ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ). Кроме того, сеть Интернет в уголовном судопроизводстве может использоваться как технологическая система, предназначенная для подачи в суд непроцессуальных электронных документов в виде ходатайств, заявлений, жалоб, представлений и материалов, приложенных к ним, а также для направления судом копии судебного решения участнику уголовного судопроизводства (ст. 474.1 УПК РФ).

Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ показал, что информационно-телекоммуникационные технологии получили свое скромное распространение в значительной степени лишь в стадиях судебного производства по уголовному делу или как средство обеспечения деятельности суда. На досудебных стадиях IT-технологиям практически не уделяется внимание и уж тем более не говорится о цифровых правах следователя (дознателя). Вместе с тем лицу, осуществляющему предварительное расследование, приходится собирать доказательства и иные сведения в условиях функционирования широкой сети государственных информационных систем, повсеместного использования цифровых технологий обществом и преступной средой. В этой связи тема цифровых прав следователя (дознателя) при собирании доказательств весьма актуальна.

Рассмотрение потенциальной возможности наделения следователя (дознателя) цифровыми правами было бы невозможным без провозглашения в законодательстве таких принципов регулирования отношений в сфере информации, как свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом; открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации; достоверность информации и своевременность ее предоставления; неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об

информации, информационных технологиях и о защите информации»; далее — Закон об информации).

Цифровое право в упрощенном виде — это право, которое предусмотрено информационной системой. В соответствии со ст. 2 Закона об информации под информационной системой понимается совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Поэтому содержание и условия осуществления цифровых прав следователя или дознавателя будет определять именно информационная система, к которой имеют доступ указанные лица, а закон только установит ее признаки. Система может быть государственной, региональной, местной или частной. Доступ к информационной системе может быть открытым (т.е. информационный контент доступен неограниченному кругу пользователей системы) либо закрытым (т.е. ограничен для большинства пользователей).

Закон гарантирует следователю (дознавателю) процессуальную самостоятельность и предоставляет свободу выбора действий по собиранию доказательств с учетом конкретных обстоятельств дела. Такими доказательствами могут быть сведения, размещенные обладателем информации в информационной системе. Федеральный закон об информации наделяет граждан и юридических лиц правом осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных федеральным законодательством в сфере информации, информационных технологий и защиты информации. В этой связи цифровое право лиц, осуществляющих предварительное расследование, следует рассматривать как *право следователя (дознавателя) осуществлять поиск, изучение, фиксацию криминалистически значимой информации в информационно-телекоммуникационных системах, а также подтверждать правомерность ее получения и использования в качестве доказательств.*

Реализация «цифровых прав» следователя (дознавателя) при осуществлении им деятельности по раскрытию и расследованию преступления может быть связана с функционированием информационных систем, условно разделенных на две группы:

- 1) системы (банки данных, реестры) оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической, научно-технической и иной информации правоохранительных органов (например: информационных центров территориальных органов МВД России) и иных государственных органов и органов местного самоуправления (например, Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН); Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния, Единый государственный реестр налогоплательщиков и проч.), создание которых обязательно;
- 2) системы негосударственных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, создание и ведение которых определяется их обладателем.

Информационные системы (банки данных, реестры) государственных органов исполнительной власти (в том числе правоохранительных органов) и органов местного самоуправления формируются в соответствии с федеральным, региональным и местным законодательством. Так, во исполнение Федерального

закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» на интернет-ресурсах государственных органов и органов местного самоуправления размещаются информационные системы, банки данных, реестры, регистры, находящиеся в ведении государственного органа, органа местного самоуправления, подведомственных организаций; статистическая информация о деятельности государственного органа, органа местного самоуправления и другие данные³.

Информационный контент таких систем, банков данных, реестров и регистров зачастую представляет ценность для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Однако прямой доступ к таким ресурсам у лиц, осуществляющих предварительное расследование, отсутствует. Цифровые права следователя (дознателя) в системах (банках) данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической, научно-технической и иной информации, а также системах иных государственных органов и органов местного самоуправления реализуются опосредовано, т.е. только через письменный запрос.

Для получения сведений оперативно-справочного, розыскного и криминалистического учетов запрос направляется в информационный центр или экспертно-криминалистическое подразделение территориального органа МВД России или Главный информационно-аналитический центр МВД России. В иных случаях — непосредственно в государственный орган или орган местного самоуправления, который располагает криминалистически значимой информацией.

Согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы следователя (дознателя), предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. При этом исполнение письменных запросов может длиться несколько суток, а иногда ответ вообще не поступает, что отрицательно сказывается на оперативности принятия организационных, тактических и процессуальных решений по уголовному делу.

Выстроить оперативное информационное взаимодействие лиц, осуществляющих предварительное расследование, с учреждениями и организациями, располагающими криминалистически значимой информацией, считаем возможным, если сделать следователя (дознателя) участником «сделки» в цифровой среде. Для этого требуется нормативно закрепить перечень должностей в следственных органах и органах дознания, при замещении которых сотрудники правоохранительного органа могут иметь право доступа к информационным системам федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти.

Затем следует определить перечень государственных информационных систем и систем органов местного самоуправления, к которым следователь (дознатель) может иметь право доступа. Лицо, осуществляющие предварительное

³ Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2013 № 1187-р «Об утверждении перечня общедоступной информации о деятельности федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» // СПС «КонсультантПлюс».

расследование, должно располагать однозначным уровнем прав в системе, т.е. быть, например, только пользователем либо полным или частичным администратором системы. Следователь (дознатель), подключающейся к системе через пароль или посредством усиленной квалифицированной электронной подписи, должен быть авторизован в цифровой среде.

Кроме того, предоставление цифровых прав следователю (дознателю) в государственных информационных системах потребует решения более частных задач, а именно: подключения следственных органов и дознавателей к Единой системе межведомственного электронного взаимодействия (далее — СМЭВ); создания на компьютерах, подключенных к СМЭВ, учетных записей для каждого пользователя — следователя (дознателя); создания системы документирования всех сеансов подключения к СМЭВ и обращения к государственным массивам данных и данным органов местного самоуправления каждого участника СМЭВ и проч. В виртуальных личных кабинетах следователей (дознателей) должна храниться история использования ими СМЭВ, должна быть создана возможность проверки законности и обоснованности обращения к информационным системам.

Криминалистически значимая информация, полученная следователем (дознателем) из СМЭВ, может быть оформлена протоколом осмотра интернет-ресурса федерального, регионального или местного органа исполнительной власти. Приложением к протоколу служит скриншот экрана с криминалистически значимой информацией. На скриншоте, помимо информации, должен отображаться уникальный адрес ресурса (URL), по которому она размещена в сети Интернет. Протокол осмотра интернет-ресурса приобщается к материалам уголовного дела и может служить основанием для принятия процессуальных и организационно-тактических решений по делу.

Цифровые права лиц, осуществляющих предварительное расследование в части информационных систем негосударственных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц, могут быть реализованы следователем (дознателем) самостоятельно в ходе их поисково-познавательной деятельности на интернет-ресурсах.

Поиск и изучение криминалистически значимой информации в сети Интернет относится к актуальным направлениям деятельности следователя (дознателя) по уголовному делу. Нет сомнения, что сведения, собранные из сети Интернет, могут иметь организационно-тактическое значение (служить основанием для выдвижения и проверки следственных версий, планирования следственных действий, способствовать розыску похищенного имущества и лиц, скрывающихся от следствия и проч.), а в некоторых случаях могут быть доказательством по уголовному делу.

Однако сбор следователем (дознателем) информации в сети Интернет предполагает знание основ информационного права, специфики размещения информации в системе и распространения ее в сети, средств и методов доступа к криминалистически значимой информации и допустимости использования ее в следственной работе.

Прежде всего следует отметить, что негосударственные (частные) информационные системы (сайты или страницы сайтов в сети Интернет, страницы в социальных сетях, чаты, форумы, базы данных и т.п.) юридических и физических лиц

могут быть как открытыми для пользователей, так и иметь закрытый характер. Федеральный закон об информации в ст. 7 определил, что «к общедоступной информации относятся общеизвестные сведения и иная информации, доступ к которой не ограничен. Общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации».

Обладатель информации самостоятельно или через администрацию ресурса определяет уровень конфиденциальности сведений. Поэтому некоторая криминалистически значимая информация, размещенная в сети Интернет, может быть доступна для следователя (дознателя) только после прохождения процедур регистрации с последующей авторизацией, а к некоторым ресурсам доступ возможен только определенному кругу пользователей, установленному самим обладателем информации.

Уголовно-процессуальный закон в Российской Федерации не содержит прямого упоминания о праве следователя (дознателя) осуществлять какие-либо действия по собиранию доказательств в интернет-среде. Отсутствуют также ведомственные инструкции и рекомендации, разъясняющие порядок действий следователя (дознателя) в сети Интернет при собирании криминалистически значимой информации. Не всегда однозначно мнение ученых, занимающихся проблемами поисково-познавательной деятельности в информационной среде и допустимости ее результатов в процессе доказывания. Остро и неоднозначно обозначена проблема использования в доказывании сведений, собранных из закрытых аккаунтов социальных сетей, чатов, форумов и т.п.

Неоднозначность взглядов на рассматриваемую проблему не позволяет следователям (дознателям) смело и уверенно реализовывать свои цифровые права в частных информационных системах для решения профессиональных задач с помощью цифровых технологий. Чаще всего следственная практика идет по пути дачи письменных поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет с целью получения криминалистически значимой информации.

Автор настоящей статьи неоднократно обращался к проблематике использования цифровых технологий в расследовании преступлений⁴. При этом следует отметить, что проблема цифровых технологий в уголовном процессе только

⁴ См., например: *Першин А. Н.* Информационное пространство — новый вид места размещения криминалистически значимой информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (17—18 ноября 2016 г.). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. С. 88—90 ; *Он же.* Государственные информационные системы как источники доказательств по уголовным делам // Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты : сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 22 мая 2019 г. / отв. ред. Д. А. Савченко. Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления ; Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2019. С. 130—134 ; *Он же.* Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13—16.

набирает свои обороты, подталкивает, хотя и медленно, законодателя к внесению изменений в процессуальное законодательство с учетом существования современных цифровых технологий обеспечения жизнедеятельности человека.

Таким образом, с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий необходимо, помимо совершенствования некоторых процессуальных институтов, практически реализовать идею наделения лиц, осуществляющих предварительное расследование, цифровыми правами и создать механизм их реализации. Это позволит повысить качество и эффективность деятельности следователей (дознавателей) по уголовным делам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Воронин М. И.* Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // *Lex russica*. — 2019. — № 7 (152). — С. 74—84.
2. *Ищенко Е. П.* У истоков цифровой криминалистики // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2019. — № 3 (55). — С. 15—28.
3. *Овчинников А. И., Фатхи В. И.* Цифровые права как объекты гражданских прав // *Философия права*. — 2019. — № 3 (90). — С. 104—111.
4. *Першин А. Н.* Государственные информационные системы как источники доказательств по уголовным делам // *Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические аспекты* : сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 22 мая 2019 г. / отв. ред. Д. А. Савченко. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления ; Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2019. — С. 130—134.
5. *Першин А. Н.* Информационное пространство — новый вид места размещения криминалистически значимой информации // *Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае* : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (17—18 ноября 2016 г.). — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. — С. 88—90.
6. *Першин А. Н.* Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // *Российский следователь*. — 2020. — № 1. — С. 13—16.
7. *Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве* : учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.] ; отв. ред. С. В. Зуев. — М. : Юрайт, 2020. — 193 с.

**Аслям Наилевич
ХАЛИКОВ,**

профессор кафедры
криминалистики
Института права
Башкирского
государственного
университета,
адвокат Гильдии
российских адвокатов по
Республике Башкортостан,
доктор юридических наук,
профессор
han010@yandex.ru
450005, Россия. г. Уфа, ул.
Достоевского, 131

КРИМИНАЛИСТИКА — НАУКА НЕ ОБВИНЕНИЯ И НЕ ЗАЩИТЫ, А НАУКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА СУДЕБНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. В статье рассматривается назначение криминалистики как объективной науки. Автор кратко анализирует определения предмета криминалистики, в разные годы предложенные учеными. При этом становится очевидна общая тенденция — монополизация криминалистики правоохранными органами. Со ссылкой на позицию патриарха отечественной криминалистики Р. С. Белкина, автор высказывает свое мнение, согласно которому криминалистика не может и не должна обслуживать только государственные правоохранные органы. Результаты криминалистических исследований могут быть успешно использованы по уголовным делам стороной защиты — адвокатами и иными представителями подозреваемых и обвиняемых. В статье приведены примеры, когда злоупотребления со стороны органов предварительного следствия со ссылкой на использование положений криминалистики приводили к судебным ошибкам и привлечению к уголовной ответственности невиновных лиц. Только в суде при использовании доказательств, предъявляемых сторонами защиты и обвинения, полученных в том числе благодаря использованию рекомендаций криминалистической науки, уголовное дело может быть справедливо разрешено.
Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, суд, следователь, прокурор, адвокат, сторона обвинения, сторона защиты, функции криминалистики.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.116-123

A. N. KHALIKOV,

Professor of criminalistics chair of the Law Institute
of the Bashkir State University,
lawyer of the Guild of Russian lawyers for the Republic of Bashkortostan,
Dr. Sci. (Law), Professor
han010@yandex.ru
450005, Russia, Ufa, ul. Dostoevsky, 131

CRIMINALISTICS IS NOT THE SCIENCE OF PROSECUTION OR DEFENSE, BUT AIMED AT JUDICIAL RESOLUTION OF CRIMINAL CASES

Abstract. The article considers the purpose of criminalistics as an objective science. The author briefly analyzes the definitions of the subject of criminology proposed by scientists in different years. At the same time, the General trend becomes obvious — the monopolization of criminology by

law enforcement agencies. With reference to the position of the Patriarch of Russian criminalistics R. S. Belkin, the author expresses his opinion that criminalistics cannot and should not serve only state law enforcement agencies. The results of forensic research can be successfully used in criminal cases by the defense party-lawyers and other representatives of suspects and accused. The article provides examples when abuses by the preliminary investigation bodies with reference to the use of criminalistics provisions led to judicial errors and bringing innocent persons to criminal responsibility. Only in court, when using the evidence presented by the parties to the defense and prosecution, obtained, including through the use of recommendations of forensic science, a criminal case can be fairly resolved.

Keywords: *criminalistics, crime investigation, court, investigator, prosecutor, lawyer, prosecution, defense, functions of criminalistics.*

Множество определений предмета криминалистики, данных ведущими учеными, показывают, что это наука, изучающая как закономерности совершения самих преступлений, так и основанные на познании этих закономерностей средства и методы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Это самое общее и типичное понимание криминалистики, которое в различных вариациях поддерживается многими учеными. В такого рода определениях, кроме установления сущности криминалистических исследований о преступлениях и их познания по уголовным делам путем применения термина «расследование», фактически предопределяется назначение науки криминалистики в привязке к деятельности органов, осуществляющих предварительное следствие.

Иными словами, большинство ученых придерживаются мнения, что криминалистика должна использоваться исключительно в деятельности правоохранительных органов, а значит, зависеть от государства, обладающего монополией на применение силовых методов управления и использование принуждения.

Так, И. А. Возгрин писал, что криминалистика является юридической наукой, которая изучает технические, тактические и методические закономерности предупреждения, раскрытия и расследования преступлений для разработки эффективных средств, приемов и методов судебного разрешения дел¹. А. А. Эксархопуло, также указывая на закономерности совершения преступления и деятельности, направленной на установление истины по уголовному делу, подчеркивает, что криминалистика — это деятельность «осуществляемая уполномоченными на то государственными органами с использованием специальных средств, приемов и методов»².

А. Н. Васильев в свое время определял криминалистику как науку об организации планомерного расследования преступления, об эффективном собирании и исследовании доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами и о предупреждении преступлений путем применения для этих целей

¹ *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику : история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 51.

² *Эксархопуло А. А.* Криминалистика : учебник. СПб., 2009. С. 23—24.

приемов и средств, разработанных на основе специальных наук, и обобщения следственной практики³.

О назначении криминалистики в целях *расследования преступлений* также пишут Л. Я. Драпкин и В. Н. Карагодин⁴, В. М. Плескачевский и А. Г. Филиппов⁵, Н. П. Яблоков⁶ и другие исследователи.

Приведенные определения характеризуют криминалистику как прикладную науку, обеспечивающую деятельность правоохранительных органов, которым принадлежит функция расследования преступлений, а следовательно, и функция установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Доводя мысль до конца, мы приходим в общем-то к абсурдному выводу, что никто, кроме правоохранительных органов, не может использовать достижения криминалистики в практической деятельности по расследованию преступлений. Более того, органы следствия имеют монополию на установление истины по уголовному делу, поскольку ее установление происходит путем криминалистической деятельности при расследовании преступлений.

Это значит, что криминалистику вряд ли можно назвать наукой, скорее — отраслью прикладных знаний, поскольку, обслуживая потребности правоохранительных органов, она социально зависима от интересов государства и, соответственно, не обладает научной свободой. К чему это ведет, мы скажем далее.

В то же время, если мы обратимся к классическому определению предмета криминалистики, данному Р. С. Белкиным, то увидим совсем другую картину, иное, перспективное направление как для науки, так и для практики. Р. С. Белкин определял криминалистику следующим образом: «Это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных *средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений*»⁷.

То есть классическое определение предмета криминалистики, данное патриархом отечественной науки, показывает значение криминалистики не как отрасли знания, обслуживающей органы расследования и в целом правоохранительные органы, а как юридической науки, связанной с информацией и доказательствами в целях их судебного исследования. Р. С. Белкин даже не упоминает, что сфера криминалистики ограничена деятельностью правоохранительных органов. Более того, он прямо говорит, что другие определения *сужают* сферу применения «продукта» криминалистики, ограничивая ее лишь предварительным расследованием⁸.

На наш взгляд, Р. С. Белкин, обуславливая назначение науки криминалистики потребностями общества, всех его социальных слоев, значительно опередил время, убрав из своего определения и термин «расследование», и в целом

³ Васильев А. Н. Криминалистика : учебник. М., 1980. С. 14.

⁴ Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник. М., 2011. С. 3.

⁵ Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. М., 2008. С. 16.

⁶ Яблоков Н. П. Криминалистика. Учебник для вузов и юридических факультетов. М., 2005. С. 14.

⁷ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 1. С. 112.

⁸ Белкин Р. С. Предмет криминалистики // Избранные труды. М., 2008. С. 684.

упоминание правоохранительных органов, оставив указание на окончательное разрешение уголовного дела в суде.

Здесь также следует привести определение предмета криминалистики О. Н. Коршуновой и Е. Б. Серова, которые, дав дефиницию, созвучную тому, что предложено Р. С. Белкиным, указывают на цель криминалистики: «*установление истины по делу*»⁹, но без упоминания правоохранительных органов и их функции расследования преступлений.

Вопрос о назначении криминалистики и ее функциях в сфере уголовного судопроизводства на сегодняшний день обостряется в связи с продолжающейся судебной реформой. В традициях советского периода развития криминалистики многие теоретики, как мы отметили, указывают, что криминалистика должна «обслуживать» только правоохранительные органы, но не сторону защиты. Однако такое понимание криминалистики противоречит принципу состязательности уголовного судопроизводства, включая и досудебное производство (ст. 15 УПК РФ).

В данном случае, как мы показали, Р. С. Белкин не ограничивал предмет криминалистики деятельностью правоохранительных органов, хотя в силу определенных причин не стал прямо говорить о более широких функциях криминалистики, например как совокупности средств и методов защиты от необоснованного обвинения, и в целом о защите. Сегодня, когда ученые и практики утверждают, что криминалистика не должна быть связана с корпоративной деятельностью адвокатов, возникает резонное возражение: разве криминалистика должна обеспечивать исключительно *корпоративную деятельность суда, прокуратуры и органов следствия?*

Скажем больше — никто в истории человечества не совершил столько преступлений, если принять во внимание положения естественно-позитивного права, сколько их совершило государство. И это не только огромное количество войн или факты геноцида, но и *массовые преступления против правосудия*, как инквизиция, заключение в гитлеровские концлагеря, сталинские репрессии и т.д. Количество пострадавших от деяний государства намного превосходит число потерпевших от обычных преступлений. Причем преступления со стороны государства более опасны тем, что от них невозможно укрыться, они идут сплошным потоком в отношении всего населения, пребывающего на определенной территории, в пределах конкретного временного периода, в отличие от общеуголовных преступлений, когда потерпевший виктимно сам может притягивать криминальные посягательства в отношении себя или, напротив, способен скрыться от криминальных посягательств.

Возвращаясь к криминалистике, следует отметить, что как наука она является особым видом познавательной деятельности, нацеленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Если же мы представим криминалистику в виде социальной конструкции, то тогда она не может претендовать на истинность, объективность, достоверность добываемого ею знания, потеряв свое научное значение¹⁰.

⁹ Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб., 2004. Т. 1 : Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. С. 35.

¹⁰ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 560, 567.

Криминалистика — одна из редких наук, направленная на активную борьбу со злом в виде самых различных преступлений. И эта наука, если мы говорим о подлинной науке, не может быть монополизирована только правоохранительными органами государства, чтобы избежать совершения преступлений против правосудия, против основных прав и свобод человека.

В подтверждение своей позиции приведем примеры по уголовным делам, когда следственные органы использовали достижения криминалистики в негативном ключе, попирая права человека, и сторона защиты была вынуждена не отвечать на опусы следователей, поскольку доказательства, добытые в результате криминалистической деятельности, суд принимал в основном только от стороны обвинения.

Так, С. Михайлов в апреле 1995 г. был приговорен к смертной казни за изнасилование и убийство десятилетней девочки в г. Вельске Архангельской области, куда он приезжал в районную больницу. С. Михайлов провел в заключении три года, пока не был разоблачен настоящий преступник, совершивший аналогичное преступление в отношении другой школьницы. Другой пример: в Татарстане в 2000 г. И. Закиров за вооруженный разбой был осужден на 14 лет лишения свободы и только после отбытия четырех лет был освобожден, когда нашли настоящих преступников. В 2004 г. в Ставропольском крае Д. Медков в связи с обвинением в убийстве своей 14-летней сестры Т. был направлен на принудительное лечение в психиатрический стационар, откуда вышел в 2008 г. Труп сестры не нашли и органы следствия выдвинули версию, что Д. Медков его сжег. Лишь в 2006 г. было установлено, что Т. уехала в Дагестан, приняла ислам и осталась там жить с новой семьей. К сожалению, подобных примеров сотни. Увы, качество предварительного следствия в России оставляет желать лучшего, а «технология» неправосудия порой основывается на пытках, с помощью которых от задержанных добиваются признательных показаний, закрепляя их в явках с повинной и протоколах допросов¹¹.

Есть более зловещие факты «криминалистической деятельности» органов предварительного следствия. До поимки «ростовского потрошителя» Чикатило успели расстрелять двух невиновных мужчин, которых обвинили в преступлениях маньяка. За преступления «витебского монстра» Михасевича осудили 14 человек, один из которых был расстрелян. Павлоградец Владимир С., обвиненный в изнасиловании и убийстве девятилетней дочери, совершенных серийным убийцей С. Ткачом, в 2000 г. повесился в камере Днепропетровского изолятора (реабилитирован посмертно). К кому, если не к следователям, обращался серийный убийца Пичушкин, когда утверждал, что убил на 13 человек больше, чем выявлено, истерично вопрошая: «На кого повесили мои трупы?»¹².

И такой процесс «состязательности» в сфере криминалистики между обвинением и защитой продолжается практически ежедневно. Например, по статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2019 г.

¹¹ См., например: *Чурилов Ю. Ю.* Всемирная история неправосудия. Ростов н/Д. 2012. С. 106 ; *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 120—134.

¹² URL: <https://advokat-story.mirtesen.ru/blog/43221389689/YA-ubival,-chtobyi-prevzoyti-Chikatiло-i-pokazat-nikchemnost-ope> (дата обращения: 03.11.2020).

вынесено 204 оправдательных приговора по убийствам, 31 — по изнасилованиям и иным сексуальным посягательствам, 118 — по преступлениям за причинение тяжких и средней тяжести телесных повреждений. Учитывая эти данные, можно ли быть уверенным, что не были осуждены невинные лица, особенно по преступлениям, совершенным в условиях неочевидности и в случаях, когда обвиняемые отрицали свою вину? Можно ли считать результаты такой «работы» органов предварительного следствия в отношении невинных жертв реализацией назначения криминалистики?

Кроме убийств, существуют и другие группы преступлений, по которым следственные органы нередко извращенно понимают и используют в качестве руководства к действию положения криминалистической методики и тактики. Например, «изобличение» тех, кто совершает преступления на сексуальной почве, особенно посягательства, связанные с педофилией, т.е. в отношении малолетних и несовершеннолетних, в последнее время поставлено на поток, хотя никакой «сексуальной революции» в России не было.

Если при оговоре при подаче заявления об изнасиловании взрослыми лицами руководят чаще всего относительно просто выявляемые мотивы мести или корысти, то в случаях с несовершеннолетними, как пишет американский психолог Э. Лофтус, велик риск ошибки восприятия детьми тех или иных сцен отношений со взрослыми и взрослых между собой. Здесь и внушение детям взрослыми (родителями) определенной информации, и страх детей за ответы, не устраивающие следователей, и ошибки памяти, и т.д.¹³

При этом если по делам об убийствах следственные органы «гипертрофируют» те или иные доказательства, принижая или вовсе сводя на нет доказательства защиты, то по преступлениям сексуального характера имеет место искусственное раздувание показаний малолетних «потерпевших». Так, в 2020 г. в Общественной палате РФ состоялся круглый стол по проблемам музыкального образования детей. Неожиданно обсуждение проблем ушло в сторону — доцент московской консерватории М. Лидский представил доклад, согласно которому восемь музыкальных учителей «упекли в тюрьмы» за сексуальные преступления, когда по делам не было ни одного объективного доказательства, грамотно проведенной экспертизы, а лишь показания детей.

В данном случае особенностью обучения игры на музыкальных инструментах является постоянное конструирование положения тела ребенка, что возможно только при телесном контакте преподавателя и обучающегося¹⁴. А любой телесный контакт с детьми при «умелом интерпретировании», в том числе со стороны следователей, можно представить в виде деяния, подпадающего под ст. 132 УК РФ, т.е. в виде насильственных действий сексуального характера или как минимум в виде развратных действий (ст. 135 УК РФ). Положения самой криминалистики, на которые опирается сторона защиты, в подобных случаях зачастую игнорируются, а обвинение «усиливает» свои доводы эмоциональным возгласом: «Это же дети!».

¹³ Лофтус Э., Кетчем К. Свидетель защиты. Шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний. М., 2018. С. 186—225.

¹⁴ Кротова Е. Как педагогов превращают в педофилов // Московский комсомолец. 19.08.2020. С. 11.

Разумеется, не все так плохо. Есть примеры, когда криминалистические подходы, которые процессуалисты не приветствуют, служили делу установления истины и были востребованы добросовестными следователями. В адвокатской практике автора статьи был случай, когда мать от имени десятилетней дочери заявила, что муж, с которым она была в разводе, сексуально развлекался с их дочерью, оставаясь в доме один. Женщиной двигало желание оставить за собой квартиру, не делить ее с мужем (заявительница работала риэлтором). Мужчина, разумеется, все отрицал. Рассказ дочери в протоколе допроса записали в присутствии матери и в основном со слов матери. Дочь опасалась возражать матери и говорить правду. По настоянию защиты в отношении мужа было проведено исследование с применением полиграфа, результаты которого позволили доказать, что он говорит правду. Мать от проверки на полиграфе отказалась. Отсутствие объективных доказательств и процессуально значимые результаты психофизиологического исследования с применением полиграфа стали основанием в данном случае для принятия решения о прекращении уголовного дела¹⁵.

Изложенное вновь подводит нас к выводу, что Р. С. Белкин был прав, когда не стал связывать криминалистику с деятельностью органов следствия и обеспечением функционирования государственных органов обвинения, зная и (или) предугадывая, что в этом случае криминалистика может превратиться в инструмент репрессий, орудие насилия с одновременным отрицанием статуса криминалистики как независимой и объективной науки.

Вслед за Р. С. Белкиным, пожалуй, только профессор О. Я. Баев рискнул расширить границы криминалистики, отметив следующее: криминалистика есть наука об уголовно-релевантных закономерностях преступной деятельности, информации о ней, собирания, исследования, использования и оценки, а также об основанных на этих закономерностях *средствах и методах информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями*, реализуемыми в рамках динамической системы правоотношений, установленной уголовно-процессуальной формой для исследования преступлений¹⁶.

Приведенное определение в целом отвечает нашим представлениям о назначении криминалистики. Правда, неясно, почему О. Я. Баев не включил в него *судебное разрешение уголовных дел*, поскольку, как бы сегодня в России ни относились к суду, только при подлинной состязательности судебного разбирательства уголовное дело может быть справедливо разрешено, что и является доказательством значимости криминалистики как прикладной юридической науки.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что криминалистическая деятельность характерна не только для стороны обвинения в лице следователей или прокуроров, но успешно осуществляется и стороной защиты — адвокатами и иными представителями подозреваемых и обвиняемых. Теоретические

¹⁵ О доказательственном значении выводов экспертов-полиграфологов см., например: Комиссарова Я. В., Хамзин С. Р. Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6 (35). С 363—371 ; Семенов В. В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. 2020. № 10. С. 8—12.

¹⁶ Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2003. С. 39.

суждения об общем предназначении науки криминалистики должны найти отражение и в праве.

Мы видим в перспективе возможность придания опросам адвоката равного доказательственного значения с допросами следователя, а также возможность единообразной оценки судом представляемых сторонами заключений экспертов. Продолжая эту мысль, следует сказать, что равноценными должны быть и результаты следственных действий; следователь мог бы направлять в суд обвинительное заключение, а адвокат — заключение стороны защиты, которые для суда не должны иметь какого-либо предустановленного значения.

Именно тогда тактические приемы криминалистики, методика расследования отдельных видов преступлений будут одинаково применимы сторонами обвинения и защиты, причем без злоупотреблений как со стороны защитников, так и со стороны органов предварительного расследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. — М. : Экзамен, 2003. — 320 с.
2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. — М. : Юристъ, 1997. — Т. 1. — 408 с.
3. *Белкин Р. С.* Предмет криминалистики // *Избранные труды.* — М. : Норма, 2008. — 768 с.
4. *Васильев А. Н.* Криминалистика : учебник. — М. : Изд-во МГУ, 1980. — 496 с.
5. *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику : история, основы теории, библиография. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 474 с.
6. *Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика : учебник. — М. : Проспект, 2011. — 768 с.
7. *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* — 2017. — № 5. — С. 120—134.
8. *Комиссарова Я. В., Хамзин С. Р.* Практика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* — 2017. — № 6 (35). — С. 363—371.
9. Криминалистика : учебник / под ред. А. Г. Филиппова. — М. : Высшее образование, 2008. — 442 с.
10. Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — Т. 1 : Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. — 682 с.
11. *Лофтус Э., Кетчем К.* Свидетель защиты. Шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний. — М. : КоЛибри, 2018. — 414 с.
12. *Семенов В. В.* Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // *Российский следователь.* — 2020. — № 10. — С. 8—12.
13. *Чурилов Ю. Ю.* Всемирная история неправосудия. — Ростов н/Д : Феникс, 2012. — 188 с.
14. *Эксархопуло А. А.* Криминалистика : учебник. — СПб. : Лема, 2009. — 904 с.
15. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М. : КанонПлюс, 2009. — 1242 с.
16. *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник для вузов и юридических факультетов. — М. : ЛексЭст, 2005. — 376 с.

**Марина Владимировна
ЖИЖИНА,**

профессор кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
главный научный
сотрудник Российского
федерального центра
судебных экспертиз
при Министерстве
юстиции РФ,
доктор юридических наук,
доцент
mzhizhina@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ТАКТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА И НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОТНОШЕНИИ ДОКУМЕНТА НА БУМАЖНОМ НОСИТЕЛЕ

Аннотация. Документы являются важнейшим элементом любой информационной системы, функционирующей в обществе: социальной, экономической, политической, технической. Различные виды информации материализованы в различных документах, которые в настоящее время могут иметь бумажную основу или электронный носитель. Несмотря на то, что современное государство и его граждане все более «цифровизируются», традиционный документ на бумажном носителе не утрачивает своих позиций, являясь основной формой закрепления как правоотношений, так и мыслей человека. Соответственно, именно он имеет важнейшее значение в доказывании фактических обстоятельств совершения преступлений. «Бумажный» документ может быть объектом исследования ряда экспертиз, которые далеко не ограничиваются традиционными криминалистическими, а широко дополняются иными судебными. Каждая из них предъявляет свои требования к документам как носителям непосредственного объекта исследования и к иным материалам, необходимым для результативного решения экспертной задачи в целях установления фактических обстоятельств расследуемого преступления. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть тактико-методические основы осмотра документа и дальнейшего назначения экспертиз с учетом современных возможностей.

Ключевые слова: документ на бумажном носителе, тактика осмотра, назначение экспертизы, расследование преступлений.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.124-131

M. V. ZHIZHINA,

*Professor of Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
chief scientific officer of the Russian Federal center for forensic examinations under
the Ministry of justice of the Russian Federation
Dr. Sci. (Law), Associate Professor
mzhizhina@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

TACTICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF INVESTIGATIVE INSPECTION AND PURPOSE OF EXPERTISE IN RELATION TO A PAPER DOCUMENT

Abstract. Documents are an essential element of any information system functioning in society: social, economic, political, technical. Different types of information are materialized in different documents, which at present can be paper-based or electronic. Despite the fact that the modern state and its citizens are more and more “digitalized”, the traditional paper document does not lose its position, being the main form of consolidating both legal relations and human thoughts. Accordingly, it is he who is of utmost importance in proving the factual circumstances of the commission of crimes. A “paper” document can be the object of research of a number of examinations, which are far from being limited to traditional forensic ones, but are widely supplemented by other judicial ones. Each of them makes its own requirements for the documents, both the carriers of the direct object of research, and other materials necessary for the effective solution of the expert problem in order to establish the factual circumstances of the crime under investigation. In this regard, we consider it necessary to consider the tactical and methodological foundations of the examination of the document and the further appointment of examinations, taking into account their modern capabilities.

Keywords: paper document, inspection tactics, appointment of an examination, crime investigation.

На предварительном следствии и в уголовном судопроизводстве документ может выступать в двух процессуальных статусах: в качестве вещественного доказательства (ч. 1 ст. 81 УПК РФ) и иного документа — источника доказательств по делу (ч. 1 ст. 84 УПК РФ). При этом процессуальный статус документа может быть сразу не очевиден.

Так, изначально вещественным доказательством будет обнаруженная на месте происшествия предсмертная записка; документ может приобрести статус вещественного доказательства, если в результате экспертного исследования установят, что он содержит признаки подделки или по итогам проведенных следственных действий выяснится, что документ был использован в качестве средства преступления. Таким образом, ключевыми задачами следственного осмотра является определение относимости документа к делу и его процессуального статуса.

В связи с такой неоднозначностью на первоначальном этапе к любому документу, попадающему в руки следователя, необходимо относиться как к потенциальному вещественному доказательству, соблюдая при этом соответствующие рекомендации по обращению¹, основной задачей которых является обеспечение сохранности документа в неизменном виде.

Следственный осмотр документа можно производить в ходе осмотра места происшествия, обыска или как самостоятельное следственное действие. Учитывая его время, затратный характер, сопряженный с необходимостью хорошего освещения и спокойной обстановки, осматривать изъятые документы целесообразнее уже после окончания следственных действий на рабочем месте.

В теории криминалистики существует дифференциация следственного осмотра документов на общий и специальный криминалистический (В. П. Власов² и др.), ряд авторов выделяют предварительный и основной осмотры документа (И. Н. Подволоцкий³ и др.). Каждая из этих классификаций имеет под собой основания и право на существование. Не вдаваясь в теоретические дискуссии, предлагаем рассмотреть общую методическую схему осмотра документа, традиционно выделяя его подготовительный, основной и заключительный этапы.

На *подготовительном этапе* осуществляется определение документа, подлежащего осмотру, и предварительное ознакомление с ним, которое включает:

- создание общего представления о документе — уяснение его характера, назначения;
- определение способа изготовления и состава (наличие бланка, изготовление всего документа с помощью цифровых технологий, машинописи или других средств, наличие рукописных записей, подписей);
- установление является ли он оригиналом или копией;
- в случае необходимости — привлечение специалистов из узкопрофильных областей знаний (например, бухгалтерского учета и т.п.) или криминалистической экспертизы;
- определение и подготовку технических средств фиксации хода и результатов осмотра.

Далее следует *рабочий этап*, методическую основу которого составляют: 1) содержательно-логический анализ и 2) органолептическое исследование.

Содержательно-логический анализ предполагает использование логического инструментария (анализа, синтеза, аналогии, индукции, дедукции, гипотезы) и требует внимательного прочтения текста, ФИО лиц, подписавших документ, оттисков печати (штампа), бланка и иных индивидуализирующих документ реквизитов (их

¹ См., например: Жижина М. В. Криминалистическое исследование документов // Криминалистика : в 5 т. : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И. В. Александров [и др.]; под общ. ред. И. В. Александрова ; отв. ред. Н. Н. Егоров. М. : Юрайт, 2019. Т. 3 : Криминалистическая техника. С. 128—134.

² Власов В. П. Следственный осмотр и предварительное исследование документов. М. : Госюриздат, 1961.

³ Подволоцкий И. Н. Осмотр и предварительное исследование документов. М. : Юрлитинформ, 2004.

номеров, дат, исполнителей и т.п.) для выявления возможных несоответствий и противоречий между отдельными его элементами, реквизитами и общеизвестными данными. Например, документ датирован ранее соответствующих изменений в законодательстве, а оттиск печати содержит наименование организационно-правовой формы организации, внесенной этими изменениями, или ОГРН организации на бланке и в оттиске печати различаются и т.п.

При проверке соответствия вида, формы, содержания и назначения документа реквизитам, необходимым для данного вида документов, правильности и полноты его составления необходимо использовать мысленное сравнение с эталонными данными. Для этого рекомендуется руководствоваться стандартными образцами документов, т.е. в каждом конкретном случае сравнивать осматриваемый документ с образцом аналогичного документа. Такого рода проверка актуальна в отношении тех документов, для которых нормативно предусмотрены определенные сорта и размеры бумаги, формы бланков, цвет красителя заполняемых текстов и т.п. (например, различного рода дипломы, аттестаты, удостоверения, свидетельства, ценные бумаги и пр.).

Если документ содержит какие-либо количественные показатели, необходимо проверить правильность сделанных расчетов итоговых сумм, вычисления процентов и т.п., что предполагает применение метода счетной арифметической проверки на предмет выявления ошибок. Также необходимо провести исследование текста с точки зрения наличия грамматических и иных ошибок и лингвистических особенностей автора.

Анализировать содержательную сторону документа необходимо и с точки зрения непротиворечивости информации, отраженной в осматриваемом документе, и информации, содержащейся в иных документах, подлежащих осмотру в рамках конкретного уголовного дела, а также фактических данных, полученных в ходе проведения иных следственных действий.

Таким образом, содержательно-логический анализ позволяет выявить интеллектуальный подлог.

Органолептическое исследование направлено на выявление признаков материального подлога. Конечно, подделка документа или его реквизитов, как правило, устанавливается с помощью криминалистической экспертизы, однако многие признаки могут и должны выявляться уже при следственном осмотре.

На этом этапе должны использоваться измерительные и несложные технико-криминалистические приборы и средства: специальные экспертные лупы с 5—10-кратным увеличением и подсветкой; приборы, сочетающие в себе ЭОП (УФ-ИК-лучи, верхний, нижний, косопadaющий свет), контроль в белом отраженном и проходящем свете, размерную шкалу. Однако помимо технико-криминалистических методов, при осмотре необходимо применение методов сравнения, встречной и сопутствующей проверки документов.

Изучение документа предлагается проводить последовательно на двух уровнях: 1) осмотр документа в целом и 2) осмотр реквизитов документа.

При *осмотре документа в целом* необходимо изучить:

- материальный носитель, т.е. на чем исполнен документ (писчая бумага и др.); если на бланке, то каким способом он изготовлен — типографским, с помощью компьютерных технологий, разграфлен от руки; определяются его

размеры. Так, необходимо обращать внимание на все проявления нарушений целостности и сохранности документа: различие в качестве, толщине, оттенке цвета листов, если документ многостраничный; в размерах шрифта и интервалов между словами и строками, а также в других особенностях выполнения текста;

- с помощью каких технических средств изготовлен документ или отдельные его части: распечатан на принтере (электрофотографическом (лазерном), капельно-струйном, матричном), отпечатан на пишущей машинке, выполнен через копировальную бумагу; если представлена копия, то каким способом произведено копирование (ксерокопирование, цифровое фотографирование и др.); каким пишущим прибором выполнены рукописные записи, подписи (ручкой, карандашом и т.п.);
- иные особенности документа: рваные или резаные края, складки, загрязнение, замазанные или зачеркнутые фрагменты и др.

При этом необходимо осуществлять критический анализ, сопоставляя содержательную сторону осматриваемого документа с его состоянием. Так, следует соотнести дату составления документа и состояние линий сгибов (свежие, старые), учитывая, что ветхие линии сгибов на документе, датированном недавним числом, и слабая их выраженность на документе со старой датой могут свидетельствовать о подделке.

Осмотр реквизитов документа предполагает отдельное исследование фрагментов текста, оттисков печатей (штампов) и подписей и включает следующие аспекты:

- при осмотре фрагментов текста (даты составления или выдачи документа, срока его действия, ФИО правомочного лица и др.) важно выявить все исправления, дополнения, о которых свидетельствуют различия в цветовых оттенках штрихов записей, перерывы в штрихах, обычно выполняемых непрерывно, нарушения естественного размещения дописываемых или допечатываемых элементов, нарушения целостности подложки и пр.; при фальсификации документа с помощью компьютерной техники путем монтажа могут проявиться неравномерности в размещении фрагментов как результат неточной подгонки, наличие мелких посторонних штрихов и пр.;
- в части оттиска печати (штампа) определяется его цвет, форма, вид, текст, особенности (бледность, нечеткость, сдвоенность, зеркальность отображения букв и т.п.). Рекомендуется сопоставление с оттисками аналогичных печатей на других документах, чем устанавливается их совпадение или различие по общим и частным признакам;
- в отношении подписи необходимо выявить: от имени кого она выполнена, ее строение (транскрипция), чем исполнена, особенности выполнения (ярко выраженные нарушения координации движений и др.). Также рекомендуется сопоставительный анализ, если в распоряжении субъекта осмотра имеются другие документы, содержащие подписи, выполненные от имени того же лица, на предмет установления сходства или существенных различий.

Итогом органолептического исследования может являться выявление признаков, свидетельствующих о возможной подделке документа и его реквизитов, и принятие решения о назначении экспертиз.

На *заключительном этапе* осмотра документов осуществляются:

- фиксация результатов осмотра документа в протоколе в соответствии с требованиями ст. 188 УПК РФ. В качестве дополнительного способа фиксации может быть произведено фотографирование места обнаружения документа, его общего вида и отдельных особенностей по правилам криминалистической съемки;
- приобщение документа к материалам уголовного дела в подлиннике, в копиях или в выписках в зависимости от его вида, содержания и значения. Наиболее целесообразно группировать документы по эпизодам дела, в некоторых случаях документы группируются по другим признакам, например в отдельные тома собирают документы, относящиеся к деятельности конкретных лиц, отдельных фирм, и т.д. Независимо от того, какой признак будет положен в основу систематизации, важно, чтобы этот признак был выдержан полностью и давал возможность быстро найти в материалах дела необходимые документы.

Помимо определения процессуального статуса документа, его следственный осмотр также позволяет осуществить подготовку к назначению экспертиз, одним из условий проведения ряда которых является необходимость представления сравнительных и иных материалов. Так, параллельно с осмотром документа необходимо моделировать ситуацию последующего назначения той или иной экспертизы, рассматривая содержащиеся в документе объекты (почерк, письменную речь, оттиск печати, бланк и т.п.) в качестве образцов. Аналогичным образом следует анализировать информацию, содержащуюся в документах и имеющую значение для решения определенных экспертных задач. Например, медицинские документы, подтверждающие наличие у лица определенных хронических или временных заболеваний, следует представить эксперту, проводящему судебно-почерковедческую экспертизу; удостоверяющие личность и иные документы, свидетельствующие о месте рождения и последующего жительства, могут быть важны для решения автороведческих задач и т.п.

Содержание дальнейших действий следователя зависит от того, какую предположительно роль документ может иметь в деле при положительном решении вопроса о его относимости: станет ли он вещественным доказательством, будет средством удостоверения тех или иных фактов и обстоятельств или использован в качестве сравнительного образца. В зависимости от этого следователь решает вопрос о необходимости назначения экспертизы и статусе документа при этом.

Назначение экспертизы является сложным, многокомпонентным процессуальным действием по ее организации и проведению, которое состоит:

- из изучения и оценки возникшей судебной ситуации, требующей использования специальных знаний в процессуальной форме экспертизы;
- определения предметного характера специальных знаний (класса, рода, вида экспертизы) для разрешения возникшей проблемы;
- определения задачи экспертизы, постановки и формулирования вопросов, ставящихся на разрешение эксперта;
- выбора экспертного учреждения и (или) эксперта;
- подготовки материалов для проведения экспертных исследований⁴.

⁴ Подробнее см.: Жижина М. В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном процессе. М. : Юрлитинформ, 2007.

Чтобы в результате производства экспертизы был установлен факт, имеющий доказательственное значение по делу, следователь должен свободно ориентироваться в вопросах ее назначения. Его деятельность складывается из нескольких этапов.

1. Корректное определение вида (рода) экспертизы исходя из решаемой задачи. Для этого следователь должен быть правильно и полно осведомлен о видах (родах) криминалистических и судебных экспертиз и их компетенциях.

Кроме того, необходимо правильно дифференцировать виды экспертизы, если они проводятся в отношении одного и того же объекта. Например, рукописная подпись может являться непосредственным объектом исследования судебно-почерковедческой, судебно-технической экспертизы или их комплекса, а также комплексной судебно-почерковедческой, судебно-технической и компьютерно-технической экспертизы. Следователь должен знать, в каких случаях какую назначать и когда принимать решение о назначении комплексной экспертизы.

Также необходимо тактически верно определять последовательность проведения экспертиз в отношении документа, имея в виду, во-первых, значение результатов конкретной экспертизы для раскрытия преступления, а во-вторых, сохранение неизменного вида и состояния документа и его свойств для возможности проведения иных экспертиз.

Если выполнение первого условия зависит от грамотного планирования исследования, то решающим правилом для выполнения второго будет следующее: экспертизы, сопряженные с внесением изменений в документ или его повреждением, назначаются в последнюю очередь. Так, например, при установлении давности (времени) выполнения документа, проводимого в рамках судебно-технической экспертизы, в соответствии с методикой берутся вырезки из штрихов реквизитов документа. В связи с этим последующее производство экспертизы для решения задачи по идентификации подписи или оттиска печати может быть затруднительным или невозможным. Соответственно, определять последовательность проведения экспертиз следует таким образом, чтобы исключить подобную ситуацию.

2. Правильная постановка задания эксперту, которое облекается в вопрос, являющийся главным ориентиром для эксперта. Соответственно, следует избегать бесполезных и дублирующих друг друга вопросов, с одной стороны, с другой — использовать все имеющиеся возможности современных экспертиз для установления фактических обстоятельств по делу.

Например, невозможно установить давность (время) выполнения документа по тексту, распечатанному на лазерном принтере, в связи с отсутствием методики экспертного исследования. Постановка соответствующей задачи перед экспертом будет бесполезной тратой времени в условиях его дефицита при расследовании преступления.

Или другая ситуация: постановка дублирующих друг друга вопросов, направленных на установление одного и того же факта, вынудит эксперта применять различные методы и методики, увеличит время производства экспертизы, однако не повысит информативности следственной ситуации.

3. Предоставление для проведения исследования доброкачественного сравнительного материала и необходимых данных, которые обеспечивают результативность экспертизы.

В каждой из экспертиз имеются свои требования в отношении объектов (сравнительных образцов и пр.), их количественных и качественных характеристик,

которые обязательны для соблюдения. В противном случае эксперт не может провести исследование полно, всесторонне, дать обоснованный и достоверный вывод. Поэтому для следователя крайне важно знать соответствующие требования и обеспечить их выполнение.

Кроме того, в соответствии с требованиями законодательства эксперт не имеет права самостоятельно собирать объекты для производства экспертизы; в случае необходимости он должен направлять ходатайство органу или лицу, назначившему экспертизу, о предоставлении дополнительных материалов. Направление таких ходатайств, а затем деятельность по сбору дополнительных образцов и материалов ведет к затягиванию сроков экспертизы, что, соответственно, увеличивает сроки предварительного расследования.

4. Выбор компетентного экспертного учреждения (эксперта) для решения поставленной задачи. Для обеспечения корректного выбора экспертного учреждения следует ориентироваться в особенностях производства ими различных экспертиз. Так, например, в настоящее время судебно-почерковедческие исследования рукописных объектов в копиях документов в целях идентификации их исполнителя не производятся в системе экспертных учреждений МВД России, в то время как эксперты-почерковеды системы Следственного комитета России и Министерства юстиции РФ подобные исследования проводят.

Или другой пример: налоговые экспертизы как самостоятельный вид экспертиз проводятся в системе экспертных учреждений МВД России, однако в системе экспертных учреждений Минюста России такая экспертиза не актуализирована.

Таким образом, знание определенных особенностей производства экспертных исследований в экспертных учреждениях в зависимости от ведомственной принадлежности позволит следователю правильно определиться в выборе эксперта.

Вышеприведенную схему мы рекомендуем использовать применительно к ситуации назначения любой экспертизы в отношении документа на бумажном носителе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Власов В. П.* Следственный осмотр и предварительное исследование документов : пособие для прокурорско-следственных работников. — М. : Госюриздат, 1961. — 145 с.
2. *Егоров Н. Н.* Криминалистические аспекты фиксации доказательств как элемент доказывания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 36—45.
3. *Жижина М. В.* Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном процессе / под ред. В. Ф. Орловой. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 192 с.
4. Криминалистика : в 5 т. : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / И. В. Александров [и др.] ; под общ. ред. И. В. Александрова ; отв. ред. Н. Н. Егоров. — М. : Юрайт, 2019. — Т. 3 : Криминалистическая техника. — 216 с.
5. *Подволоцкий И. Н.* Осмотр и предварительное исследование документов / под ред. А. М. Зинина. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 200 с.

**Руслан Эдуардович
КАЛИНИН,**

аспирант кафедры судебной
медицины и медицинского
права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета
имени А. И. Евдокимова
Минздрава России
salem48@mail.ru
111399, Россия, г. Москва,
Федеративный просп., д. 17

**Евгений
Христофорович
БАРИНОВ,**

профессор кафедры судебной
медицины и медицинского
права
Московского государственного
медико-стоматологического
университета имени
А. И. Евдокимова Минздрава
России,
доктор медицинских наук,
профессор
ev.barinov@mail.ru
111399, Россия, г. Москва,
Федеративный просп., д. 17

**Ярослава
Владимировна
КОМИССАРОВА,**

доцент кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
доцент
a5143836@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул.
Садовая-Кудринская, д. 9

ПОДМЕНА ПОНЯТИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ В ЗАКЛЮЧЕНИЯХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТОВ ПО «ВРАЧЕБНЫМ ДЕЛАМ» КАК НЕГАТИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ, СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ¹

Аннотация. Заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы играет ключевую роль в раскрытии признаков объективной стороны ятрогенных преступлений. При этом понятие дефекта оказания медицинской помощи в законодательстве отсутствует, а в теории и на практике не сложился единый подход к порядку установления причинно-следственной связи и ее характера (прямая или косвенная). Из-за отсутствия необходимого правового регулирования в экспертной и юридической практике сформировался ряд обычаев, не отвечающих требованиям формирования научно обоснованной частной криминалистической методики расследования преступлений и назначения уголовного судопроизводства.

В статье описаны наиболее распространенные ошибки, оказывающие негативное влияние на процесс расследования и разрешения так называемых «врачебных дел», из-за которых имеет место либо чрезмерный обвинительный, либо явно оправдательный уклон, что препятствует принятию справедливых и обоснованных процессуальных решений. Предложены пути совершенствования методики расследования ятрогенных преступлений, в том числе организации производства судебно-медицинских экспертиз по данной категории дел.
Ключевые слова: медицинские услуги, расследование преступлений, ятрогенные преступления, судебно-медицинская экспертиза, компетенция, «врачебные дела», ненадлежащее оказание медицинской помощи, причинно-следственная связь.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.132-139

¹ Исследование произведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084.

R. E. KALININ,

*postgraduate student of the Department
of forensic medicine and medical law
Moscow state medical and dental University of A. I. Evdokimov
of the Ministry of health of Russia
salem48@mail.ru
111399, Russia, Moscow, Federativny prosp., 17*

Ye. Kh. BARINOV,

*Professor of the Department of forensic medicine and medical law
Moscow state medical and dental University of A. I. Evdokimov
of the Ministry of health of Russia,
Dr. Sci. (medical), Professor
ev.barinov@mail.ru
111399, Russia, Moscow, Federativny prosp. , 17*

Ya. V. KOMISSAROVA,

*Associated professor of Department of criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
a5143836@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

SUBSTITUTION OF CONCEPTS AND COMPETENCIES IN THE CONCLUSIONS OF FORENSIC EXPERTS ON «MEDICAL CASES» AS A NEGATIVE TREND IN EXPERT, INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE

Abstract. *The conclusion of the Commission of forensic medical examination plays a key role in revealing the signs of the objective side of iatrogenic crimes. The notion of the defect of medical care in the legislation is absent, and in theory and in practice has not developed a unified approach to establish causality and its nature (direct or indirect). Due to the lack of necessary legal regulation in expert and legal practice, a number of customs have been formed that do not meet the requirements for the formation of a scientifically based private forensic methodology for investigating crimes and the purpose of criminal proceedings. The article describes the most common errors that have a negative impact on the process of investigation and resolution of so-called “medical cases”, due to which there is either an excessive accusatory or clearly exculpatory bias, which prevents the adoption of fair and reasonable procedural decisions. Ways to improve the methods of investigation of iatrogenic crimes, including the organization of forensic medical examinations in this category of cases, are proposed.*

Keywords: *medical services, investigation of crimes, iatrogenic crimes, forensic medical examination, competence, medical cases, improper provision of medical care, cause-and-effect relationship.*

Сегодня, несмотря на все старания криминалистов, разрабатывающих современные методики допроса медицинских работников, проведения очных ставок, применения полиграфа и расширение процессуальных функций специалистов, в том числе за счет создания собственной судебно-медицинской службы (в структуре ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»), ход и исход «врачебных дел» по-прежнему определяются преимущественно выводами экспертов.

Бурный рост числа дел и, как следствие, экспертиз, связанных с профессиональными правонарушениями медицинских работников², в том числе участвовавшие случаи назначения повторных экспертиз, оголили ряд серьезных проблем, корни которых кроются как в пережитках давно устаревшей практики, так и в скудном правовом регулировании экспертной деятельности, оставляющем чересчур широкое поле для экспертного усмотрения на всех этапах проведения экспертизы — от определения перечня объектов и материалов, подлежащих исследованию, до ответа на поставленные перед экспертами вопросы.

При этом некоторые аспекты существующей практики характеризуются высокой опасностью неблагоприятных правовых последствий — от затягивания процесса до вынесения несправедливых судебных решений.

Ниже приведены результаты анализа ряда типичных ошибок, из-за которых экспертиза может в большей степени препятствовать установлению истины по делу, чем помогать в этом следствию и суду.

1. Подмена вопроса о причине и характере допущенных дефектов оказания медицинской помощи вопросом о персоналиях, их допустивших. Следователи постоянно ставят перед экспертами вопросы о том, кто из медиков допустил нарушения при оказании медицинской помощи, зачастую так: «Кто несет ответственность...». К сожалению, эксперты нередко идут на поводу у следствия и отвечают на такие вопросы, приводя фамилии медработников, указанные в медицинской документации или протоколах допросов.

Такой способ «идентификации» субъекта преступления нельзя признать допустимым. Отвечая на вопрос о личности медработника, по вине которого возникли дефекты, эксперты опираются на медицинскую документацию (о ее фальсификации сказано и написано так много, что дело однажды дошло до законопроекта о введении соответствующей статьи в УК РФ). Проверить достоверность сведений в медицинских картах эксперты не могут. Кроме того, указывая фамилию конкретного лица, чаще всего лечащего врача, эксперты тем самым делают вывод о том, что дефекты были допущены на этапе наблюдения, диагностики и лечения пациента, при этом суть самих дефектов сводится к действию либо бездействию указанного экспертами лица.

Остаются нераскрытыми организационные недостатки, работа административного персонала лечебного учреждения и органов управления здравоохранением, вопросы материально-технического оснащения и лекарственного обеспечения,

² Стремление исследователей к решению данной проблемы столь велико, что ряд авторов отождествляют «врачебный процесс» и «ятрогенный процесс», тем самым приравнивая оказание медицинской помощи к преступлению. См., например: *Мазур Е. С., Ахмедшин Р. Л., Александрова Я. Д.* Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 220—225.

т.е. наличие реальной возможности оказать медицинскую помощь надлежащим образом. Эксперты должны отвечать на вопросы о том, на каком этапе оказания медицинской помощи были допущены дефекты, при проведении какого именно медицинского вмешательства это произошло, к какому профилю (врачебной специальности) относятся эти дефекты.

Персонификация юридической ответственности не должна осуществляться экспертным путем. Для установления конкретного лица, допустившего нарушения при исполнении профессиональных обязанностей, следователи должны изучить свидетельские показания, графики дежурств, таблицы учета рабочего времени и т.п. Специальные знания в области медицины для этого не нужны. При постановке вопроса о том, кто из медработников допустил дефекты оказания медицинской помощи, происходит подмена компетенций эксперта и следователя, т.е. незаконное и необоснованное делегирование полномочий следователя экспертам.

2. Вопрос о наличии и характере причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи и неблагоприятным исходом зачастую подменяют вопросом о возможности благоприятного исхода при правильном оказании медицинской помощи. Признаком объективной стороны ятрогенного преступления с материальным составом является прямая причинно-следственная связь, которая должна быть установлена при определенных обстоятельствах и для конкретного пациента³.

Установление причинной связи по «врачебным делам» представляет собой известную проблему⁴, которую правоприменители регулярно пытаются обойти путем постановки теоретических и гипотетических вопросов о том, возможен ли был благоприятный исход при безупречном лечении. Однако эксперты и юристы должны отдавать себе отчет в том, что никакой методики исследования по такому вопросу не существует. Нельзя вернуться в прошлое, оказать пациенту надлежащую медицинскую помощь и узнать, каков будет исход. Эксперты могут дать только литературную справку о статистике летальности и других исходов при определенной патологии на различных стадиях, при разных сроках начала лечения, в зависимости от его методов и т.д.

Никакого научно-практического способа применить эти данные к конкретному больному в рамках экспертизы не существует. Если при болезнях, которые при адекватном лечении характеризуются очень низким процентом осложнений и смертей, иногда можно пренебречь такой погрешностью и условно перенести общие закономерности на исследуемый клинический случай, то при патологиях с высокой летальностью экспертам следует сосредоточиться на решении вопроса о наличии и характере причинной связи, а не пускаться в абстрактные рассуждения о статистике. В противном случае возникает риск неправомерных обвинений в причинении смерти или тяжкого вреда здоровью, основанных только на том факте, что эксперты посчитали теоретически возможным благоприятный исход.

³ См., например: *Мащенко Н. В.* Ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей как обязательный признак объективной стороны ятрогенного преступления // Синергия наук. 2019. № 42. С. 822.

⁴ См., например: *Дмитриева О. А., Голубева А. В., Косинская Е. Д.* Проблемы установления причинно-следственных связей при проведении судебно-медицинской экспертизы «ятрогенных преступлений» // Вестник судебной медицины. 2019. Т. 8. № 4. С. 56—61.

3. Подмена понятия ятрогенного осложнения понятием обоснованного медицинского риска. Любое медицинское вмешательство сопряжено с определенной степенью риска развития осложнений, вероятность возникновения которых predetermined методикой проведения данного вмешательства. Каждая операция, манипуляция или процедура характеризуется тем или иным процентом свойственных ей осложнений. Однако это вовсе не означает, что развитие типичного осложнения в каждом случае должно расцениваться как закономерный и непредотвратимый финал.

4. Ссылки экспертов на общую частоту встречаемости осложнений без какого-либо анализа причин неблагоприятного исхода в конкретном случае являются одной из причин, по которым экспертов постоянно упрекают в «корпоративной солидарности»⁵. В рамках экспертизы требуется предметный анализ причин и условий возникновения ятрогенного происшествия, включая анализ показаний и противопоказаний к медицинскому вмешательству, методики и техники его выполнения, сроков развития осложнений и сроков их диагностики, а также других существенных факторов.

Заключение экспертов не должно сводиться к тому, что «такое случается». Необходимо выяснить, почему это случилось в конкретной клинической ситуации. Уклонение экспертов от объективного анализа обстоятельств ятрогенного происшествия приводит к уходу виновных лиц из числа медицинского персонала от ответственности, подрывает авторитет судебно-медицинской службы и способствует росту правового нигилизма среди медиков и пациентов.

Здесь уже можно говорить о подмене компетенции эксперта компетенцией специалиста, когда вместо исследования материалов конкретного дела эксперты опираются на медицинскую литературу, а в заключении вместо выводов излагают свои суждения по широкому кругу вопросов, не входящих в предмет доказывания по данному делу.

5. Подмена вывода о наличии дефектов оказания медицинской помощи выводом о наличии неблагоприятного исхода. Дефект оказания медицинской помощи — это нарушение обязательных правил ее оказания, утвержденных в установленном законом порядке и закрепленных в нормативных документах. Если эксперты пришли к выводу о том, что при оказании медицинской помощи были допущены дефекты, то они обязаны обосновать свой вывод ссылками на конкретные положения и требования, которые были нарушены медицинским персоналом. Вместо этого в заключениях экспертов нередко можно встретить выводы о наличии дефектов в диагностике и лечении, единственным основанием которых является сам факт развития осложнений медицинского вмешательства, заболевания или травмы. При этом эксперты не указывают никаких нарушений со стороны медиков, ссылаясь только на неблагоприятный исход, состоящий в прямой причинной связи с действиями медицинских работников.

Подобное толкование сути понятия «дефект оказания медицинской помощи» приводит к нарушению принципа недопустимости объективного вменения. Впоследствии медиков привлекают к уголовной ответственности за невиновное

⁵ *Ерахмилевич В. В., Казанцев Д. А.* Ятрогенные преступления и проблемы их расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 43.

причинение вреда, а иногда и просто за участие в оказании медицинской помощи, т.е. за надлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

Особую опасность такая практика представляет в связи с ростом числа обвинений по ст. 238 УК РФ, которая все шире применяется к деяниям медицинских работников, чему в известной степени способствует правовая позиция Верховного Суда РФ. Недопущение подобных ситуаций, возникающих в том числе из-за ошибок в работе экспертов, в настоящее время — одна из задач правоохранительных органов⁶.

Сегодня одной из наиболее актуальных является проблема криминалистического и экспертного обеспечения расследования «врачебных ошибок» в сфере акушерства и гинекологии, а также вспомогательных репродуктивных технологий⁷. Правонарушения в данной области деятельности встречаются все чаще и характеризуются тяжкими последствиями. Так, дело голландского врача Яна Карбаата, тайно оплодотворившего собственной спермой более 50 женщин⁸, оказалось не единственным случаем подмены биологического материала. Недавно выяснилось, что другой голландский гинеколог из города Зволле с 1981 по 1993 г. использовал свою сперму для оплодотворения не менее 17 пациенток⁹. В России вспомогательные репродуктивные технологии также находятся в фокусе пристального внимания правоохранительных органов. В настоящее время ведется расследование и уже предъявлены обвинения в торговле людьми группе московских врачей в связи с оказанием услуг в сфере суррогатного материнства¹⁰.

При этом нельзя не отметить, что и в сфере родовспоможения без применения технологий искусственной репродукции по-прежнему нередки фатальные исходы, обусловленные ненадлежащим оказанием медицинской помощи. В практике одного из авторов статьи (Р. Э. Калинина) такие случаи встречаются регулярно. Например, ошибки врача-анестезиолога при проведении операции кесарева сечения привели к развитию у роженицы вегетативного состояния, т.е. необратимого повреждения коры головного мозга. Во время операции не был своевременно установлен диагноз высокого спинального блока, в связи с чем не были проведены необходимые лечебные мероприятия, что привело к развитию тотального

⁶ Богомолова К. И., Касаев И. Х. К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 178—184.

⁷ См., например: Замалева С. В. Ятрогенные преступления в репродуктивной сфере по уголовному законодательству России и некоторых зарубежных стран. Хабаровск, 2019; Кручинина Н. В., Попов В. П. Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 95—100; Комиссарова Я. В. Использование полиграфа при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с искусственной репродукцией человека // Криминалистическое обеспечение безопасности биотехнологий: материалы научно-практической конференции / под ред. Н. В. Кручининой, Я. В. Комиссаровой. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 44—48.

⁸ URL: <https://ria.ru/20190417/1552765502.html> (дата обращения: 09.09.2020).

⁹ URL: https://lenta.ru/news/2020/10/07/tainyi_otec/ (дата обращения: 09.09.2020).

¹⁰ URL: <https://www.interfax.ru/moscow/717562> (дата обращения: 09.09.2020).

спинального блока¹¹. Реанимационные мероприятия при этом провели несвоевременно и не в полном объеме, что повлекло тяжелое поражение головного мозга.

Врач-анестезиолог был обязан проявить особую настороженность и повышенное внимание к возможности развития именно такого осложнения спинальной анестезии, какое в итоге произошло. Роженицы относятся к группе риска по развитию тотального спинального блока за счет повышенного внутрибрюшного давления и диафрагмального типа дыхания. Ятрогенное осложнение эпидуральной анестезии в виде непреднамеренной пункции субарахноидального пространства дополнительно повысило риск развития высокого и тотального спинального блока, что также должен был учесть анестезиолог. Однако, приняв решение о применении спинальной анестезии вместо первоначально запланированной эпидуральной, анестезиолог не проинформировал об этом акушеров-гинекологов, не дал им возможности принять меры по профилактике тотального спинального блока, например в виде придания пациентке особого положения на операционном столе (с приподнятым головным концом стола).

Следует отметить, что дефекты оказания медицинской помощи заключались не в самом факте развития осложнения, а в несвоевременном оказании медицинской помощи по поводу данного осложнения. Врач-анестезиолог не мог предотвратить такие осложнения, как непреднамеренная пункция субарахноидального пространства и высокий спинальный блок, и сами по себе эти осложнения не являлись дефектами оказания медицинской помощи. Однако анестезиолог был обязан предвидеть *возможность* развития осложнений, поскольку эта возможность была предопределена не только особенностями состояния больной (беременность), но и особенностями выполнения анестезии (непреднамеренная пункция субарахноидального пространства), о чем врач знал и отразил это в медицинской карте.

Предвидя возможность указанных осложнений, врач обязан быть готов к незамедлительному проведению реанимационных мероприятий. В данном случае несвоевременное проведение реанимационных мероприятий подтверждалось медицинской документацией. Согласно записям анестезиолога, остановка дыхания отмечена в 0:50, а интубация трахеи произведена в 0:55, т.е. только через пять минут ничем не обоснованной задержки. Именно за эти пять минут развилось тяжелое, непоправимое гипоксическое повреждение головного мозга (острое кислородное голодание), повлекшее в дальнейшем развитие стойкого вегетативного статуса. Время полной гибели коры головного мозга при механической асфиксии составляет 6—8 минут.

Таким образом, врачом-анестезиологом были нарушены клинические рекомендации «Анестезия при операции кесарева сечения» (раздел «Основные принципы проведения нейроаксиальной анестезии в акушерстве», С. 13, п. 8), а также клинические рекомендации «Нейроаксиальные методы обезболивания родов» (раздел 5 «Профилактика осложнений нейроаксиальной аналгезии в родах», С. 15, п. 7) — не было обеспечено должное наблюдение. Кроме того, врач нарушил п. 8.1.4 практических рекомендаций «Регионарная аналгезия родов»: своевременно не выполнена интубация трахеи и не осуществлен перевод больной на ИВЛ. Все

¹¹ Блокада местными анестетиками нервных корешков в шейном отделе спинного мозга, приводящая к резкой брадикардии, критическому снижению артериального давления и параличу дыхательных мышц, в том числе диафрагмы.

перечисленные клинические рекомендации были утверждены Общероссийской общественной организацией «Федерация анестезиологов и реаниматологов» и действовали на момент оказания медицинской помощи.

Вышеуказанные обстоятельства установили в ходе двух комиссионных судебно-медицинских экспертиз. Наличие прямой причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи и неблагоприятным исходом позволило квалифицировать его как причинение тяжкого вреда здоровью. Анестезиологу предъявили обвинение по ч. 2 ст. 118 УК РФ. Уголовное дело было прекращено в связи с истечением срока давности, а иск родственников к лечебному учреждению частично удовлетворен¹².

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богомолова К. И., Касаев И. Х.* К вопросу о совершенствовании деятельности правоохранительных органов по выявлению и предупреждению ятрогенных преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2020. — № 1 (132). — С. 178—184.
2. *Дмитриева О. А., Голубева А. В., Косинская Е. Д.* Проблемы установления причинно-следственных связей при проведении судебно-медицинской экспертизы «ятрогенных преступлений» // Вестник судебной медицины. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 56—61.
3. *Ерахмилевич В. В., Казанцев Д. А.* Ятрогенные преступления и проблемы их расследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2020. — № 20—1. — С. 42—43.
4. *Замалева С. В.* Ятрогенные преступления в репродуктивной сфере по уголовному законодательству России и некоторых зарубежных стран. — Хабаровск, 2019. — 76 с.
5. *Комиссарова Я. В.* Использование полиграфа при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, связанных с искусственной репродукцией человека // Криминалистическое обеспечение безопасности биотехнологий : материалы научно-практической конференции / под ред. Н. В. Кручининой, Я. В. Комиссаровой. — М. : РГ-Пресс, 2020. — С. 44—48.
6. *Кручинина Н. В., Попов В. П.* Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 95—100.
7. *Мазур Е. С., Ахмедшин Р. Л., Александрова Я. Д.* Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 451. — С. 220—225.
8. *Мащенко Н. В.* Ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей как обязательный признак объективной стороны ятрогенного преступления // Синергия наук. — 2019. — № 42. — С. 820—827.

¹² Решение Киевского районного суда г. Симферополя Республики Крым от 13.03.2020 по делу № 2-1/2020 (имеется в распоряжении авторов статьи).

**Сергей Анатольевич
ПИЧУГИН,**

доцент кафедры судебно-
экспертной
и оперативно-розыскной
деятельности
Московской академии
Следственного
комитета РФ,
кандидат юридических наук
pichugin81@mail.ru
125080, Россия, г. Москва,
ул. Врубеля, д. 12

К ВОПРОСУ О НОВЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИКАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. Автором с критических позиций рассматривается оригинальная криминалистическая методика «копирования фрагментов штрихов подписей (рукописных записей), смоченных системой растворителей». Положения данной методики содержат утверждение о том, что по цвету красящего вещества можно достоверно установить, когда был выполнен исследуемый реквизит документа. Определение категорий оттенков цветов экспертом осуществляется визуально (на глаз). Сравнительный этап экспертного исследования построен на сопоставлении цвета красителя, с помощью которого выполнен исследуемый документ, с цветовой гаммой красителей реквизитов аналогичного способа выполнения, выступающих в качестве образцов сравнения. В результате проводимого сопоставления по цветам красителей, с помощью которых были выполнены исследуемые реквизиты и, возможно, реквизиты-образцы, у эксперта складывается личное мнение о давности выполнения исследуемых реквизитов документов. Предполагается, что подобная методика позволяет достоверно устанавливать давность выполнения реквизитов исследуемых документов. Актуальность теоретического и практического анализа положений данной методики связана с ее активным и необоснованным применением при решении экспертных задач в арбитражном, гражданском и уголовном процессах.

Ключевые слова: криминалистическая техника, судебная экспертиза, реквизит документа, экспертный подход, сравнительный этап, специальные средства, копирование, растворители, давность выполнения.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.140-146

S. A. PICHUGIN,

Associate Professor of the Department of forensic and operational-search activities
of the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Cand. Sci. (Law)
pichugin81@mail.ru
125080, Russia, Moscow, ul. Vrublel, 12

ON THE ISSUE OF NEW FORENSIC METHODS FOR ESTABLISHING THE LIMITATION PERIOD FOR THE EXECUTION OF DOCUMENT DETAILS

Abstract. The author critically examines the original forensic technique of “copying fragments of signature strokes (handwritten records) moistened with a system of solvents”. The provisions of this method contain the statement that the color of the coloring substance can be reliably determined when

the studied document details were performed. The expert determines the categories of color shades visually (by eye). The comparative stage of the expert study is based on comparing the color of the dye used to make the document under study with the color scheme of the dye details of a similar method of execution, acting as comparison samples. As a result of the comparison of the colors of the dyes that were used to perform the studied details, and possibly the sample details, the expert has a personal opinion about the prescription of the studied document details. It is assumed that such a "technique" allows you to reliably establish the prescription of the details of the studied documents. The relevance of theoretical and practical analysis of the provisions of this "methodology" is associated with its active and unjustified use in solving expert problems in arbitration, civil and criminal proceedings.

Keywords: forensic technology, forensic examination, document props, expert approach, comparative stage, special equipment, copying, solvents, lead time.

В современной экспертной практике все чаще стали использоваться новые, так называемые авторские криминалистические методики, позволяющие эффективно решать экспертные задачи, связанные с установлением давности выполнения реквизитов документов. Подобные криминалистические методики, по мнению их разработчиков, способны превзойти существующие, сформированные с опорой на физико-химические методы, применение которых связано с возможностями хромато-масс-спектрометрии.

Рассмотрим одну из таких оригинальных методик, наиболее часто встречающуюся в современной экспертной практике. Это Методика копирования фрагментов штрихов подписей (рукописных записей), смоченных системой растворителей (далее — Методика влажного копирования). В соответствии с ее положениями для установления давности выполнения реквизитов документов необходимо осуществление процесса копирования фрагментов штрихов на ПВХ-пленку, причем в качестве реагентов используют камфорный спирт и диметилформамид (ДМФА).

Затем определяют для исследуемого объекта и для фрагментов образцов штрихов за проверяемый и дальнейший период времени: X — время контакта, за которое не происходит копирования на камфорный спирт; Y — время копирования на ДМФА, при котором откопированные фрагменты имеют среднюю окрашенность; Z — время копирования на ДМФА, при котором откопированные фрагменты имеют интенсивную окрашенность. При совпадении значений X, Y и Z для штрихов в исследуемом документе со значениями X, Y и Z для образцов за проверяемый период времени при условии, что время копирования образцов за дальнейший период времени сокращается, делают вывод о том, что время выполнения штрихов в исследуемом документе будет соответствовать проверяемому периоду времени¹.

¹ Способ определения давности составления документа по материалам письма: пат. 2015135636/15 РФ: МПК G01N 33/32 (2006.01) / Воронин С. А., Романова Д. М.; заявитель и патентообладатель Воронин С. А.; заявл. 24.08.2015; опубл. 10.12.2016.

В заключениях экспертов, изученных автором статьи, описывается процесс применения указанной методики и использования необходимых криминалистических средств (ПВХ-пленки, камфорного спирта и ДМФА).

Первоначально ПВХ-пленка увлажняется погружением на 2—3 сек. в диметилформамид и на 10—15 сек. в камфорный спирт. Далее для удаления капель растворителя пленка подсушивается и приводится в контакт с исследуемым участком реквизита документа (подписи или рукописной записи). При этом точное время контакта экспертами в тексте заключений не определяется, а устанавливается экспериментально (начиная с 15 сек. при использовании камфорного спирта и с 3 сек. при использовании ДМФА) — до получения достаточно различной степени интенсивности откопированных штрихов. Копирование, по мнению экспертов, должно производиться многократно (по три раза), и во всех трех случаях должны быть одни и те же цветовые показатели.

После откопирования экспертами оценивается степень окрашенности штрихов исследуемого реквизита на ПВХ-пленке (например, интенсивная окрашенность пленки штрихами подписи темно-синего цвета). Далее по степени окрашенности на ПВХ-пленке штрихи исследуемого реквизита визуально сравнивают по цветовому показателю с аналогичными образцами, хранящимися в экспертном учреждении. Если цвет совпадает с каким-либо образцом-реквизитом, то формулируется вывод о его соответствии определенной дате.

В заключении эксперта читаем: «Полученные откопированные штрихи исследуемой подписи на пленке ПВХ имеют темно-синий цвет, что визуально совпадает по цвету с аналогичным реквизитом-образцом, имеющим темно-синий цвет, датированным маем 2015 года». Следовательно, проверяемая подпись экспертом определяется как выполненная в мае 2015 года.

Логика подобного вывода эксперта понятна: если совпадает признак, значит, соответствует дата. Однако вызывают объективные сомнения те образцы, которые хранятся у эксперта в его картотеке. Эти образцы должны быть классифицированы по морфологии всех существующих пишущих паст, видов пишущего прибора, морфологии бумаги. Кроме того, вызывает сомнения и визуальная оценка выявленной интенсивности и градация цвета штрихов.

Судебные экспертизы, выполненные на основе применения методики влажного копирования, по-разному оцениваются судами.

Так, по делу № А42-8079/2014, рассматриваемому Арбитражным судом Мурманской области, по ходатайству истца была проведена судебная экспертиза по определению фактического периода времени исполнения рукописной подписи от имени истца на передаточном распоряжении и внесении в передаточное распоряжение сведений об акциях.

В заключении № 79/15 АНО «Бюро судебных экспертиз и независимой оценки», составленном экспертом Б. В. А., были приведены выводы, согласно которым период фактического исполнения рукописной подписи в спорном передаточном распоряжении не соответствует указанной в нем дате. При проведении экспертизы применялась описанная выше методика влажного копирования фрагментов штрихов исследуемых рукописных записей (подписей) на адсорбент, смоченный системой растворов.

Оценив по правилам ст. 71 АПК РФ заключение эксперта, суд констатировал, что оно является ясным и полным, не содержит каких-либо неточностей и противоречий; эксперт ответил на поставленные перед ним вопросы (возражения), при этом экспертом сделан однозначный, а не вероятностный вывод; отводов данному эксперту никто не заявлял, сомнений в достоверности выводов эксперта у суда не имеется, нарушений законодательства об оценочной деятельности в экспертном заключении не установлено, в связи с чем возражения ответчика отклоняются судом, а проведенная по делу судебная экспертиза принимается в качестве надлежащего доказательства по делу, решением Арбитражного суда Мурманской области от 30.10.2015 иски удовлетворены².

05.05.2016 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд по апелляционной жалобе ответчика данное решение отменил в удовлетворении исковых требований отказал. Апелляционная инстанция критически отнеслась к заключению эксперта, признав возражения ответчика в указанной части обоснованными³.

В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда было указано, что в настоящее время научно обоснованной, рекомендованной к применению на практике является методика «Определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей», утвержденная 13.03.2013 научно-методическим советом Российского центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

Исследования, проведенные экспертом АНО «Бюро судебных экспертиз и независимой оценки», не соответствуют утвержденной методике, а выводы являются необоснованными. В заключении не даны пояснения относительно оборудования, которое использовалось экспертом. Методика влажного копирования не применяется для определения времени нанесения рукописного теста (экспертиза давности). Образцы для сравнительного анализа в судебном заседании не отбирались, а подбирались экспертом самостоятельно. Кроме того, на экспертизу были представлены образцы, датировка которых составляла заведомо более трех лет, в то время как для данного вида экспертизы образцы, возраст которых составляет два и более года, являются непригодными (соответствующая информация была предоставлена Мурманской лабораторией судебной экспертизы Минюста России согласно письму от 11.06.2015).

По мнению суда апелляционной инстанции, примененный экспертом метод сравнительного анализа не может служить основанием для выводов эксперта относительно давности совершения рукописного текста, что, как обоснованно указывает ответчик, ставит под сомнение результат проведенной экспертизы⁴.

² Решение Арбитражного суда Мурманской области от 30.10.2015 по делу № А42-8079/2014 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HQNV51u1ZNoR/> (дата обращения: 14.04.2020).

³ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2016 г. по делу № А42-8079/2014 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yQ0xbzk3OOH1/> (дата обращения: 14.04.2020).

⁴ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2016 г. по делу № А42-8079/2014 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yQ0xbzk3OOH1/> (дата обращения: 14.04.2020).

Изложенная позиция была поддержана Арбитражным судом Северо-Западного округа в постановлении от 09.09.2016, вынесенным по кассационной жалобе истца.

Аналогичного мнения придерживаются и другие арбитражные суды⁵.

Из протокола судебного заседания (допроса эксперта Б. В. А., применявшего методику влажного копирования для установления давности выполнения реквизитов документов):

«Скажите, когда и кем осуществлялась апробация методики влажного копирования для применения ее положений в целях установления давности выполнения реквизитов исследуемых документов?»

— Мне это неизвестно.

— По какой причине вы стали применять методику влажного копирования для целей установления давности выполнения реквизитов документов, если есть научно-обоснованные физико-химические методики РФЦСЭ в этой области?

— У меня есть допуск только по традиционным криминалистическим экспертизам, физико-химические методики мне неизвестны.

— Кто вам предоставил пленку ПВХ, а также растворители? Какие были размерные характеристики ПВХ-пленки, в частности толщина? Насколько мне известно, от толщины пленки ПВХ зависит и степень ее адсорбции, верно?

— Пленку ПВХ мне предоставил руководитель экспертного учреждения. Я не смотрел на размерные характеристики пленки ПВХ, поскольку для меня это было неважно. Я намочил ее сначала в камфорном спирте, потом в диметилформамиде и прижал к штрихам исследуемой подписи. Затем начал сравнивать по цвету с имеющимся сравнительным материалом, находящимся в лаборатории.

— Каким образом проводилось такое сравнение?

— Визуально, на глаз, у меня большой опыт в этой деятельности.

— Можно ли ознакомиться с вашим сравнительным материалом?

— У нас есть все виды паст и все виды бумаг для сравнения, но сейчас это невозможно, поскольку мы переезжаем в другое место. Все запаковано и готово к транспортировке.

— Вы установили цвет откопированного штриха на пленке ПВХ как темно-синий, далее сравнили его с образцом какой-то другой подписи, точно известной только Вам, и что она была выполнена в мае 2015 г., и поэтому вы решили, что и исследуемый реквизит — подпись также выполнена в мае 2015 г., верно?

— Да, все верно. Цвет откопированного штриха исследуемой подписи точно совпал с аналогичным образцом.

— А если бы это был, например, не май, а июнь или июль 2015 г., то какой цвет должен был бы быть?

— Немного светлее».

⁵ См., например: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.11.2017 по делу № А32-34718/2014 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/case/QR6Tlv7D02WK/>; решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 04.08.2016 по делу № А65-27019/2015 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SBYtBezKR8gO/> (дата обращения: 14.04.2020).

Эксперт Б. В. А., применяя методику влажного копирования, фактически визуально устанавливал совпадение или различие в интенсивности окрашенности штрихов исследуемых подписей при копировании с камфорным спиртом и ДМФА, с аналогичными, по его мнению, образцами. Как правило, образцы для сравнения, в рассматриваемом случае это подпись (рукописная запись), должны быть выполнены: материалами письма того же химического состава, что и исследуемый объект; на бумаге, аналогичной по своим свойствам бумаге исследуемых документов. Однако для того, чтобы подобрать такую сложную модель-образец, необходимо иметь полные (всеобъемлющие) сведения о физико-химическом составе пасты и бумаги, иначе использование подобных образцов лишено всякого смысла. В связи с этим исследование, проведенное экспертом Б. В. А., даже гипотетически не позволяет каким-либо образом установить давность исследуемых документов.

Полагаю, что и осуществленное экспертом визуальное сравнение объектов не имеет ничего общего с точным и объективным сравнительным исследованием, которое должно проводиться в ходе судебной экспертизы, поскольку оно не базируется на общепринятых научных и эмпирических данных.

Еще несколько критических замечаний о копировании фрагментов штрихов исследуемых реквизитов на адсорбент, смоченный системой растворителей.

Во-первых, все традиционные методики определения давности выполнения реквизитов документов основаны на определении количественного содержания растворителей либо степени полимеризации смол паст исследуемых штрихов, которые фиксируются высокоточными аналитическими методами физико-химического исследования (хроматографией и хромато-масс-спектрометрией), а не визуально. Эти методики прошли тщательное независимое научное тестирование по «слепым» образцам, организованное государственными экспертными учреждениями. Методика влажного копирования в рамках подобного рода беспристрастного тестирования не анализировалась.

Во-вторых, копирование (перенос) штрихов исследуемого реквизита документа на адсорбент (ПВХ-пленку) позволяет определить не давность его нанесения, а только лишь определенные физические параметры (цвет откопированного штриха, а также интенсивность окрашивания, степень перехода фрагментов штриха и т.п.). При этом не учитывается степень проникновения (диффузии) материала письма в поры бумаги, которая определенным образом может быть связана с давностью. Экспертная практика показывает, что при промокании штриха ПВХ-пленкой на ее поверхность переносятся чернила, растекшиеся только по поверхности бумаги, а не проникшие внутрь ее структуры.

В-третьих, оценка полученных результатов должна осуществляться максимально объективно лицами, обладающими специальными познаниями в области химии, физики. Экспертиза установления давности выполнения реквизитов документов не относится к традиционным видам криминалистических экспертиз и исследований. Поэтому такие экспертизы, как правило, проводятся либо комиссионно — криминалистами с привлечением экспертов-химиков, либо самостоятельно экспертами-химиками, специализирующимися на проведении данного вида исследований.

Таким образом, методика влажного копирования, якобы позволяющая устанавливать давность выполнения реквизитов документов точнее других и в

кратчайшие сроки, не выдерживает критики, а основанные на полученных с ее помощью результатах выводы эксперта не являются научно и фактически обоснованными. Подобное «доказательство» может ввести в заблуждение суд и стать причиной принятия ошибочных процессуальных решений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егоров Н. Н.* Криминалистические аспекты фиксации доказательств как элемент доказывания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 36—45.
2. *Иванов Н. А.* Определение абсолютной давности исполнения рукописных записей гелевыми чернилами (по материалам зарубежной печати) // Эксперт-криминалист. — 2012. — № 3. — С. 4—7.
3. *Иванов Н. А.* Определение давности изготовления документов и нанесения их реквизитов для установления достоверности письменных доказательств // Российский судья. — 2013. — № 6. — С. 32—35.
4. *Пичугин С. А., Федорова И. В.* Проблемы установления обоснованности и достоверности выводов эксперта // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2016. — № 5 (28). — С. 91—95.
5. *Першин А. Н.* Исследование документов: ретроспективный анализ // Эксперт-криминалист. — 2013. — № 3. — С. 6—8.
6. *Соклакова Н. А., Хрусталева В. Н.* Криминалистическое исследование материалов документов. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Питер, 2005. — 176 с.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются отношения слов основание, цель, правдивость, достоверность, истина, ложь, составляющих логико-вербальный каркас научного исследования. Дабы избежать непонимания между автором и адресатом, они должны подчиняться конвенции, согласно которой слова литературного языка, узкоспециальные и логические термины имеют одни и те же значения. Автор и адресат также должны быть согласны в том, как строится и понимается цепь рассуждений. Основание — фундамент, опора рассуждения, цель — образ результата. Прилагательное достоверный может относиться только к проверенной информации, доказанному факту. Слова правдивый и достоверный не являются синонимами и не могут быть взаимозаменяемы без ущерба для смысла высказывания. Понятие истинности интерпретируется как соответствие высказывания внеязыковой действительности. В статье показано различие между значениями слов истина и ложь в бытовом и научном дискурсах, данные слова в обыденном языке являются антонимами, а в языке логики включают промежуточное звено, когда истинность не доказана.

Ключевые слова: естественный язык, значение, толковый словарь, употребление, синонимия, многозначность, основание, достоверность, цель, истина, ложь.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.147-154

Ольга Евгеньевна ФРОЛОВА,
заведующий лабораторией
фонетики и речевой
коммуникации
филологического
факультета
Московского
государственного
университета
имени М. В. Ломоносова,
доктор филологических
наук
olga_frolova@list.ru
119991, Россия, г. Москва,
ГСП-1, Ленинские горы,
д. 1, стр. 51

O. E. FROLOVA,

*Head laboratory of phonetics and speech communication of Faculty of Philology
of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci (Philology)*

olga_frolova@list.ru

**119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory,
1 Humanities Building, 1-51**

ABOUT THE LANGUAGE OF SCIENTIFIC RESEARCH

Abstract. The article examines the relationship between the words foundation, purpose, truthfulness, reliability, truth, falsehood, which make up the logical-verbal framework of scientific research. In order to avoid misunderstandings between the author and the addressee, they must obey the convention that the words of the literary language and the highly specialized and logical terms have the same meanings. The author and addressee must also agree on how the chain of reasoning is constructed and understood. The word foundation is the basis, the support of reasoning, the word goal is the image of the result. The adjective reliable can only refer to verified information, proven

© О. Е. Фролова, 2021

fact. The words truthful and reliable are not synonyms and cannot be used interchangeably without prejudice to the meaning of the statement. The concept of truth is interpreted as the correspondence of the statement to extralinguistic reality. The article shows the difference between the meanings of the words truth and falsehood in everyday and scientific discourses, these words in everyday language are antonyms, and in the language of logic they include an intermediate link when the truth is not proven.

Keywords: *natural language, meaning, explanatory dictionary, use, synonymy, polysemy, basis, reliability, purpose, truth, falsehood.*

При всем разнообразии подходов методология научного исследования, в том числе в области юриспруденции, подчиняется общим закономерностям: следованию логике и методу, доказательности и воспроизводимости результатов¹. Что касается теоретических основ, то известный методолог П. Фейерабенд писал о том, что теорий, которые были бы универсальны и согласовались со всеми известными фактами, не существует². Необходимость верификации полученных результатов философ К. Поппер считал обязательной составляющей исследования³.

В рамках юридической науки проблемам корректности исследования уделяется достаточно много внимания, так как варианты их решения зачастую имеют выраженное прикладное значение. Некоторые некорректные формулировки в этой области знания получили ироничное название «юридические химеры»⁴.

Обратиться к указанной проблематике и подготовить данную статью автора побудил запрос редактора Адвокатской газеты (печатный орган Федеральной палаты адвокатов РФ). В одной из публикаций затрагивались проблемы оценки заключения эксперта как доказательства и в связи с ними — позиция заместителя Председателя Верховного Суда РФ по одному из уголовных дел, использовавшему в своем решении в качестве синонимов слова *основание* и *цель, правдивость* и *достоверность*⁵.

¹ По данному вопросу см.: *Ивин А. А.* Современная философия науки. М.: Высшая школа, 2005. С. 5—6; *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Поруса. М.: Акад. проект, 2008. С. 286.

² *Фейерабенд П.* Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 186.

³ *Поппер К.* Логика и рост научного знания: избранные работы / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. С. 46.

⁴ См., например: *Гуляихин В. Н.* К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // Юридические исследования. 2012. № 1. С. 92—106; *Хохлов Е. Б.* Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1 (252). С. 4—14.

⁵ См.: Адвокатская газета. № 18 (323). Сент. 2020. С. 14—16.

Очевидно, что в сфере судебно-экспертной деятельности научность и верификации выводов эксперта имеют чрезвычайно большое значение. В статье 8 «Объективность, всесторонность и полнота исследований» Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — Закон о ГСЭД) прямо указано, что эксперт обязан проводить исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме, а заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

При этом описание научного исследования ведется на естественном языке: ученый определяет понятия, обращается к системе терминов своей области знания, а в случае необходимости предлагает новые, формулирует цепочки умозаключений. Разногласия автора и адресата относительно значений слов (в том числе терминов), грамматических конструкций и синтаксиса затрудняют понимание логики автора и делают недоступным изложение результатов.

Наша цель — выяснить, что означают в научном исследовании имена существительные, не являющиеся терминами, но называющие его наиболее важные и общие понятия: *основание, цель, правдивость, достоверность, истина, ложь*, а также какие семантические отношения существуют между ними. Выбранные единицы объединяет максимально обобщенная семантика. Для достижения цели нам необходимо решить несколько задач: а) показать основные семантические отношения, описанные в лингвистике, на которые мы будем опираться в своих рассуждениях; б) определить значения выделенных нами слов в толковых словарях русского языка и в логическом словаре; в) показать особенности употребления слов в обыденной речи и в специальных текстах.

Из описанных в лингвистике отношений назовем синонимию — совпадение значений; омонимию — одинаковое звучание слов, имеющих разные значения; антонимию — противоположные значения слов; полисемию, или многозначность, — наличие нескольких значений у одного слова.

Обратимся к толковым словарям. У А. П. Евгеньевой отглагольное существительное *основание* описывается как многозначное: у него выделены семь значений, два из которых — математическое и химическое — специальные. Прямое значение слова — фундамент, основа, над чем что-то возвышается или построено. Переносное значение описывает не физическую основу, а источник, базу, или же некий свод идей и принципов, на котором строится классификация, доктрина, теория, рассуждение. Итак, *основание*: «2. *перен.* То главное, на чем зиждется, строится что-л. <...> 3. То, что составляет ядро чего-л., является исходным материалом для образования, создания чего-л., основа»⁶.

Сходным образом построено объяснение в Большом толковом словаре. *Основание*: «3. То, на чем строится, зиждется, создается что-л.; источник; основа (2 зн.). *Основание какой-л. классификации*.... Право на что-л., на осуществление

⁶ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой : в 4 т. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985—1988. Т. 2. С. 650.

чего-л. *Действовать на основании закона...* 5. Причина, повод, которые объясняют, оправдывают, делают понятным что-л.»⁷.

Нас интересует функционирование слова *основание* в научном тексте, прежде всего, в переносном значении, поэтому мы обратились к одному из наиболее авторитетных источников в данной области — Логическому словарю-справочнику известного отечественного ученого (философа, специалиста в области логики) Н. И. Кондакова. *Основание* — «часть условного суждения, в которой отображается условие, от которого зависит истинность следствия. Из истинности основания логически вытекает истинность следствия... Ложность же основания не обуславливает ложности следствия... В обыденной речи под основанием понимают исходное условие, предпосылку существования некоторого явления или системы явлений»⁸. Итак, Кондаков выделяет важное для объяснения семантики слова положение: понятие *основание* включено в причинно-следственную цепочку.

Для описания употребления слова мы проанализировали данные Национального корпуса русского языка — электронного ресурса, в котором собран материал, показывающий, как слово или конструкция функционирует в речи⁹.

Посмотрим, какие зависимые слова присоединяет существительное *основание* и в состав каких конструкций входит данное слово. Употребление его таково: основание теории, основание отказа; правовые основания свободы совести; основание к рассмотрению дел; основание для нужного диагноза, основание для признания, на основании полномочий, на основании членства, на основании исследования параметров; на основании статьи 22 Федерального закона № 164-ФЗ; на основании исследования, на общих основаниях, на основании этой информации; без оснований считают; есть основания предполагать, основания полагать, основания говорить; это дало основание утверждать¹⁰.

Интересующее нас существительное и производящий глагол встречаются и в правовых документах. В Законе о ГСЭД слово *основание* встречается 18 раз в полном соответствии с законами русского языка, например: «основаниями производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении являются определение суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя» (ст. 19 Закона о ГСЭД).

Существительное *основание* употребляется с зависимым существительным в родительном падеже, в словосочетании с предлогом *для* и с зависимым существительным в родительном падеже; с зависимым инфинитивом в бытийных конструкциях со словами *есть*, *нет*. Семантика данного слова в перечисленных конструкциях — опора. Построение рассуждения можно уподобить возведению дома на фундаменте, который и называет слово *основание*. Поэтому в качестве основания, или фундамента, выступают методы, важнейшие научные положения и принципы, а в юридической науке также законодательные документы.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2002. С. 731.

⁸ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Книга по требованию, 2012. С. 414.

⁹ URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁰ URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

Теперь рассмотрим существительное *цель*. Данное слово также является многозначным. Во втором значении это слово связано с замыслом и с результатом, которого хотят достичь или который хотят получить. Словари единодушны в объяснении значения. *Цель*: «2. То, к чему стремятся, чего хотят достичь. *Добиться цели...* || Заранее намеченное задание, замысел... 3. То, к чему стремятся, чего хотят достичь; главная задача, основной замысел. *Добиться своей цели...* 4. Намерение, желание... С целью чего. в зн. предлога (с инф.). *Для чего-л.*»¹¹.

Н. И. Кондаков прямо связывает значение слова *цель* с результатом, вводя данную единицу в толкование. *Цель* — «то, что представляется в сознании и ожидается в результате определенным образом направленных действий»¹².

Национальный корпус показывает, что существительное *цель* в предложном падеже множественного числа с предлогом *в* требует зависимого слова в родительном падеже *в целях чего?* Кроме того, оно встречается в конструкции в винительном падеже и является дополнением при глаголе *ставить*, глагол *достигать* требует родительного падежа зависимого слова, с глаголом *стремиться* слово *цель* употребляется в дательном падеже с предлогом *к*. В предложении существительное *цель* является именным сказуемым.

«Целью нашего исследования явилось изучение особенностей развития мыслительной деятельности...»¹³.

«Цель настоящей статьи — показать, что существует способ сокращения времени обработки запросов к БД»¹⁴.

В нормативных правовых актах интересующее нас существительное употребляется в конструкции *в целях чего?, для целей чего?* Когда законодатель предлагает формулировку «комиссия экспертов согласует цели, последовательность и объем предстоящих исследований...» (ст. 21 Закона о ГСЭД), имеется в виду результат, который планируют получить специалисты. Соотнося слова *основание* и *цель* друг с другом, получаем такое отношение: основание — это база, основание, на которые опирается рассуждение или исследование, а цель — образ результата, который хотят получить в конце исследования, или, прибегая к метафоре, — фундамент и образ дома, который будет на нем возведен.

Обращение к двум электронным словарям синонимов показывает, что для слова *основание* синонимами будут *основа, базис, база, причина, фундамент, принцип, первооснова, первоэлемент*; синонимы слова *цель* — *задача, намерение, замысел*¹⁵. У слова *основание* среди синонимов существительное *цель* не упоминается, и у слова *цель* синонима *основание* также нет.

¹¹ Большой толковый словарь русского языка... С. 1460.

¹² Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 662.

¹³ Захирина Л. А., Бережная Н. Ф. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС // Вопросы психологии. 2004. URL: <https://ruscorp.org> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁴ Барский А. Б. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // Информационные технологии. 2004. URL: <https://ruscorp.org> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁵ URL: <https://text.ru/synonym/> (дата обращения: 18.11.2020); URL: <https://synonymonline.ru> (дата обращения: 18.11.2020).

Природа языка такова, что синонимы нельзя назначить произвольно по желанию того или иного носителя языка. Слова *основание* и *цель* объединяет их многозначность, но ни в каких своих значениях они не являются синонимами и не могут безболезненно для смысла высказывания быть взаимозаменяемыми.

Значения слов *правдивость* и *достоверность* описывают соответствие/несоответствие действительности — правде, истине. У Н. И. Кондакова *истина* — «отражение в создании человека предметов, явлений и закономерностей объективной действительности такими, каким они существуют вне и независимо от познающего субъекта; соответствие содержания мыслей (суждений и понятий) объекту, проверяемое общественной практикой»¹⁶. В обыденном языке слова *ложь* и *истина* являются антонимами.

Неправда и *ложь* определяются словарями как несоответствие действительности и обман. Отношение семантики слов *правда* и *истина* сложнее, поскольку словари определяют значение слова *правда* с помощью слова *истина*. Однако именно последняя единица занимает иерархически более высокое положение по сравнению со словом *правда* — высказывание, называемое *истиной*, претендует на объективность. Кроме того, слово *истина*, в отличие от слова *правда*, обозначает философскую категорию. Электронный словарь синонимов определяет существительные *правда* и *истина* как синонимы¹⁷.

Обращаясь к прилагательным *правдивый* и *достоверный*, получаем такую картину. Слово *правдивый* многозначно, а *достоверный* имеет только одно значение. *Правдивый*: «1. Стремящийся к правде, говорящий правду (о человеке); свойственный такому человеку. || Выражающий склонность к правде. || Реалистически выражающий жизненные явления в произведениях творчества. 2. Содержащий в себе правду, основанный на правде»¹⁸. *Достоверный*: «Соответствующий действительности, точный, подлинный»¹⁹.

Прилагательные *правдивый* и *достоверный* близки по значениям, но электронный словарь их не считает синонимами²⁰.

Для прилагательного *достоверный* синонимы — *подлинный*, *надежный*, *истинный*, *прочный*, *точный*, *авторитетный*, *проверенный*, *верный*, *заслуживающий доверия*, *реальный*, *действительный*, *доподлинный*. Для *правдивый* — *честный*, *прямой*, *искренний*, *чистый*, *реалистичный*, *откровенный*, *соответствующий действительности*²¹.

Исходя из данных словаря синонимов, можно сделать вывод о том, что слова *правдивый* и *достоверный* не могут быть взаимозаменяемыми в одних и тех же контекстах. Поскольку понятия *ложь* и *достоверность* связаны с логикой, мы вновь обратились к Логическому словарю-справочнику Н. И. Кондакова. *Ложь* — «неправда, искажение действительного состояния дел, имеющее целью ввести кого-либо в обман. <...> Источником лжи может быть логически неправильное

¹⁶ Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 218.

¹⁷ URL: <https://text.ru/synonym/> (дата обращения: 18.11.2020).

¹⁸ Большой толковый словарь русского языка... С. 952.

¹⁹ Большой толковый словарь русского языка... С. 279.

²⁰ Большой толковый словарь русского языка... С. 279.

²¹ Большой толковый словарь русского языка... С. 279.

мышление. <...> Ложью может быть как измышление о том, чего не было, так и сознательное сокрытие того, что было»²². В двузначной логике *ложность* — антоним истинности. В трехзначной логике термин *ложно* оказался двусмысленным: «Признание ложности означает отрицание истинности, но признание неистинности не означает утверждение ложности, так как неистинность высказывания еще не говорит о ложности его, ибо высказывание может быть неопределенным, а не обязательно ложным. <...> Если высказывание ложно, то оно неистинно; но если высказывание неистинно, из этого не следует, что оно ложно: оно может быть непроверяемо неопределенно и т.п.»²³.

Как видим, в логике отношения истинности и ложности сложнее, чем в обыденном сознании, отраженном в языке. В логике выделяется промежуточная область между истинностью и ложностью: это область возможного и недоказанного, т.е. неистинное суждение не рассматривается автоматически в качестве ложного.

Что касается достоверности, то в словарь Н. И. Кондакова включено словосочетание *достоверное суждение* — «суждение, в котором высказывается твердо установленное знание о чем-либо»²⁴. И в этом случае литературный и специальный языки трактуют значение слова одинаково.

Прилагательные *правдивый* и *достоверный* отличаются в семантике и в употреблении. Семантическое различие заключается в том, что прилагательное *достоверный* включает в себя такой компонент значения, как доказанность, точность, подтвержденность. Различие в употреблении заключается в другом: прилагательное *правдивый* может относиться и к человеку, и к содержанию высказывания, текста, картины, фильма. *Достоверный* преимущественно относится к содержанию высказывания в широком смысле слова. Национальный корпус русского языка показывает, что прилагательное *достоверный* чаще всего сочетается со словами, называющими источник информации. Достоверными могут быть *хроники, идентификация, факты, данные, сведения, диагностика, моделирование, знания, свидетельство, информация, отчетность, исчисления налога, результат, оценка, известие, источник, слухи*.

Семантические отношения прилагательных таковы, что если высказывание правдиво, то оно не обязательно достоверно, но достоверное высказывание правдиво всегда.

Подведем итоги. Метаязык уголовного судопроизводства — это прежде всего система понятий, отраженных в словах, наделенных значениями, которые нельзя менять произвольно. Рассмотренные нами слова *основание, цель, правдивость, достоверность, истина, ложь* не являются терминами, а составляют логико-вербальный каркас рассуждения в рамках научного исследования и обозначают, соответственно, фундамент, образ результата, доказанное соответствие высказывания внеязыковой действительности. Сопоставление толкований в словарях литературного языка, анализ употребления и учет дефиниций в специальном логическом словаре позволяют избежать «непрозрачного» употребления слова и «юридических химер», затрудняющих понимание специального юридического текста.

²² Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 321—322.

²³ Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 321—322.

²⁴ Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 164.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гуляихин В. Н.* К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // Юридические исследования. — 2012. — № 1. — С. 92—106.
2. *Ивин А. А.* Современная философия науки. — М. : Высшая школа, 2005. — 592 с.
3. *Комиссарова Я. В.* К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 135—142.
4. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. — М. : Книга по требованию, 2012. — 721 с.
5. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки : доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса ; сост. общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Поруса. — М. : Акад. проект, 2008. — 475 с.
6. *Поппер К.* Логика и рост научного знания : избранные работы / пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. — М. : Прогресс, 1983. — 605 с.
7. *Фейерабенд П.* Против метода : очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М. : АСТ ; Хранитель, 2007.
8. *Хохлов Е. Б.* Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. — 2004. — № 1 (252). — С. 4—14.

Трибуна молодого ученого

УПРАВЛЕНИЕ, ГРАНИЦЫ И ЮРИСДИКЦИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В КОНТЕКСТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу технических особенностей функционирования сети Интернет, порождающих правовые и криминалистические последствия при расследовании киберпреступлений. Децентрализованная природа Интернета и специфика управления им, обусловленные его технической архитектурой, приводят к сложностям при определении юрисдикций в ходе расследований киберпреступлений. В статье автор также исследует особенности преступлений, совершенных с помощью информационных технологий, осложняющие их расследование; современные представления о возможностях «проведения границ» в Сети, последствия таких мер в контексте криминалистических задач, а также способы определения юрисдикций при расследовании киберпреступлений.

Кроме того, рассматриваются система управления в Интернете, организации, осуществляющие его, их иерархия и подотчетность. Исследованы технический механизм функционирования Сети, факторы, угрожающие такому функционированию. По итогам исследования предлагаются методы повышения эффективности международного сотрудничества в сфере расследования компьютерных преступлений, решения вопросов юрисдикции. Отмечается необходимость повышения информационной и технологической осведомленности на всех уровнях, а также межведомственного сотрудничества.

Ключевые слова: киберпреступления, компьютерные преступления, преступления в сфере информационных технологий, информационные технологии, локализация данных, юрисдикция, границы, международное сотрудничество.

**Дарья Владимировна
ЗАВЬЯЛОВА,**

аспирант кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
dariazav@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.155-161

D. V. ZAVIALOVA,

postgraduate student of the Criminalistics Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
dariazav@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

**INTERNET GOVERNANCE, BORDERS AND JURISDICTION
IN THE CONTEXT OF CRIME INVESTIGATION**

Abstract. The article focuses on the technical features of Internet operation, causing legal and forensic consequences when investigating cybercrimes. Decentralized nature and the specificity of Internet governance resulting from its technical architecture lead to difficulties in identifying the jurisdiction during

© Д. В. Завьялова, 2021

cybercrime investigations. In the article, the author also analyses IT crimes' particular features, which make them difficult to investigate, as well as some contemporary ideas on the possibility of delineating borders on the Net, the consequences of such measures, and the ways to identify jurisdiction when looking into cybercrimes. Apart from that, the article examines the Internet governance system, managing organizations as well as their hierarchy, and accountability. The technical mechanism of Internet operation is analyzed. Some factors threatening the operation are reviewed. Following the research results, the author proposes some methods to enhance international cooperation regarding cybercrime investigations and resolving jurisdictional issues. The need to increase informational and technical knowledge at all levels and to support interdepartmental cooperation is noted.

Keywords: *cybercrime, computer crime, IT crime, IT, cyberattack, IT, data localization, jurisdiction, borders, international cooperation.*

В 1997 г. на конференции в Сан-Франциско генеральный директор Google Эрик Шмит сказал: «Интернет — это первая вещь, созданная человеком, которую оно само не может понять, величайший анархический эксперимент в истории»¹. Сегодня, спустя больше 20 лет, понимаем ли мы Интернет хоть немного лучше и по-прежнему ли он так анархичен?

С того момента, как Сеть стала представлять интерес для кого-то, кроме узкого круга профессионалов и любителей, обладавших специальными знаниями в области технологий, Интернет воспринимался как пространство свободной коммуникации. Однако появление персонального компьютера, применение его в бизнесе, выход на потребительский рынок стали прорывом не только в контексте новых, непревзойденных возможностей для работы, творчества, управления и прочих видов созидательной деятельности. Персональные компьютеры и их сети стали условиями зарождения киберпреступности. Это явление заставило государства задаться вопросами об управлении и контроле в Интернете, о возможности установления границ и определения юрисдикций, введения новых составов преступлений, разработки криминалистических методик их расследования.

По данным за 2018 г., стоимость ущерба от киберпреступлений в развитых странах выросла в среднем на 22,7 %². Число киберпреступлений в России, согласно данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, в 2019—2020 гг. также росло³.

Не будет преувеличением сказать, что пандемия COVID-19 стала тем импульсом, который запустил реализацию давно назревавших технологических и социальных изменений. Коронавирус показал, как быстро могут сложиться новые онлайн-подходы к деятельности, когда меняется социальный контекст и

¹ *Singer P. W., Friedman A. Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know. New York : Oxford University Press, 2014. P. 26.*

² *Broadhead S. The contemporary cybercrime ecosystem: A multi-disciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law & Security Abstract. 2018. Vol. 34. P. 1186.*

³ URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 22.07.2020).

разрушается привычная рутина⁴. Эта новая реальность проявляет себя на всех уровнях: от введения электронного документооборота (в области трудового права, гражданского оборота, налоговых отношений, следствия и судопроизводства⁵) до цифровизации системы госзакупок⁶.

Дистанционные форматы обучения и работы охватывают огромное количество людей, которые до этого момента избегали постоянного контакта с информационными технологиями, сводя такое взаимодействие к минимуму, воспринимая IT как развлечение или вспомогательный инструмент. Эти люди максимально уязвимы перед киберпреступностью, так как в большинстве своем они обладают низкой технической грамотностью, и их вынужденная вовлеченность в «сетевые» процессы и отношения ставит под удар в первую очередь их финансы и персональные данные.

Кроме того, уровень безопасности самих платформ и сетей может быть довольно низким, что также неизбежно привлекает киберпреступников.

Исходя из этого, можно предположить, что одним из последствий нового импульса для углубления и ускорения цифровизации станет рост компьютерной преступности.

Здесь важно отметить, что до сих пор отсутствует единое понятие этого явления, а как следствие — его однородная криминализация в мире. То, что в одном государстве является киберпреступлением, в другом таковым может не быть.

Это объясняется тем, что нормы уголовного права различных государств, в отличие, скажем, от норм гражданского права, традиционно носят более закрытый, внутренний характер. На протяжении большей части современной истории большинство деяний, подпадавших под регулирование нормами именно уголовного права, предполагали если не непосредственное взаимодействие жертвы и преступника, то как минимум тот факт, что они находятся на территории одного государства⁷. С наступлением эры информационного общества такое предположение больше нельзя назвать оправданным.

Часто Интернет воспринимается пользователями как некая хаотичная структура, не имеющая границ и не привязанная к физическим географическим точкам. Но это совсем не так.

Одна из ключевых характеристик Сети, на которой сделал акцент Эрик Шмит, это ее рукотворность. Система создана человеком и контролируется им. Несмотря на то, что Сеть глобальна, она не оторвана от концепции государственной принадлежности и не является в полной мере общим достоянием человечества, как мы привыкли о ней думать.

⁴ Ribaux O., Souvignet T. R. "Hello are you available?" Dealing with online frauds and the role of forensic science // Forensic Science International: Digital Investigation. 2020. Vol. 33. P. 1.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327513/ (дата обращения: 22.07.2020); URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355063/63125e835439d4ab1fa3e2dc27e7f4048813a02b/ (дата обращения: 22.07.2020).

⁶ URL: <https://rg.ru/2020/07/21/pandemiia-podstegnula-cifrovizaciiu-rossijskoj-sistemy-goszakupok.html> (дата обращения: 22.07.2020).

⁷ Balkin J. M. Cybercrime: Digital Cops in a Networked Environment. Information Society Project (Yale Law School). New York : NYU Press. 2007. P. 208.

Точно так же, как люди когда-то искусственно разделили поверхность Земли и провели государственные и национальные границы, возможно разделить и киберпространство⁸. Конечно, его «география» гораздо сложнее, так как это очень подвижная среда. Постоянно меняются и эволюционируют не только элементы системы, но и наши ожидания от нее.

Так, на ранних этапах Интернет воспринимался как технология, не связанная непосредственно с повседневной жизнью и решающая узкий круг задач. По мере развития Интернет интегрировался в самые разные сферы, его социальное и политическое значение постепенно росло. На данный момент сетевые технологии, IT являются неотъемлемой частью критической инфраструктуры. Они играют огромную роль в нормальном функционировании важнейших систем общества: финансовой, здравоохранения, энергоснабжения и др.

Вместе с ростом значимости росли и социальные ожидания от устойчивости и безопасности работы Интернета, требования к компаниям и лицам, обеспечивающим эту работу. На данный момент тот факт, что сетевые технологии являются частью критической инфраструктуры, а значит, могут выступать в том числе и политическим рычагом, а также стремительное развитие киберпреступности вызывают повышенный интерес к вопросам контроля в Интернете, инструментам установления его «границ» и определения юрисдикций.

Чтобы рассматривать вопросы юрисдикций и контроля, необходимо разъяснить механизм функционирования Сети.

При любом запросе в Сеть компьютер ищет путь к серверу с запрашиваемой информацией. Чтобы ее найти, он будет использовать IP-номер «пункта назначения». IP — это набор цифр (IPv4) или цифр и букв (IPv6), которые понятны компьютеру в двоичной системе, но неудобны для человека. Именно поэтому была создана система доменных имен (DNS — Domain Name System), которая «переводит» IP-адреса в удобные для человека имена в форме слов.

Архитектуру DNS можно представить в виде дерева. Основа этой системы — корневые домены. Над ними стоят домены верхнего уровня (это, например, кодовые домены стран, такие как .ru или .uk, а также домены типа .com, .net).

Домены верхнего уровня контролируются ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers). ICANN — частная некоммерческая организация, созданная в Калифорнии в 1998 г.⁹ И здесь складывается уникальная ситуация, потому что частная компания контролирует ресурс, обеспечивающий бесперебойное функционирование системы, которая является частью критической инфраструктуры всех развитых стран мира. В целом система управления Интернетом весьма нетривиальна: она не централизована и строится на широком участии частных заинтересованных лиц и компаний, международных организаций¹⁰.

Такое положение вещей при включении Интернета в критическую инфраструктуру устраивает государства все меньше. Предпринимаются попытки выстраивания централизованного контроля, о которых мы будем говорить ниже.

⁸ *Singer P. W., Friedman A.* Op. cit. P. 14.

⁹ *Žolnerčiková V.* ICANN: Transformation of Approach towards Internet Governance // Masaryk University Journal of Law and Technology. 2017. Vol. 11. P. 155—172.

¹⁰ *Dr. De Nardis L.* Five Destabilizing Trends in Internet Governance // A Journal of Law and Policy for the Information Society. 2015. Vol. 12. P. 113—114.

Каждый запрос разбирается на отдельные пакеты, в каждом из которых есть выходные данные. Каждый из пакетов по отдельности направляется компьютером в локальную сеть, из которой они также по отдельности будут направлены в большую сеть. Разные пакеты одного и того же запроса могут идти разными маршрутами.

Выбор маршрута отдельного пакета обеспечивается роутером, который принимает решение, куда направить пакет, как доставить его быстрее, опираясь на данные, которыми роутеры обмениваются между собой. Если один из них будет случайно или намерено введен в заблуждение, это может стать причиной серьезного сбоя в работе всей системы в целом. Как это, например, произошло в феврале 2008 г., когда правительство Пакистана сделало попытку заблокировать доступ к YouTube для своих граждан. С этой целью «Пакистан Телеком» неверно проинформировал компьютеры своих клиентов, представив путь к YouTube через свой сервер как наикратчайший.

Эта информация вышла за пределы локальной сети Пакистана и вскоре около 2/3 всех пользователей Интернета в мире были неверно направлены в «Пакистан Телеком» при попытке попасть на YouTube, что, конечно, обрушило сеть «Пакистан Телеком»¹¹. Последствия этого инцидента были ликвидированы довольно быстро, но эта ситуация показывает, во-первых, критичную взаимозависимость и связь элементов, на которых строится работа Сети, и, во-вторых, важность понимания того, как эта система функционирует при попытках контролировать потоки информации.

Помимо технических попыток контроля, сейчас предпринимаются и законодательные попытки установления «государственных границ» в Интернете. Одна из них — концепция локализации данных. Такие модели различной степени закрытости выстраиваются по всему миру: в России¹², Китае, США, странах Евросоюза¹³.

Вопрос, к каким последствиям технически, экономически и политически может привести такая модель «национальных интернетов», требует самостоятельного исследования. Что касается криминалистических последствий, то уже сейчас можно сделать вывод: представление о том, что локализация данных помогает защитить информацию, создать более безопасное пространство для нее, не совсем верно:

- 1) локализованные сервера не дают возможности распределять данные по разным серверам в разных точках мира. Такое аккумулирование потенциально уязвимой информации (конфиденциальных данных) в одном месте представляет собой идеальную мишень для злоумышленников;
- 2) отсутствие полноценной конкуренции среди провайдеров может привести к снижению уровня безопасности их инфраструктуры;
- 3) скопление большого количества важных данных на серверах одних и тех же провайдеров статистически повышает шансы на успех атак, так как в системе защиты становится меньше элементов, она становится более однородной,

¹¹ *Singer P. W., Friedman A.* Op. cit. P. 21.

¹² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ *Taylor R. D.* "Data Localization": The internet in the balance // *Telecommunications Policy*. Elsevier. 2020. Vol. 44. Is. 8.

а значит, менее устойчивой — злоумышленникам нужно априори прилагать меньше усилий для достижения своих целей.

Здесь необходимо вернуться к вопросам определения юрисдикции в Сети при расследовании последствий таких атак.

Под «юрисдикцией» понимаются полномочия конкретного государственного органа или его должностного лица; юрисдикционная деятельность — определенные действия по реализации данных полномочий конкретным субъектом в процессе рассмотрения и разрешения юридических конфликтов¹⁴.

Полноценная реализация юрисдикции тем или иным государством включает в себя три аспекта:

- законодательную юрисдикцию, т.е. государство имеет законодательную власть над соответствующим деянием;
- судебную юрисдикцию, т.е. суды имеют право рассматривать данное дело;
- исполнительную юрисдикцию, т.е. государство обеспечивает соблюдение закона в данном деле¹⁵.

Как подчеркивают зарубежные коллеги, у нас нет законов, механизмов, которые созданы специально для того, чтобы защищать граждан одного государства от того, чтобы они не стали жертвами граждан другой страны¹⁶. Таким образом, ситуацию с регулированием процесса расследования киберперступлений и юрисдикционных вопросов, связанных с ним, можно охарактеризовать как нормативный вакуум.

При создании действующих механизмов борьбы с киберперступностью очень большую роль играет положение на международной арене, репутация акторов.

У каждого государства есть два основных инструмента для заявления и отстаивания своей позиции в киберпространстве — это жесткая и мягкая сила. Мягкая сила предполагает не прямое влияние¹⁷, позволяющее добиваться желаемого через добровольное участие, доверие, личную склонность, а не прямое принуждение, которое характерно для жесткой силы.

Так как ИТ и киберпространство очень нестабильны и подвижны, предсказывать их изменения и развитие, выносить долгосрочные директивные решения, характерные для жесткой силы, становится крайне сложно, хотя концепция локализации данных — это пример подхода именно с позиций жесткой силы, попытка формирования твердых границ и предписаний. Насколько эффективен такой подход, нам только предстоит оценить.

Однако нельзя полностью отказываться от идеи, что нормы, которые будут регулировать международные отношения по вопросам расследования киберпреступлений и юрисдикции, будут вытекать из двух вещей — сложившейся или складывающейся практики и гибких, открытых соглашений между государствами,

¹⁴ Подробно см.: Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н. А. Голованова , А. А. Гравина , О. А. Зайцев [и др.]. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Контракт, 2019.

¹⁵ *Clough J.* Principles of Cybercrime. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2010. P. 404—405.

¹⁶ *Balkin J. M.* Cybercrime: Digital Cops in a Networked Environment. Information Society Project (Yale Law School). New York : NYU Press. 2007. P. 209—210.

¹⁷ *Ghappour A.* Searching Places Unknown : Law Enforcement Jurisdiction on the Dark Web // Stanford Law Abstract. April 2017. Vol. 69. P. 1112.

ведомствами, международными организациями и частным сектором, в основе которых будут лежать в первую очередь авторитет, экспертный уровень и доверие.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, в контексте борьбы с киберпреступностью и разрешения вопросов юрисдикции как на местах, так и на международном уровне необходимо осуществлять развитие по следующим направлениям:

- 1) дополнительной подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих расследование киберпреступлений, на местах;
- 2) разработки научной и практической базы судебной компьютерно-технической экспертизы;
- 3) международной коммуникации и обмена в рамках обучения кадров и разработок практических методик проведения трансграничных следственных действий в ходе расследования киберпреступлений;
- 4) максимальной доступности информации об информационных технологиях и обучения работе с ними.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Першин А. Н., Сидорова К. С.* Криминалистические основы установления пользователя информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 82—94.
2. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев [и др.]. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Контракт, 2019. — 212 с.
3. *Balkin J. M.* Cybercrime: Digital Cops in a Networked Environment. Information Society Project (Yale Law School). — New York : NYU Press, 2007. — 268 p.
4. *Broadhead S.* The contemporary cybercrime ecosystem: A multi-disciplinary overview of the state of affairs and developments // Computer Law & Security Abstract. — 2018. — Vol. 34. — P. 1180—1196.
5. *Clough J.* Principles of Cybercrime. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2010. — 449 p.
6. *Dr. De Nardis L.* Five Destabilizing Trends in Internet Governance // A Journal of Law and Policy for the Information Society. — 2015. — Vol. 12. — P. 113—133.
7. *Ghappour A.* Searching Places Unknown: Law Enforcement Jurisdiction on the Dark Web // Stanford Law Abstract. — April 2017. — Vol. 69. — P. 1075—1136.
8. *Ribaux O., Souvignet T. R.* “Hello are you available?” Dealing with online frauds and the role of forensic science // Forensic Science International: Digital Investigation. — 2020. — Vol. 33. — P. 1—11.
9. *Singer P. W., Friedman A.* Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know. — New York : Oxford University Press, 2014. — 312 p.
10. *Taylor R. D.* “Data Localization”: The internet in the balance // Telecommunications Policy. — Elsevier, 2020. — Vol. 44. Is. 8. — P. 1—15.
11. *Žolnerčiková V.* ICANN: Transformation of Approach towards Internet Governance // Masaryk University Journal of Law and Technology. — 2017. — Vol. 11. — P. 155—172.

**Полина Андреевна
КУЛАКОВА,**

сотрудник Управления
делами

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

polina.kulakova.98@mail.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Цель исследования — определение особенностей зарубежного опыта защиты репродуктивных прав человека от преступлений. В статье анализируется законодательство, регулирующее репродуктивные права человека, приводятся различные точки зрения ученых относительно искусственной репродукции человека. Научная новизна работы заключается в разработке различных механизмов защиты правового положения как суррогатных матерей, так и генетических родителей, что способствует сокращению преступлений. В результате определены модели восприятия рассматриваемого явления как в странах Европы, так и в азиатском регионе. Предлагаются различные способы минимизации правовых коллизий.

Кроме того, учитывая подобного рода реалии, мы выявили дифференциальные подходы к вопросу юридической ответственности за злоупотребления в сфере искусственной репродукции человека в европейских и азиатских странах. А также обозначили специфические особенности работы российских клиник как агентов медико-генетических консультаций с иностранными гражданами (в частности, из Нидерландов, Таиланда, отдельных штатов США).

Ключевые слова: репродуктивные права, репродуктивное здоровье, вспомогательные репродуктивные технологии, механизмы защиты, реляционный процесс, суррогатное материнство, медико-генетические агенты, преступления.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.162-169

P. A. KULAKOVA,

case management officer

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

polina.kulakova.98@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

FOREIGN EXPERIENCE IN PROTECTING HUMAN REPRODUCTIVE RIGHTS FROM CRIME

Abstract. The purpose of the research is to determine the features of foreign experience in protecting reproductive human rights from crimes. The article analyzes the legislation regulating human reproductive rights, provides various points of view of scientists regarding artificial human reproduction. The scientific novelty of the work consists in the development of various

mechanisms to protect the legal status of both surrogate mothers and genetic parents, which helps to reduce crime. As a result, the models of perception of the phenomenon in question are defined, both in Europe and in the Asian region. Various ways to minimize legal conflicts are suggested. In addition, taking into account this kind of reality, we have identified differential approaches to the issue of legal liability for abuse in the field of artificial reproduction to people in the countries of the European and Asian continents. They also identified specific features of the work of Russian clinics as agents of medical and genetic consultations with foreign citizens (In particular, the Netherlands, Thailand, and some USA States).

Keywords: *reproductive rights, reproductive health, assisted reproductive technologies, protection mechanisms, relational process, surrogacy, medical and genetic agents, crimes.*

Проблемы воспроизводства населения, связанные с репродуктивными функциями человека, являются значимыми для существования и развития любого государства. Не существует единого понимания репродуктивных прав человека, универсального порядка их охраны и регулирования в разных странах мира, несмотря на то, что они являются предметом обсуждения на различных международных конференциях и форумах. О репродуктивных правах говорилось на международных конференциях по народонаселению и развитию в Тегеране (1968), Бухаресте (1974), Мехико (1985), Каире (1995).

Реализация репродуктивных прав человека связана с его действиями в рамках его репродуктивного поведения, в том числе и нацеленными на предотвращение зачатия (контрацептивное поведение) и нежелательного рождения (абортное поведение), а также выбора способа «безопасного» материнства.

Анализ законодательства разных стран, различных точек зрения ученых относительно понимания репродуктивных прав человека приводит к выводу, что все сводится к перечислению отдельных прав: родители обладают неотъемлемым правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения, вправе воспользоваться экстракорпоральным оплодотворением, обратиться за помощью к суррогатной матери и т.д.

В России понятие репродуктивных прав человека не закреплено ни в одном законодательном акте. В 2014 г. в Санкт-Петербурге был принят на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «Модельный закон об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан»¹. Основываясь на его нормах, мы можем определить репродуктивные права граждан как возможность делать осознанный репродуктивный выбор относительно рождения или отказа от рождения детей, в том числе принятия решения относительно способа зачатия и рождения детей, путем проведения медико-генетических консультаций, а также использования инструментов вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ).

¹ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=35319&req=dос#06041775635083872> (дата обращения: 30.07.2020).

Относительно права воспользоваться возможностями ВРТ, в частности помощью суррогатной матери, существуют разные позиции как за рубежом, так и в нашей стране.

Сторонники данной вспомогательной репродуктивной технологии подчеркивают, что ее использование укрепляет семью, позволяет узнать радость материнства и отцовства тем людям, которые этого лишены по объективным причинам. Здоровье граждан оставляет желать лучшего². Как следствие, люди вынуждены обращаться к услугам суррогатных матерей. Использование ВРТ в целом благотворно сказывается на демографической ситуации в стране³.

Среди противников суррогатного материнства в России — некоторые депутаты Государственной Думы, религиозные деятели, консервативно настроенные представители общественности, которые полагают, что суррогатное материнство превращает детей в подобие живого товара, создает условия, когда богатые люди могут нанимать женщин для вынашивания своих потомков. Они утверждают, что материнство становится, таким образом, хорошо оплачиваемой договорной работой, поэтому стремление к выгоде может возобладать над соображениями пользы для договаривающихся сторон.

В этой связи ученые и практики полагают, что из-за морально-этических проблем общие статистические данные о суррогатном материнстве скрываются, а о его распространенности можно судить только по косвенным неофициальным оценкам. Считается, что с помощью суррогатных матерей в мире родилось свыше 220 тыс. детей⁴.

Действительно, развитие биотехнологий не только расширяет возможности науки, но и требует осмысления и продуманного законодательного регулирования. Это касается и суррогатного материнства, за которым стоит целый комплекс трудно разрешаемых этико-правовых проблем. Необходимо предусмотреть механизмы защиты правового положения как суррогатных матерей, так и генетических родителей.

В этой ситуации важно обратить внимание на зарубежный опыт. Сегодня нет сомнений в необходимости его изучения, включая исследования в области защиты репродуктивных прав человека. Однако невозможно за короткий промежуток времени имплементировать все положительные аспекты зарубежного опыта в российскую действительность, например в сферу договорного суррогатного материнства. Для определения наиболее верной стратегии необходимо провести анализ правовых основ изучаемого явления, если можно так выразиться, «европейского» и «азиатского» подходов.

² URL: https://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/ (дата обращения: 30.07.2020).

³ Кулакова П. А. Законодательные особенности суррогатного материнства // Право в эпоху биотехнологий : сборник материалов студенческой конференции (Москва, 27 сентября 2018 г.) / колл. авт. ; отв. ред. Ю. Н. Кашеварова, С. Б. Бальхаева, Ф. В. Цомартова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. С. 139—143.

⁴ Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография. М. : Проспект, 2017. С. 110.

Так, в странах Юго-Восточной Азии суррогатное материнство долгое время было поставлено «на поток», когда женщина, вынашивающая ребенка, воспринимается, как объект, товар, а ее матка — как предмет, который можно сдать в аренду. (Собственно, об этом и говорят противники суррогатного материнства, упуская из виду некорректность в данном случае обобщающих суждений.) В погоне за прибылью клиники не обеспечивали нормальную санитарную обстановку, необходимую беременным женщинам, зачастую экономили на питании суррогатных матерей.

Отдельной проблемой стали случаи, когда суррогатным матерям приходится растить больных детей, от которых отказались биологические родители. Так, австралийская пара Дэвид и Венди Фаррелл (David Farrell и Wendy Farrell) наняла суррогатную мать из Таиланда, 21-летнюю Паттарамон Чанбуа (Pattaramon Chanbua), которая в декабре 2013 г. родила близнецов. У мальчика был выявлен синдром Дауна. Супруги забрали здоровую девочку домой, а больного малыша оставили в Таиланде. Люди во всем мире были тронуты историей тайской семьи, воспитывающей брошенного ребенка; пожертвования составили около 235 000 долларов⁵.

Через скандалов привела к тому, что в 2016 г. Индия и Таиланд приравняли коммерческое суррогатное материнство к преступным деяниям, запретив суррогатным детям покидать страну⁶.

Сегодня коммерческое суррогатное материнство разрешено далеко не везде — в списке стран, где оно разрешено, некоторые американские штаты, Грузия, Украина, Чехия и Россия. Ученые и практики всерьез обеспокоены ситуацией, складывающейся в нашей стране.

Так, в конце июня 2020 г. в Москве было возбуждено уголовное дело, в отношении учредителей компании, занимающейся «суррогатным бизнесом», так как их действия подпадают под ст. 127.1 УК РФ (Торговля людьми)⁷. По данным следствия, в 2020 г. в Москве в квартире жилого дома были найдены пятеро новорожденных младенцев, которые, предположительно, были рождены россиянами для граждан Китая, но из-за пандемии COVID-19 биологические родители не смогли забрать детей.

Пандемия стала индикатором проблем, остававшихся ранее в тени. Все чаще иностранцы пользуются услугами российских суррогатных матерей. Вместе с тем если при процедуре усыновления при принятии решения об усыновлении учитываются нормы права той страны, откуда приезжают усыновители, то при использовании услуг суррогатной матери такого нет.

На наш взгляд, необходимо при обращении иностранцев в российские клиники за предоставлением услуг, связанных с ВРТ, учитывать особенности законодательства стран, из которых приехали генетические родители. Сегодня клиники не интересуются — разрешено или нет суррогатное материнство в той стране, откуда приехали генетические родители, существуют ли другие ограничения, насколько иностранцы осведомлены о наших законах.

⁵ URL: <https://www.bangkokpost.com/world/425302/gammy-dad-named-investigated> (дата обращения: 30.07.2020).

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674788> (дата обращения: 30.07.2020).

⁷ URL: <https://ria.ru/20200623/1573375445.html> (дата обращения: 30.07.2020).

Медики не задумываются о том, чем рискуют. Например, Басманный районный суд г. Москвы отправил под арест эмбриолога Т. Ашиткова, репродуктолога Ю. Иванову и еще двух акушеров-гинекологов, когда на этапе предварительного следствия выяснилось, что медицинские работники занимались деятельностью, подпадающей сразу под несколько составов преступлений, предусмотренных УК РФ⁸. Они продавали детей, выношенных суррогатными матерями, за границу, в том числе в однополые семьи.

Полагаем необходимым вменить в обязанность медицинским работникам, агентам генетических консультаций ознакомление с особенностями зарубежного законодательства в сфере ВРТ в целях предотвращения правовых коллизий. Отметим, что регистрацию браков между россиянами и иностранцами в г. Москве осуществляют только три отделения органов записи актов гражданского состояния, работники которых владеют сведениями о правовом регулировании государственной регистрации браков между иностранными гражданами и гражданами РФ. Считаем целесообразным распространить действие имеющихся механизмов взаимодействия с иностранными контрагентами на сферу отношений договорного суррогатного материнства.

Подобного рода реалии вызвали разные подходы к вопросу о юридической ответственности за злоупотребления в сфере искусственной репродукции человека, предлагаются различные способы снижения криминализации сферы использования ВРТ⁹. Так, в некоторых странах эта процедура носит исключительно безвозмездный характер (например, в Великобритании).

На уменьшение риска коммерциализации суррогатного материнства направлено и то, что в качестве заменяющих матерей выступают родственники бесплодной пары, которые с большей вероятностью будут относиться к ребенку с любовью. Например, в Австралии в 1994 г. был снят ряд ограничений с использования суррогатного материнства, что позволило сестрам и кузинам генетических родителей стать заменяющими матерями. В штате Северная Каролина (США) сестра женщины, которая сама не в состоянии была выносить ребенка, была оплодотворена спермой ее мужа и в мае 1994 г. родила ребенка. Прежде чем принять такое решение, супруги шесть лет лечились от бесплодия. Первый же случай вынашивания ребенка матерью вместо бесплодной дочери был зарегистрирован в ЮАР в 1987 г.¹⁰ В то же время в исламских странах, как правило, такой метод рождения ребенка запрещен.

До того, как в Индии было принято решение о запрете суррогатного материнства, Индийский совет по медицинским исследованиям акцентировал внимание сторон на том, что суррогатная мать генетически не связана с ребенком. Юристы и психологи должны были ей объяснить, что она не будет иметь никаких законных

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4417238> (дата обращения: 30.07.2020).

⁹ Кручинина Н. В. Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // Право и современные технологии в медицине : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 324.

¹⁰ Юридические и практические аспекты суррогатного материнства // Юридический мир. 2004. № 8—9. С. 3.

прав на ребенка¹¹. Суррогатная мать не должна была иметь биологической связи с ребенком. Предписывалось в качестве законной матери в рамках соглашения о суррогатном материнстве признавать исключительно предполагаемую (генетическую) мать. В действовавшем на тот момент законодательстве указывалось, что предполагаемые родители будут законными родителями со всем объемом прав, родительской ответственности и т.д., а суррогатная мать не должна упоминаться в свидетельстве о рождении в качестве законной матери ребенка, выдаваемом биологическим родителям. Предусматривалось, что суррогатная мать должна в письменной форме отказаться от всех родительских прав на ребенка¹². Во многих странах и сегодня суррогатная мать не имеет права оставлять себе ребенка.

Полагаем, что по примеру других государств в России также надо законодательно закрепить «право на ребенка» за генетическими родителями. В 2011 г. судом рассматривался спор по иску супругов Ч. к суррогатной матери Р. и ее бывшему супругу об установлении факта происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, аннулировании записи акта о рождении ребенка с требованием не чинить препятствий в регистрации истцов в качестве родителей ребенка. В удовлетворении указанных требований было отказано на том основании, что суррогатная мать не давала согласия на запись истцов — генетических родителей в книге записей рождений в качестве родителей рожденного ею ребенка¹³.

Если предлагаемые нами довольно жесткие меры принять в настоящее время невозможно, компромиссным вариантом решения проблемы могло бы стать увеличение срока принятия решений суррогатной матерью относительно передачи ребенка генетическим родителям. Например, в законодательстве отдельных штатов США определен «период ожидания» — срок, в течение которого суррогатная мать должна принять решение оставить ребенка себе или передать генетическим родителям (например, в штате Вирджиния этот срок составляет 25 дней)¹⁴.

Анализ правоприменительной практики, а также результатов научных исследований, связанных с суррогатным материнством, позволяет сделать вывод, что там, где нет четкого правового регулирования, есть возможность возникновения злоупотреблений и правонарушений. Поэтому процесс совершенствования законодательства в области применения биотехнологий для рождения детей должен продолжаться.

Специалисты в области разных отраслей знаний неоднократно писали о несовершенстве правового регулирования суррогатного материнства¹⁵. Учеными

¹¹ Berend Z. Surrogate losses: understandings of pregnancy loss and assisted reproduction among surrogate mothers // *Med Anthropol Q.* 2010 ; 24(2):240—62. DOI: 10.1111/j.1548-1387.2010.01099.x.

¹² URL: <https://www.samawomenshealth.org/research/inter-and-intra-south-dialogues-capacity-building-and-advocacy-assisted-reproductive/> (дата обращения: 19.06.2020).

¹³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (дата обращения: 23.07.2020).

¹⁴ Правовые проблемы суррогатного материнства // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2012. № 2. С. 200.

¹⁵ См., например: Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы : монография. М. : Контракт, 2012 ; Чернышева Ю. А. Суррогатное материнство в РФ: уго-

был выявлен ряд проблем, связанных с суррогатным материнством, а именно: в ситуации, если суррогатная мать является незамужней женщиной и при этом решает оставить себе ребенка, вправе ли она взыскать алименты с генетического отца ребенка? Возможно ли заключение брака между суррогатной матерью и выношенным ею ребенком? Существуют и другие проблемы.

Как представляется, коммерческое суррогатное материнство — это реляционный социально-этический процесс. Субъекты правоотношений в сфере суррогатного материнства должны занимать взаимно ответственные позиции по соблюдению обязательств по договору. Это единственный способ, с помощью которого можно обеспечить защиту интересов всех участников ситуации использования ВРТ, а также справиться с эмоциональными переживаниями на всех этапах (зачатия, вынашивания, родов и последующей передачи ребенка).

Здесь на первый план выходит такое моральное обязательство, как достижение взаимопонимания между сторонами. Понимание всех аспектов ситуации не может быть односторонним, оно должно быть взаимным. Это вопрос биоэтики. Крайне важно, чтобы все действия сторон были предприняты после тщательного взвешивания последствий медицинского вмешательства. Рекомендации биоэтики должны активно использоваться на всех этапах развития рассматриваемых правоотношений.

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что к основным этическим и правовым противоречиям в сфере репродуктивных прав человека можно отнести следующие: тайна суррогатного материнства, противоречие, связанное с притязанием суррогатной матери на ребенка, возмездность помощи суррогатной матери.

В разных странах по-разному решаются эти вопросы. Так, в Великобритании, хотя суррогатное материнство закреплено на законодательном уровне, не существует обязательного договора для сторон. Предполагаемые родители не могут ничего сделать до рождения ребенка, чтобы обезопасить свое положение, даже если ребенок генетически связан с ними.

Полагаем, что законодателю при рассмотрении в Государственной Думе законопроекта о суррогатном материнстве стоит шире использовать зарубежный опыт по защите репродуктивных прав человека, чтобы в общественном сознании не складывалась исключительно негативная модель восприятия рассматриваемого явления. Рост числа противников ВРТ не должен лишить граждан, осознанно желающих испытать радости отцовства и материнства и объективно не имеющих такой возможности по медицинским показаниям, иметь детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Азарова Е. Г.* Социальное обеспечение детей: теоретические подходы : монография. — М. : Контракт, 2012. — 256 с.
2. *Кручинина Н. В.* Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // Право и современные

ловно-правовое, криминологическое и социально-правовое исследование : монография. М. : Юрлитинформ, 2013.

- технологии в медицине : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. — М. : РГ-Пресс, 2019. — 323 с.
3. *Кручинина Н. В., Попов В. П.* Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 95—100.
  4. *Кулакова П. А.* Законодательные особенности суррогатного материнства // Право в эпоху биотехнологий : сборник материалов Студенческой конференции (Москва, 27 сентября 2018 г.) / колл. авт. ; отв. ред. Ю. Н. Кашеварова, С. Б. Бальхаева, Ф. В. Цомартова. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. — С. 139—143.
  5. *Романовский Г. Б.* Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография. — М. : Проспект, 2016. — 216 с.
  6. *Чернышева Ю. А.* Суррогатное материнство в РФ: уголовно-правовое, криминологическое и социально-правовое исследование : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 200 с.

**Ксения Александровна
МИРА,**

соискатель кафедры
криминалистики
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
mira.ksenia@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИМУЩЕСТВО В ВИДЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЪЕКТА, ИМЕЮЩЕГО ДЕНЕЖНЫЙ ЭКВИВАЛЕНТ, КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена вопросу отнесения к предмету хищения чужого имущества, совершаемого с использованием информационных технологий, информационного объекта, имеющего денежный эквивалент, которым могут являться электронные платежные средства, криптовалюта, бонусы на счетах карт, бездокументарные ценные бумаги и другие объекты. В ходе исследования проанализированы судебная практика по уголовным делам о хищениях электронных платежных средств, данные статистики совершения преступлений указанного вида, нормативные правовые акты и научные источники. Особое внимание уделено исследованию хищений бонусов, характеристике данного предмета и существующим схемам совершения преступлений данного вида. По результатам исследования сформулировано определение и дана характеристика информационных объектов, имеющих денежный эквивалент, в частности электронных платежных средств и бонусов, а также предлагается научное и законодательное закрепление единой терминологии в целях упорядочивания практики расследования хищений чужого имущества, в частности хищений чужого имущества, совершаемых с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, киберпреступность, хищение чужого имущества, предмет хищения, компьютерная информация, информационный объект, электронный документ, электронные платежные средства, криптовалюта, бонусы.

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.170-176

K. A. MIRA,

Applicant for the Department of Criminalistics
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

mira.ksenia@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

PROPERTY IN THE FORM OF AN INFORMATION OBJECT HAVING MONETARY EQUIVALENT, AS AN OBJECT OF THEFT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY

Abstract. The article is devoted to the problem of recognizing an information object that has a monetary equivalent in the form of electronic means of payment, cryptocurrency, bonuses on card accounts, uncertified shares and other securities as the subject of theft of other people's property, committed

using information technologies. In the course of the study, there was made an analysis of judicial practice in criminal cases of the theft of electronic means of payment, statistics on the commission of crimes of this type, regulatory legal acts and scientific sources. Particular attention is paid to the issue of the theft of bonuses, the characteristics of this subject of theft and the existing schemes for committing these crimes. Based on the results of the study, a definition was formulated and a characteristic was given to information objects that have a monetary equivalent, in particular, electronic means of payment and bonuses, scientific and legal consolidation of a unified terminology is proposed in order to streamline the practice of investigating theft of someone else's property, in particular, theft of someone else's property, committed using information technologies.

Keywords: *information technology, cybercrime, theft of another's property, the subject of theft, computer information, information object, electronic document, electronic means of payment, cryptocurrency, bonuses.*

В рамках юридической науки давно разработано понятие имущества, а также объекта и предмета хищения чужого имущества, тогда как в правоприменительной практике до сих пор возникают проблемы отнесения того или иного предмета или объекта к указанным понятиям. Это коснулось в том числе хищений криптовалют, электронных платежных средств и бонусов со счетов карт.

Так, в настоящее время предметом хищений чужого имущества, совершаемых с использованием информационных технологий, становится не только имущество в его традиционной форме, такое как денежные средства, но также и иные платежные средства и информационные объекты, имеющие денежный эквивалент.

К иным платежным средствам относятся, например, электронные платежные средства, являющиеся, в свою очередь, информационными объектами, расчеты которыми осуществляются посредством использования электронных средств платежа, и многочисленные криптовалюты, а также бездокументарные акции и иные цифровые ценные бумаги. Другую часть составляют информационные объекты, обратимые в денежные средства и представленные в виде различного рода бонусов и привилегий, накапливаемых на электронных счетах карт. При этом указанные объекты также могут выступать в качестве средств для оплаты товаров и услуг и имеют материальную ценность.

Эти информационные объекты, которые могут быть обращены в денежные средства, все чаще становятся предметом хищений и, поскольку данный предмет столь специфичен по сравнению с «традиционным» хищением чужого имущества, разработка его криминалистической характеристики в контексте механизма хищений чужого имущества, совершаемых с использованием информационных технологий, имеет значение для расследования указанной группы преступлений.

При этом следует учитывать, что использование электронных платежных средств или информационных объектов, обратимых в денежные средства, в свою очередь, может способствовать хищению имущества в его традиционной форме. Примером подобного хищения чужого имущества является растрата сотрудником топливной компании топлива с использованием топливной карты, на которую

начислялись бонусы для оплаты, путем безналичного расчета указанными бонусами в виде оплаты принадлежащего компании топлива¹.

Если в отношении имущества в его традиционной форме у исследователей в настоящее время не возникает вопросов, то по поводу отнесения к имуществу и платежным средствам различных электронных платежных средств и информационных объектов, определения понятия компьютерной информации до сих пор ведутся научные дискуссии. Так как большинство расчетов ведутся в безналичной форме, в данном контексте нас интересуют именно платежные средства и объекты, имеющие отношение к информации, называемой, согласно российскому законодательству, компьютерной, т.е. связанные со сферой информации и средствами ее обработки — информационными технологиями.

Круг данных объектов достаточно широк, и их число продолжает расти с развитием сферы информационных технологий и цифровой экономики. Данные объекты можно определить как информационные объекты, имеющие денежный эквивалент, которые, в свою очередь, являются сложно структурированными объектами, имеющими информационную природу и материальную ценность, и связаны с материальными носителями. Электронные платежные средства, таким образом, также являются информационными объектами, имеющими денежный эквивалент и обладающими признаками средства платежа, которое может быть включено в товарно-денежный оборот.

Вопрос об отнесении информационных объектов, имеющих денежный эквивалент, как сложноструктурированных объектов, состоящих из информации различных форм и видов, к предмету хищения, уходит своими корнями в источники различных отраслей права. В гражданском праве и законодательстве есть упоминание о денежных средствах, электронных денежных средствах и законном платежном средстве как объектах права. Следует учитывать, что понятие электронных денежных средств по своим признакам более напоминает электронные платежные средства как таковые, поскольку, как справедливо отмечает А. С. Рубцова, «электронные деньги являются денежной стоимостью»², нежели денежными средствами в их привычном понимании законного платежного средства.

В уголовном праве, криминологии и криминалистике разработано общее понятие объекта и предмета хищения чужого имущества: под объектом хищения, наряду с другими его определениями, понимаются «общественные отношения собственности по поводу имущества»³, тогда как предметом хищения может являться «предмет материального мира... обладающий определенной материальной ценностью»⁴. В исследованиях также отмечается, что признаками предмета

¹ Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербург от 07.06.2016 по уголовному делу № 1-160/2016 // Официальный сайт Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербург. URL: <http://psh.spb.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).

² Рубцова А. С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 173.

³ Филаненко А. Ю. Хищения чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 17.

⁴ Герасимова Е. В. Предмет хищения в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

хищения также обладают права, зафиксированные в ценных бумагах, и информация имущественного характера⁵.

Тем не менее множеству объектов, имеющих материальную ценность, не дано ни научного, ни правового определения. Так, до сих пор не решен статус криптовалюты, как и самих платежных средств. Однако хищения данных средств продолжают совершаться, и собственникам наносится материальный ущерб.

Тем не менее к информационным объектам и объектам в форме компьютерной информации в контексте хищений чужого имущества, совершаемых с использованием информационных технологий, можно отнести: электронные документы (например, электронное платежное поручение), электронные подписи, электронные платежные средства (криптовалюты и др.), бездокументарные ценные бумаги (например, цифровые акции) и информационные объекты, обратимые в денежные средства (например, различные бонусы и баллы на накопительных картах), следы в сфере компьютерной информации и иные информационные объекты.

Для определения понятия информационного объекта или объекта, имеющего информационную природу, имеет значение понятие информации, ее видов и форм, носителя информации, в частности документа, его видов и электронного носителя информации, а также цифровых следов.

Одним из близких по содержанию является понятие документированной информации, под которой в криминалистике понимаются «событийные сведения, размещенные в информационных системах при помощи знаков естественных и (или) искусственных языков, зафиксированные на каком-либо носителе (носителях) и представляющие собой управляемый материальный объект с характеристиками, позволяющими его идентифицировать и использовать при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений»⁶.

В вопросах детерминации компьютерной, цифровой информации ряд авторов придерживается данного В. Б. Веховым определения, согласно которому компьютерной информацией являются «сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий, либо переданные по каналам связи посредством электромагнитных сигналов⁷». Цифровым же следом является «информация, формирующаяся в процессе работы с вычислительной техникой»⁸.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что мы имеем дело с различными объектами информационной природы, представленными в виде совокупности

⁵ Шульга А. В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 25—27.

⁶ Першин А. Н. Документированная информация: криминалистические подходы к понятию и исследованию : монография. М. : Проспект, 2020. С. 42.

⁷ Электронные носители информации в криминалистике : монография / под ред. О. С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 32.

⁸ Россинская Е. Р. Проблемы исследования цифровых следов в судебной экспертизе // Цифровой след как объект судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции. М. : РФ-Пресс, 2020. С. 164.

информации, а также с различными средствами ее обработки, позволяющими не только хранить, но и использовать ее. Грань между самим информационным объектом и информацией является тонкой, поскольку между собой они практически неразделимы, и именно поэтому полагаем целесообразным рассматривать их в качестве объекта, имеющего сложную структуру.

Предпринятый автором анализ статистики и судебной практики позволяет заключить, что в настоящее время совершаются такие хищения информационных объектов, имеющих денежный эквивалент, как кража и мошенничество в отношении электронных платежных средств на расчетных счетах, электронных кошельках, аккаунтах, счетах карт; кража бонусов; мошенничество с использованием бездокументарных ценных бумаг, неправомерного использования электронной подписи и электронного платежного документа и др.⁹

Как уже было упомянуто, предмет хищения в виде информационного объекта значительно отличается от его традиционной формы. Так, например, в случае хищения электронных платежных средств посредством модификации компьютерной информации сотрудник одной банковской организации, используя свое служебное положение, обладая правом доступа и имея логин и пароль, вошел в систему банка и изменил информацию о своем расчетном счете, а именно увеличил значение доступного остатка на счете, в дальнейшем распорядившись данными средствами¹⁰. Однако те же действия невозможно осуществить в отношении денежных средств как традиционного предмета хищения чужого имущества.

Как было отмечено, примером информационного объекта, обратимого в денежные средства, и одновременно платежного средства также являются так называемые бонусы. В последнее время хищение бонусов с различных карт, как правило, с так называемых карт лояльности и скидочных карт, стало одним из распространенных видов хищений обратимого в денежные средства информационного объекта. По данным сайта «Банки.ру», в 2019 г. количество попыток похитить бонусы увеличилось до нескольких тысяч в месяц¹¹.

В результате хищения бонусов собственникам причиняется имущественный ущерб, поскольку при условии, что, например, один бонус может быть эквивалентен одному рублю, а начисление бонусов может представлять собой накопительную систему, бонусы переводимы в денежную единицу, а накопленные средства монетизируются, и в дальнейшем собственник либо лицо, похитившее бонусы, может совершить ими платежи. Несмотря на недавние массовые сообщения о таком виде хищения чужого имущества, хищения бонусов совершались давно. Так, еще в 2011 г. появились упоминания о данном преступлении в судебной практике: с помощью скачанной специальной компьютерной программы

⁹ Данные получены автором статьи в ходе исследования приговоров по 170 уголовным делам за период с 2015 по 2020 г.

¹⁰ Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы от 28 ноября 2014 г. по уголовному делу № 1-585/2014 // Официальный сайт Хорошевского районного суда г. Москвы. URL: <http://horoshevsky.msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.03.2016).

¹¹ URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10918544> (дата обращения: 22.09.2020).

злоумышленник получил возможность приобретения бонусов в виде виртуальных денежных средств¹².

Перед нами не только проблема правового регулирования сложившихся общественных отношений в сфере цифровой экономики. В связи с отсутствием законодательного закрепления ряда рассмотренных нами понятий возникают проблемы практического характера, связанные с расследованием данных преступлений. Вопросы начинают возникать уже при принятии решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела — многие материалы проверки не переходят в статус уголовного дела, преступник остается безнаказанным, а потерпевшему не возмещается причиненный хищением принадлежащих ему средств материальный ущерб.

Но даже после возбуждения уголовного дела возникает проблема квалификации преступления, которое до сих пор квалифицируется по-разному — как кража или как мошенничество, при условии наличия разъясняющих правил квалификации хищений чужого имущества данного вида, закрепленных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Данные проблемы усугубляются и тем, что не только растет число самих хищений бонусов, но и множится число способов их совершения. Специалисты по информационной безопасности в банковской сфере выявили несколько схем хищений бонусов, фактически представляющих собой модели механизмов данного вида хищений чужого имущества, однако эта информация пока что не нашла своего закрепления в научных и правовых источниках. Сообщается о том, что хищение бонусов совершается путем доступа к личному кабинету с использованием вредоносной программы, программ подбора логина и пароля, размещения потерпевшим информации о карте на страницах фишинговых сайтов¹³.

Однако в настоящее время банковские организации принимают активные меры, направленные на противодействие данным хищениям: разрабатываются и публикуются памятки, рекомендации и инструкции по действию в случае попыток хищения электронных денежных средств и бонусов. Законодатель и правоохранитель также должны первыми своевременно реагировать на изменения в общественных отношениях.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что переход к предложенной единой терминологии в отношении определения платежных средств, и в частности электронных платежных средств, а также информационных объектов, имеющих денежный эквивалент, позволит не только решить проблемы, связанные с возбуждением уголовного дела, квалификацией преступления и дальнейшим расследованием, но и поможет упорядочить правоприменительную практику регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики.

¹² Приговор Егорьевского городского суда Московской области от 26.10.2011 по уголовному делу № 1-395/2011 // Официальный сайт Егорьевского городского суда. URL: <http://egorievsk.mo.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.02.2017).

¹³ См.: официальный сайт РИА Новости. ria.ru ; Эксперты рассказали, как мошенники воруют бонусы с карт лояльности // URL: <https://ria.ru/20200303/1567947439.html> (дата обращения: 22.09.2020).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бессонов А. А.* О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 46—52.
2. *Герасимова Е. В.* Предмет хищения в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 28 с.
3. *Першин А. Н.* Документированная информация: криминалистические подходы к понятию и исследованию : монография. — М. : Проспект, 2020. — 312 с.
4. *Россинская Е. Р.* Проблемы исследования цифровых следов в судебной экспертизе // Цифровой след как объект судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции. — М. : РГ-Пресс, 2020. — С. 164—171.
5. *Рубцова А. С.* Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 12. — С. 172—181.
6. *Филаненко А. Ю.* Хищения чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 38 с.
7. *Шульга А. В.* Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2009. — 63 с.
8. Электронные носители информации в криминалистике : монография / под ред. О. С. Кучина. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 304 с.

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ¹

Аннотация. Несмотря на принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ, ответственность за фальсификацию доказательств по административным делам была установлена только в 2017 г. Часть 1 ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за фальсификацию доказательств по административным делам, существует уже более трех лет, однако количество выявленных преступлений невелико. Одна из основных причин этого — низкий уровень криминалистического обеспечения расследования преступлений указанной категории. В статье заложены основы для разработки методики расследования фальсификации доказательств по административным делам, выявления и расследования преступлений против репродуктивных прав человека.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, криминалистическое обеспечение, методика расследования, криминалистическая характеристика преступления, способ совершения преступления, следственные ситуации, административное дело, уголовное судопроизводство.

Вадим Петрович ПОПОВ,

ведущий юрист-консульт
юридического отдела
Московского филиала
АО «Федеральная
пассажирская компания»
popov.vp1993@gmail.com
107078, Россия, г. Москва,
ул. Маши Порываевой, д. 34

DOI: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.177-183

V. P. POPOV,

senior Legal Adviser of the Legal Department of the Moscow branch
of JSC «Federal Passenger Company»

popov.vp1993@gmail.com

107078, Russia, Moscow, ul. Masha Poryvaeva, 34

FUNDAMENTALS OF THE METHODS FOR INVESTIGATING CRIMES RELATED TO FALSIFICATION OF EVIDENCE IN ADMINISTRATIVE CASES

Abstract. Despite the adoption in 2015 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, liability for falsification of evidence in administrative cases was established only in 2017. Part 1 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for falsification of evidence in administrative cases, has existed for more than three years, but the number of detected crimes is small. One of the main reasons is the low level of criminalistic assurance for the investigation of crimes of this

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084.

category. This article lays the fundamentals for the development of a methods for investigating falsification of evidence in administrative cases. This study is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research in the framework of the research project № 18-29-14084.

Keywords: *falsification of evidence, forensic support, methods of investigation, forensic characteristics of the crime, method of committing the crime, investigative situations, administrative case, criminal proceedings.*

Как показал анализ следственной практики, после введения в 2017 г. уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по административным делам, следователями еще не накоплен опыт по выявлению и расследованию преступлений данной категории. Большинство следователей (98 %), расследовавших дела о фальсификации доказательств по другим категориям дел, не сталкивались с фальсификацией по административным делам. Опрос судей показал, что ими также нечасто выявляются признаки фальсификации доказательств в административном судопроизводстве.

Между тем для административного процесса, как и для иных видов судопроизводства, важно обеспечение достоверности доказательств, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела.

Незначительное количество зарегистрированных случаев фальсификации доказательств по административным делам связано с проблемой выявления и расследования преступлений данной категории и не освобождает криминалистику как науку от выработки средств и методов, направленных на выявление фальсификации доказательств по административным делам.

Невысокий уровень криминалистического обеспечения расследования фальсификации доказательств в административном судопроизводстве выражается в том, что криминалистами практически не уделяется внимание этой проблеме². Отсутствуют учебно-методические пособия, диссертационные исследования и т.д.

Для оптимизации расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам, необходимо в дальнейшем создать методику расследования этих преступлений. Полагаем, что структура такой методики должна включать следующие элементы: обстоятельства, подлежащие установлению, криминалистическую характеристику преступления, следственные ситуации, алгоритм действий для каждой следственной ситуации, особенности проведения отдельных следственных действий.

Обстоятельства, подлежащие установлению по делам фальсификации доказательств в административном судопроизводстве, это: лицо, совершившее

² Исключение составляют лишь несколько статей. См., например: *Корякова В. В.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. С. 914—918.

преступление; способ совершения, мотивы и цель совершения преступления; факт фальсификации доказательств; время и место совершения фальсификации; иные обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Распознавание и установление фальсификации представляет значительные трудности, так как субъектами фальсификации доказательств по административным делам являются, как правило, юристы, поскольку в ст. 55 КАС РФ закреплено профессиональное представительство. Более того, прокурор, обратившийся в суд с административным иском, наделяется процессуальными правами и обязанностями административного истца, а следовательно, несет ответственность в случае фальсификации доказательств.

Способы совершения фальсификации доказательств многообразны, но в административном судопроизводстве они, как правило, заключаются в преднамеренном искажении доказательств по административным делам путем подделки, подчистки документов, внесения в них исправлений, искажающих действительный смысл, а также уничтожения доказательств. В качестве способа совершения возможно создание фальсифицированных доказательств.

Способы фальсификации доказательств по административным делам направлены на искусственное создание информации, имеющей значение для рассматриваемого административного дела. При этом фальсификация может совершаться как представителем административного органа, так и лицом, обращающимся за защитой интересов, которые возникают из административных и иных публичных правоотношений.

Например, территориальным подразделением МЧС России выдано предписание организации об устранении нарушений требований законодательства о пожарной безопасности. Юридическое лицо обращается с административным иском о признании предписания незаконным. В обоснование своей позиции административным органом представляются фотоизображения якобы с места проведения проверки, на которых зафиксированы нарушения требований пожарной безопасности. В действительности представитель административного ответчика, создавая видимость законности своих действий, представляет не соответствующие действительности, не относимые, фальсифицированные доказательства.

Возможна и обратная ситуация, когда административный истец представляет для обоснования своих «законных» действий по обеспечению пожарной безопасности объекта защиты сфальсифицированный расчет пожарного риска и его последствий. Представленное письменное доказательство может повлиять на судебное решение и приведет к отмене законного предписания административного органа.

Особое внимание необходимо уделять предупреждению фальсификации доказательств по административным делам, в частности по предупреждению фальсификации доказательств по делам, связанным с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Так, в порядке ст. 218 КАС РФ рассматриваются административные иски о признании незаконными действий органов ЗАГС по отказу регистрации детей, рожденных от суррогатной матери. Особое значение по делам указанной категории имеет договор о суррогатном материнстве³. Потенциальная

³ См.: решение Туапсинского городского суда Краснодарского края от 24.11.2016 по делу № 2а-1633/16 // URL: https://www.garant.ru/files/7/3/1273537/reshenie_tuapsinskogo_gorodskogo_suda_krasnodarskogo_kraya_ot_24_noyabrya_2016.odt (дата обращения:

угроза злоупотреблений со стороны суррогатной матери и со стороны биологических родителей выражается в том числе в возможности фальсификации договора суррогатного материнства в целом либо в части оплаты, ответственности за неисполнение обязательств, иных условий договора. В качестве доказательства по административному делу административным истцом может быть представлен сфальсифицированный договор о суррогатном материнстве.

Исследуя этот вопрос (в рамках научного проекта РФФИ № 18-29-14084), автор пришел к выводу о необходимости нотариального удостоверения договора о суррогатном материнстве⁴. Актуальность предложения связана с тем, что нотариус должен будет произвести регистрацию нотариального действия (удостоверение договора о суррогатном материнстве) в реестре нотариальных действий в единой информационной системе нотариата посредством внесения сведений о совершенном нотариальном действии, согласно п. 27 приказа Минюста России от 17.06.2014 № 129 «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата».

Таким образом, единая информационная система нотариата будет служить надежным хранилищем для договоров о суррогатном материнстве, что практически исключит возможность фальсификации договора.

Приведем следующий пример, связанный с фальсификацией, совершенной должностным лицом. Приговором Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 17.05.2018 Цебеков признан виновным в фальсификации доказательств по административному делу. Судом установлено, что Цебеков, являясь административным ответчиком по административному исковому заявлению прокуратуры Ямало-Ненецкого автономного округа о признании незаконным его бездействия по непринятию мер по исполнительному производству о взыскании с Шодиева уголовного штрафа, совершил фальсификацию: сознательно искажил представляемое доказательство — копию чек-ордера на имя Шодиева об уплате им уголовного штрафа, содержащего ложные сведения, т.е. создал искусственное (ложное) доказательство по административному делу.

Мотивируя свой вывод об осведомленности осужденного о подложности приобщенного им в качестве доказательства документа, суд сослался на качество подделки, поскольку приобщенный к материалу чек-ордер имел явные признаки фальсификации, его личной заинтересованности в исходе дела (так как он участвовал в процессе в качестве административного ответчика), непоследовательности его поведения (он менял свои показания, выдвигая взаимоисключающие версии, которые не нашли своего подтверждения)⁵.

07.11.2020) ; решение Мещанского районного суда города Москвы от 13.03.2018 по делу 2а-0121/2018 // URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/kas/details/2a103a6d-1fc5-492a-96d1-eea8aa74fc28?caseNumber=2%E0-0121/2018> (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ *Полов В. П.* Правовые проблемы предупреждения фальсификации в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 5. С. 288—292.

⁵ См.: апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа № 22-550/2018 от 28.06.2018 по делу № 22-550/2018 // URL: [https://sudact.ru/regular/doc/KWBLLKrigTpVN/?regular-txt=%22фальсификация+по+административно-](https://sudact.ru/regular/doc/KWBLLKrigTpVN/?regular-txt=%22фальсификация+по+административно)

Представляется целесообразным далее провести краткий криминалистический анализ способа совершения преступлений на примере фальсификации доказательств по гражданскому и административному делу, совершенной адвокатом в Краснодарском крае. Рассматриваемый случай привлек внимание не только юридического сообщества, но и общественности⁶.

Приговором Прикубанского районного суда г. Краснодара от 02.07.2019 по делу № 1-117/2019 установлено⁷, что Кокурин изготовил три описи почтового вложения формы № 107 в подтверждение выполнения условий досудебного порядка урегулирования спора и на основании нотариальной доверенности, представляя интересы знакомой Р., приложил их к исковому заявлению Р. к Н. о признании права собственности на земельный участок и представил в Прикубанский районный суд г. Краснодара, создав ложные доказательства для вынесения незаконного и необоснованного решения в пользу Р.

Кроме того, Кокурин, являясь представителем Р. на основании нотариальной доверенности, принял меры к изготовлению двух описей почтового вложения формы № 107 и приложил их к заявлению Р. о привлечении Р. в качестве заинтересованного лица по административному делу по административному иску С. к Управлению Росреестра по Краснодарскому краю о признании незаконным решения о приостановлении государственной регистрации, представив указанные документы в Красноармейский районный суд Краснодарского края.

Фальсифицируя доказательства, обвиняемый использовал различные формы противодействия расследованию.

Во-первых, будучи профессиональным юристом, который по показаниям свидетелей не первый раз совершал фальсификацию доказательств, Кокурин использовал почтовый штемпель, закрепленный за конкретным отделением связи (по индивидуальному номеру). Согласно показаниям начальника почтового отделения, почтовый штемпель был утрачен в 2016 г., т.е. за несколько лет до совершения преступления, и не использовался.

Приобщая в административное дело оригиналы фальсифицированных описей почтовых отправок, Кокурин понимал, что в дальнейшем может быть проведена судебная экспертиза, поэтому в целях усложнения проведения экспертных исследований обратился с ходатайством в адрес Красноармейского районного суда Краснодарского края о возврате предоставленных оригиналов почтовых описей, после чего забрал указанные оригиналы.

Во-вторых, обвиняемый использовал свои связи в государственных органах. Кокурин сам обращался в Прикубанский районный суд г. Краснодара и самостоятельно подавал исковое заявления с приложением фальсифицированного

му+делу%22+%22КАС%22&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1572216020752&snippet_pos=1578#snippet (дата обращения: 06.09.2020).

⁶ URL: <https://www.kavkazr.com/a/28979155.html> (дата обращения: 06.09.2020).

⁷ См.: приговор прикубанского районного суда г. Краснодара от 02.07.2019 № 1-117/2019 // URL: https://krasnodar-prikubansky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=31029172&case_uid=c751b071-948e-4a07-9606-dcde8b184db2&delo_id=1540006 (дата обращения: 06.09.2020).

доказательства. Однако в целях создания ложного алиби Кокурин обратился к знакомым судебным приставам, работавшим в Прикубанском районном суде г. Краснодара, которые предоставили Кокурину справку о его отсутствии в здании суда в день подачи искового заявления.

Кроме того, в целях оказания воздействия на семью потерпевшего и получения дополнительных доводов в обоснование своего искового заявления о признании права собственности по указанию Кокурина его сожительница Р. составила заявление, на основании которого было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленного лица, которое якобы присвоило себе денежные средства, вырученные от продажи дома.

В-третьих, Кокурин оказывал давление на свидетелей и потерпевшего. Звонил в ночное время членам семьи потерпевшего (свидетелям) с угрозами жизни и здоровью. При личной встрече с одним из свидетелей Кокурин сказал, что, используя «свои рычаги», он посадит свидетеля в тюрьму и тот будет отбывать наказание только потому, что Кокурин так хочет, что родные свидетеля будут платить Кокурину каждый раз, чтобы он разрешил ему выйти на свободу.

Обвиняемый оказывал давление и на самого потерпевшего, угрожая жизни и обещая, что потерпевший будет привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ. В ходе судебного заседания по уголовному делу между потерпевшим и подсудимым Кокуриным произошел конфликт, в результате которого Кокурин ударом головы разбил потерпевшему лицо⁸.

В-четвертых, в ходе производства судебного следствия Кокурин затягивал рассмотрение дела, не явился на семь судебных заседаний, а 31.05.2019 скрылся и был объявлен в розыск. Такое поведение объясняется желанием добиться истечения сроков давности уголовного преследования⁹.

Позиция и на предварительном следствии, и в суде у Кокурина была последовательной: он не признал вину по обоим эпизодам, сказав, что описи почтового вложения в суд не представлял, документы не подписывал, к делам не имеет никакого отношения, утверждал, что «не может быть фальсификации документов по гражданскому делу, поскольку на тот период гражданское дело не существовало». По административному делу, с его слов, никаких документов к материалам дела не приобщал, никаких ходатайств об этом не заявлял, ничего не подписывал.

Суд оценил доводы подсудимого, указав, что не имеет правового значения для квалификации действий виновного лица по ст. 303 УК РФ, самим ли виновным лицом либо им с привлечением других лиц и каким способом были выполнены

⁸ URL: <https://kuban.mk.ru/incident/2019/03/25/podsudimyy-advokat-izbil-poterpevshego-v-zale-krasnodarskogo-suda.html> (дата обращения: 06.09.2020).

⁹ Необходимо отметить, что И. В. Кокурину отчасти это удалось, судом апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения, однако на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ И. В. Кокурин был освобожден от отбытия наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. См.: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 17.03.2020 по делу № 22-963/2020 // URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=d4a79bb0-5a6a-413a-a7d-5829121d97d&_deloid=1540006&_caseType=0&_new=4&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 06.09.2020).

подписи лиц в фальсифицируемых им документах. Не имеют правового значения и такие обстоятельства, как соответствие сведений, изложенных в сфальсифицированных документах, фактическим обстоятельствам дела.

Важную роль в данном деле сыграла экспертиза, которая установила, что рукописные буквенно-цифровые записи, расположенные в описи почтового вложения формы № 107, выполнены Кокуриным; подпись от имени Р., расположенная в графе «отправитель» в описи почтового вложения формы № 107, выполнена не Р., а Кокуриным; подпись от имени почтового работника в графе «проверил» в нижней части описи почтового вложения формы № 107, вероятно, выполнена Кокуриным.

Дело Кокурина иллюстрирует типичную ситуацию, когда профессиональный юрист приискивает средства совершения преступления задолго до совершения фальсификации, занимает активную позицию, отрицая вину и противодействуя расследованию. Действия подсудимого по созданию подложных описей и представлению их в суд необходимо рассматривать как способ совершения, а действия по изъятию фальсифицированных описей почтовых отправлений из материалов административного дела, а также действия по созданию ложного алиби необходимо рассматривать как способ сокрытия преступления и противодействия расследованию.

Думается, пришло время для создания полноструктурной методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в административном судопроизводстве. Успешное расследование фальсификации доказательств по административному делу зависит прежде всего от продуманного планирования и тактики проведения процессуальных действий, а также их своевременности. Конкретный перечень следственных действий, тактических рекомендаций в зависимости от следственной ситуации нуждается в уточнении.

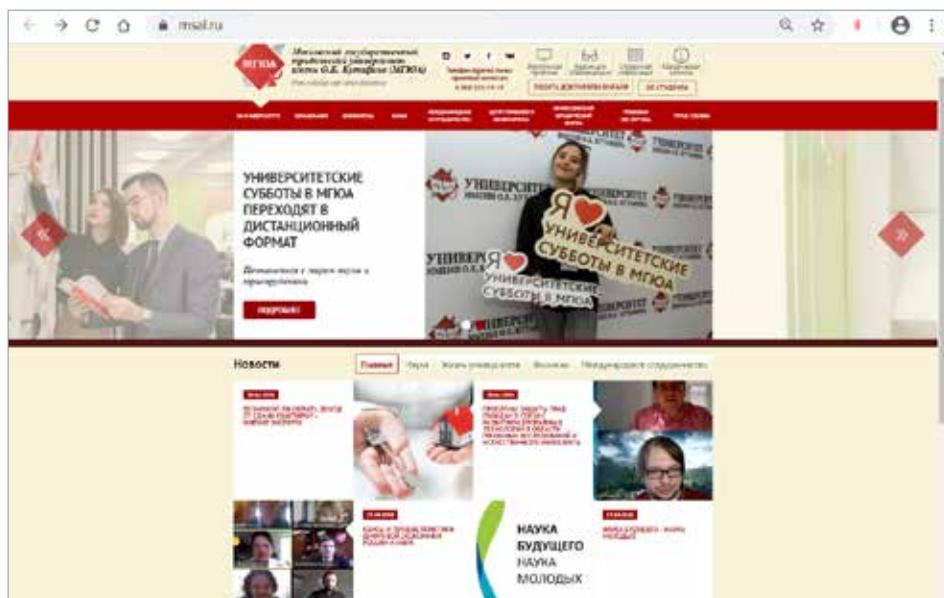
БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 5. — С. 120—134.
2. *Корякова В. В.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств по административным делам // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». — М., 2018. — С. 914—918.
3. *Кручинина Н. В., Попов В. П.* Выявление злоупотреблений и преступлений, связанных с фальсификацией в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 3 (55). — С. 95—100.
4. *Попов В. П.* Правовые проблемы предупреждения фальсификации в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — № 5. — С. 288—292.

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

**Межвузовский студенческий круглый стол
«Мошенничество в условиях пандемии: способы совершения
и методы противодействия» (28 апреля 2020 г.)**

Кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с кафедрой криминалистики Омской академии МВД России провела онлайн межвузовский студенческий круглый стол «Мошенничество в условиях пандемии: способы совершения и методы противодействия». Модератором от Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) выступил доктор юридических наук, доцент Александр Першин, координатором от Омской академии МВД России — старший лейтенант полиции Ксения Сидорова.

Участие в работе круглого стола приняли не только студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), курсанты и слушатели Омской академии МВД России, но также сотрудники и обучающиеся Уральского государственного юридического университета, Уфимского юридического института МВД России, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (зарегистрировались 62 участника).

Были заслушаны доклады:

«Мошенники в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 или новые способы обмана граждан» (выступили студенты 4-го курса ИППУ (МГЮА) Евгения Васильева, Александра Манджиева, Юлия Ситникова);

«Пир во время COVID-19: как в России зарабатывают на пандемии коронавируса?» (студенты 4-го курса ИППУ (МГЮА) Наргиз Агабалаева, Амина Карданова, Юлия Юдина);

«Мошеннические схемы в период пандемии в США, Китае и странах Европы» (студенты 4-го курса ИППУ (МГЮА) Анастасия Куликова, Анна Белякова, Елена Щепетихина, Игорь Соков, Алексей Лаврентьев);

«Следственные ситуации при расследовании мошенничеств, совершаемых в условиях пандемии и алгоритм действий следователя» (слушатели 5-го курса Омской академии МВД России Екатерина Криворучкина, Татьяна Сальникова, Дарья Шалеева);

«Меры противодействия мошенничеству в условиях пандемии коронавируса» (курсант 3-го курса Омской академии МВД России Ксения Афанасьева).

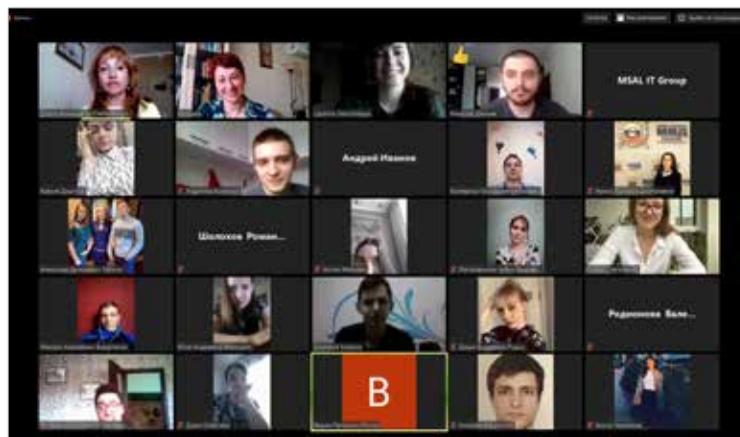
Начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, полковник полиции Эливира Нугаева сделала доклад, посвященный особенностям совершения мошенничества при оказании оккультных услуг в период пандемии.

Тематика круглого стола вызвала живой интерес аудитории. Обсуждение докладов продолжалось более трех часов. Мероприятие прошло в дружественной атмосфере с пожеланиями студентам, курсантам и слушателям дальнейших творческих успехов в научной деятельности.

Межвузовский студенческий круглый стол «Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам» (13 мая 2020 г.)

Кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета провела онлайн межвузовский студенческий круглый стол «Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам».

В дискуссии, которая продолжалась около трех часов, приняли участие более 30 сотрудников и обучающихся Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Института государства и права

Байкальского государственного университета, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия.

Диана Степаненко, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, напомнила слушателям о проблемах исследования идеальных следов и подходах криминалистов к их решению.

Ярослава Комиссарова, доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, подробно осветила историю легализации полиграфа в России и за рубежом, организационно-тактические условия и методики его использования в целях проверки информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, привела примеры из практики проведения судебных экспертиз с применением полиграфа.

Алена Митрофанова, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, подняла вопрос о возможности использования при производстве по уголовным делам профайлинга, психологической экспертизы по видеозаписям следственных действий, других технологий «детекции лжи».

В завершение работы круглого стола участники сошлись во мнении, что все известные технологии когда-то были мало изученными и не сразу оказались востребованы практикой. В настоящее время перед выпускниками вузов открываются новые возможности для реализации самых смелых планов.

Круглый стол «Получение, оценка, использование показаний в уголовном судопроизводстве: человеческий фактор и биотехнологии» (25 июня 2020 г.)

Кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) совместно с кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета РФ провела онлайн круглый стол «Получение, оценка, использование показаний в уголовном судопроизводстве: человеческий фактор и биотехнологии».

С докладами и презентациями выступили:

Вероника Валерьевна Нуркова, профессор факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего Института общественных наук РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор психологических наук, доцент;

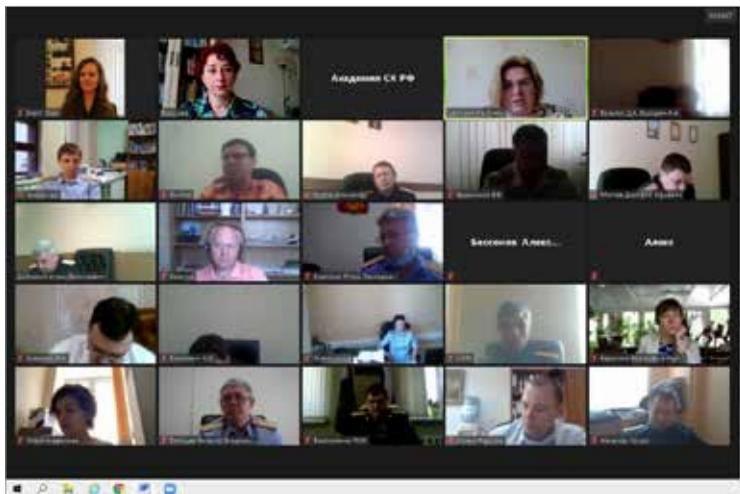
Алексей Александрович Бессонов, руководитель Управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) ГУК (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ, доктор юридических наук, доцент;

Ярослава Владимировна Комиссарова (модератор), доцент кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор федерального научно-практического журнала «Эксперт-криминалист», кандидат юридических наук, доцент, член Британской и Европейской ассоциации полиграфологов, почетный член Евразийской ассоциации полиграфологов;

Алексей Николаевич Гусев, профессор факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией исследования поведения ООО «Лицом к лицу», доктор психологических наук, профессор;

Светлана Владимировна Яковлева, эксперт Центра экономических и социальных исследований и экспертиз, член рабочей группы по противодействию псевдорелигиозному экстремизму Координационного совета по противодействию терроризму при Общественной палате РФ, член рабочей группы по международной и межрелигиозной медиации при Комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации международных и межрелигиозных отношений.

Были рассмотрены: психологические особенности формирования показаний участников судопроизводства; **общие положения тактики допроса и использование при его проведении эффекта прайминга**; методические основы проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа и пределы компетенции экспертов-полиграфологов; проблемы использования авторских методов при производстве судебно-психологических экспертиз; возможности использования метода многомерного анализа голоса человека (LVA) при экспертизе аудиозаписей; современные подходы к понятию «психологическое насилие» при расследовании уголовных дел, возбужденных по статьям 110

(доведение до самоубийства), 159 (мошенничество), 163 (вымогательство), 171 (незаконное предпринимательство), 238 (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности), 239 (создание организации, посягающей на личность и права граждан) УК РФ.

В дискуссии, которая продолжалась более трех часов, приняли участие свыше 40 сотрудников кафедр криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московской и Санкт-Петербургской академий Следственного комитета РФ, руководители, заместители руководителей, сотрудники подразделений следственных органов Следственного комитета РФ по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных, в том числе военных, следственных органов.

Обратная связь со слушателями позволила сформулировать ряд актуальных тезисов, которые нашли отражение в письме за подписью и.о. ректора Московской академии Следственного комитета РФ Д. Н. Кожухарика, направленном на имя руководителя Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета РФ З. З. Ложиса:

1. Поскольку ложные воспоминания объективно ничем не отличаются от реальных, проверка достоверности сведений, сообщаемых участниками судопроизводства, невозможна без использования специальных знаний. При этом выявление экспертным путем признаков искажения информации следует отличать от процессуальной оценки доказательств в порядке ст. 88 УПК РФ.
2. В настоящее время специалистами правоохранительных органов и государственными судебными экспертами используется ряд научно обоснованных методик проверки сообщаемой участниками процесса информации (например, психофизиологические исследования с применением полиграфа, активизация памяти свидетелей и потерпевших).
3. Сотрудники на местах не всегда видят разницу между валидизированными и так называемыми «авторскими» методами исследования. Некритично воспринимая показания участников процесса и результаты экспертиз, проведенных негосударственными судебными экспертами в отношении ранее допрошенных лиц, следователи и судьи принимают ошибочные процессуальные решения.

Поскольку судебно-психологические экспертизы штатными сотрудниками Следственного комитета России не проводятся, целесообразно выработать критерии отбора экспертов-психологов при назначении экспертиз по уголовным делам, а также критерии оценки научной обоснованности заключений экспертов.

Научно-практическая конференция «Задачи науки криминалистики по обеспечению безопасности медицинской деятельности» (27 ноября 2020 г.)

Кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и кафедра криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в гибридном формате провели научно-практическую конференцию «Задачи науки криминалистики по обеспечению

безопасности медицинской деятельности» (при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14084/18).

Модераторами выступили: Надежда Валентиновна Кручинина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Ирина Олеговна Перепечина, доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, действительный член РАЕН.

Открывая конференцию, профессор Н. В. Кручинина отметила актуальность обсуждения как вопросов криминалистического обеспечения безопасных условий оказания медицинской помощи, криминалистической профилактики и информационной безопасности в данной сфере, так и вопросов безопасности собственно медицинской деятельности.

С развернутым докладом по теме «Криминалистическое прогнозирование и криминалистическая превенция киберпреступлений в сфере здравоохранения» выступила профессор И. О. Перепечина (содокладчик — Дмитрий Владимирович Перепечин, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института урологии и интервенционной радиологии имени Н. А. Лопаткина (филиала НМИЦ радиологии Минздрава России), советник РАЕН).

Наибольший интерес вызвали доклады на темы:

«Криминалистическая профилактика криминальных посягательств в сфере медицинского обслуживания населения» (Олег Владимирович Полстовалов,

доктор юридических наук, профессор, начальник Управления государственной охраны объектов культурного наследия Республики Башкортостан);

«Подмена понятий и компетенций в заключениях судебно-медицинской экспертизы по “врачебным делам” как негативная тенденция экспертной, следственной и судебной практики» (содокладчики: Евгений Христофорович Баринов, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова Минздрава России; Руслан Эдуардович Калинин, аспирант кафедры судебной медицины и медицинского права Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова Минздрава России);

«Некоторые проблемы стратегии и тактики защиты в суде по ятрогенным преступлениям» (Игорь Владимирович Запоточный, адвокат Адвокатской палаты города Москвы);

«Особенности изучения личности обвиняемого при расследовании ятрогенных преступлений» (Марина Александровна Лушечкина, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова);

«Об оспаривании защитниками заключений экспертов по делам о ятрогенных правонарушениях» (докладчик: Ярослава Владимировна Комиссарова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)).

В работе конференции приняли участие свыше 25 ученых и практиков из разных регионов России.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Криминалистика : учебник (уровень специалитета) / под ред. А. И. Бастрькина, Е. П. Ищенко, Я. В. Комиссаровой. — М. : Проспект, 2019. — 616 с.

В учебнике излагается полный курс криминалистики с учетом положений действующего законодательства (в первую очередь уголовно-процессуального): раскрыты общетеоретические положения науки, описаны достижения криминалистической техники и тактики, даны основы методики расследования наиболее распространенных видов преступлений. Учебник подготовлен с учетом действующих в России стандартов в области образования и непосредственно адресован студентам, обучающимся по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», «Судебная и прокурорская деятельность», «Судебная экспертиза», но также может быть полезен аспирантам, преподавателям вузов, сотрудникам правоохранительных органов — всем, кто интересуется проблемами противодействия преступности.

Криминалистическое обеспечение безопасности биотехнологий : материалы научно-практической конференции / под ред. Н. В. Кручининой, Я. В. Комиссаровой. — М. : РГ-Пресс, 2020. — 96 с.

28 ноября 2019 г. в рамках совместной XX Международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и XVII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов» кафедра криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) провела научно-практическую конференцию «Криминалистическое обеспечение безопасности биотехнологий», материалы которой представлены в книге.

Конференция была проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-14084/18 «Криминалистическое обеспечение безопасности процесса искусственной репродукции человека от злоупотреблений и преступлений».

Актуальные проблемы расследования преступлений : лекции / под ред. А. И. Бастрькина. — М. : Проспект, 2020. — 256 с.

В сборник вошли лекции, прочитанные председателем Следственного комитета РФ в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), некоторых других вузах, а также материалы выступлений на международных конференциях, посвященных актуальным проблемам теории и практики расследования преступлений. Сборник дополнен тематическими главами, написанными известными специалистами из профессорско-преподавательского состава Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Публикуемые материалы могут быть использованы молодыми

преподавателями, аспирантами, магистрантами при подготовке к лекционным и практическим занятиям по дисциплинам уголовно-правового цикла.

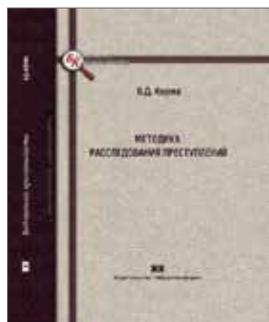
Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2020. — 560 с.

В учебнике излагается курс криминалистики с учетом положений действующего законодательства (в первую очередь уголовно-процессуального): раскрыты общетеоретические положения науки, описаны достижения криминалистической техники и тактики, даны основы методики расследования наиболее распространенных видов преступлений. Учебник подготовлен с учетом действующих в России стандартов в области образования и адресован как студентам-бакалаврам, осваивающим азы юриспруденции, так и тем, кто обучается по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», «Судебная и прокурорская деятельность», «Судебная экспертиза». Он также может быть полезен аспирантам, преподавателям вузов, сотрудникам правоохранительных органов — всем, кто интересуется проблемами противодействия преступности.

Расследование преступлений в чрезвычайных условиях : учебное пособие / отв. ред. Я. В. Комиссарова. — М. : Проспект, 2020. — 304 с.

В учебном пособии раскрыты теоретические, организационно-правовые и криминалистические основы расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Рассматриваются некоторые особенности производства по делам о массовых беспорядках, а также отдельных видов преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта. Учебное пособие адресовано обучающимся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», но также может быть полезно аспирантам, преподавателям вузов, сотрудникам правоохранительных органов, всем, кто интересуется проблемами противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности.

Корма В. Д. Методика расследования преступлений: современное состояние, проблемы. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 200 с.

В монографии рассматриваются основные теоретические положения методики расследования преступлений, которые излагаются на основе деятельностного, системного и функционального подходов к изучению следственной деятельности при выявлении и расследовании преступлений. Исследуются в комплексе правовые и криминалистические основы следственного познания (познавательной деятельности следователя) в досудебном уголовном производстве. На базе теоретических положений криминалистической методики предложены научные рекомендации в целях оптимизации практической деятельности при выявлении и расследовании преступлений. Работа может быть

использована в научных криминалистических исследованиях, в учебно-педагогическом процессе образовательных юридических учреждений, а также в практике следователей, дознавателей и других работников правоохранительных органов.

Корма В. Д. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений. — М. : Юрлитинформ, 2021. — 192 с.

В учебном пособии на основе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», нормативных правовых актов и научных источников излагаются общие, наиболее важные положения теории оперативно-розыскной деятельности и тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений. Настоящее учебное пособие подготовлено для студентов, обучающихся по специальности 40.45.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : научно-практическое пособие / отв. ред. М. В. Жижина. — М. : Проспект, 2021. — 264 с.

В пособии с учетом положений действующего законодательства изложен материал дисциплины «Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений», изучаемой в рамках магистерской программы «Магистр уголовного права и уголовного судопроизводства». С опорой на общетеоретические положения науки криминалистики описаны современные возможности и достижения криминалистической техники в целях обеспечения деятельности следователя на этапе предварительного расследования. Нормативные акты используются по состоянию на 1 сентября 2020 г. Пособие подготовлено с учетом действующих в России стандартов в области образования и адресовано студентам-магистрам. Может представлять интерес для бакалавров, аспирантов, преподавателей вузов, юристов-практиков уголовно-правовой специализации, а также для всех, кто интересуется проблемами доказывания в уголовном процессе, вопросами криминалистики и судебной экспертизы.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Павел Исаевич Люблинский (1882—1938) — российский и советский ученый-юрист, криминолог. В 1904 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. После 1917 г. сразу же включился в строительство новой жизни. Впоследствии преподавал, заведовал кафедрой уголовного процесса в Ленинградском юридическом институте. За высокие научные заслуги был удостоен в 1938 г. ученой степени доктора юридических наук без защиты диссертации.

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ ПАМЯТИ ТРЕХ РУССКИХ КРИМИНАЛИСТОВ: И. Я. ФОЙНИЦКОГО, Д. А. ДРИЛЯ, Н. Д. СЕРГЕЕВСКОГО¹ (извлечение)

¹ *Люблинский П. И.* Памяти трех русских криминалистов: И. Я. Фойницкого, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергеевского. СПб. : Сенатская тип., 1914. 152 с. 22×14 см. Во владельческом составном переплете. Блок чистый, подрезан под переплет.

На титульном листе автограф юриста, криминолога Павла Исаевича Люблинского, адресованный известному историку, профессору, члену Академии наук Сергею Владимировичу Бахрушину.

ПАМЯТИ И. Я. ФОЙНИЦКАГО

(† 19 сентября 1913 года).

Выдающаяся роль, какую сыграла в истории русской юридической науки почти полувѣковая дѣятельность проф. Ивана Яковлевича Фойницкаго, требует обширнаго изслѣдованія и широкой исторической перспективы. Имя его было неразрывно связано съ прогрессомъ науки уголовного права въ Россіи, а творчество его нашло свое выраженіе въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ нашей правовой жизни. Личность и дѣятельность чловѣка неразрывно связана съ эпохою, въ которой онъ живетъ, и только измѣнивъ формы жизни, мы начинаемъ самостоятельно оцѣнивать историческое значеніе отдѣльныхъ личностей. Въ настоящее же время мы въ состояніи лишь дать самый общій обзоръ научной и общественной дѣятельности покойнаго, столь богатой и разнообразной.

— 6 —

мою медальную работу на ту же тему и какъ горячо убѣждалъ меня послѣ того посвятить свои силы именно уголовному праву.

Окончивъ университетъ въ 1868 году, Фойницкій принимается за подготовку къ магистерскому экзамену по уголовному праву подъ руководствомъ проф. А. П. Чебышева-Дмитріева. Параллельно съ этимъ онъ начинаетъ преподаваніе уголовного права въ Авдиторскомъ училищѣ, позднѣе преобразованномъ въ Военно-юридическую академію. Объ энергіи молодого ученаго свидѣтельствуетъ то, что въ теченіе трехъ лѣтъ (1868—1871 г.г.) онъ успѣваетъ не только сдать магистерскій экзаменъ, но также написать и защитить диссертацию на степень магистра. Въ отличіе отъ принятаго тогда типа диссертаций, изслѣдованіе Фойницкаго „Мошенничество по русскому праву“ (1871) представляло обширное двухтомное изслѣдованіе, богатое историческимъ и сравнительно-юридическимъ матеріаломъ и теоретическими построениями. Оно доннынѣ остается классическимъ трудомъ по этому вопросу, и даже въ современной западной литературѣ мы затрудняемся указать столь полное изслѣдованіе на эту тему. Въ этой работѣ молодой криминалистъ не остается однимъ только систематикомъ права; онъ восходитъ до отвлеченныхъ началъ правовѣдѣнія и начинаетъ свою книгу съ полемики съ Іерингомъ о законахъ историческаго

— 7 —

развитія права. Въ самой книгѣ встрѣчаются обширные экскурсы по вопросамъ о причинной связи, о значеніи способа дѣятельности въ составѣ преступленій, о покушеніи и приготовленіи. Около того же времени (въ 1870 г.) появляются двѣ большія статьи, изъ которыхъ одна была посвящена германскому уголовному уложенію, тогда только что появившемуся, а другая—уголовному праву Финляндіи.

Серьезная работа по догматическимъ вопросамъ удержала Фойницкаго отъ безраздѣльнаго увлеченія новыми идеями антропологической школы, тѣсно связанной въ своихъ корняхъ съ моднымъ тогда философскимъ матеріализмомъ. Когда по защитѣ диссертации, въ званіи доцента уголовного права, онъ командировается за границу и попадаетъ въ кругъ новыхъ тогда идей, онъ не отдается всецѣло ихъ вліянію, а подвергаетъ ихъ тщательной критической провѣркѣ. Изъ своей годичной командировки за границу, Фойницкій болѣе полугода пробылъ въ Англійи. Ему удалось побывать и въ другихъ странахъ (Германіи, Франціи, Италиіи, Швейцаріи), но ни одна изъ нихъ не наложила такого сильнаго отпечатка на его воззрѣнія и позднѣйшія работы, какъ именно Англійа. И дѣйствительно, нашему ученому пришлось быть въ этой странѣ при исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ. Два едва ли не наиболѣе громкихъ

— 8 —

дѣла Англїи второй половины XIX вѣка разбирались тогда въ лондонскомъ центральномъ судѣ: дѣло О'Коннора, обвинявшагся въ покушенїи на королеву Викторїю, и дѣло Тичборна, обвинявшагся въ незаконномъ присвоенїи чужого имени. Это послѣднее дѣло является донинѣ образцомъ мастерского веденїя судебного слѣдствїя и въ теченїе его наилучшимъ образомъ были демонстрированы положительныя и отрицательныя стороны англїйскаго процесса. Фойницкїй имѣлъ возможность присутствовать при начальныхъ стадїяхъ развитїя этого дѣла. Отсюда проистекаетъ его близкое знакомство съ англїйскимъ процессомъ, выдающимся знатокомъ котораго онъ справедливо признавался у насъ. Но еще болѣе благопрїятнымъ обстоятельствомъ оказался первый международный пенитенціарный конгрессъ, происходившїй лѣтомъ 1872 г. въ Лондонѣ. На этомъ конгрессѣ были заложены принципы современной пенитенціарной науки, подробнѣе лишь развитые на дальнѣйшихъ конгрессахъ. Опытъ различныхъ европейскихъ странъ здѣсь почерпнулъ рядъ новыхъ идей объ исправленїи преступниковъ, о распредѣленїи ихъ на разряды, о неопредѣленныхъ приговорахъ, о тюремномъ режимѣ и т. д., принесенныхъ сюда американскими пенологами во главѣ съ д-ромъ Уайнсомъ. Впечатлѣнїя конгресса были дополнены личнымъ осмотромъ ряда англїйскихъ и ирланд-

— 9 —

ских тюремъ и исправительно-воспитательныхъ заведеній. Печатавшіяся въ Судебномъ Вѣстникѣ „Письма изъ заграницы“ даютъ намъ яркое представленіе о томъ, какъ живо воспринимались авторомъ эти интересныя впечатлѣнія. Въ англійскомъ судѣ молодого наблюдателя поражаютъ патриархальная простота засѣданія, полная состязательность, глубокое чувство обязанности, которымъ проникнуты присяжные, любовь къ фактамъ, непосредственно относящимся къ дѣлу, и терпѣніе въ разслѣдованіи доказательствъ. Въ англійской карательной системѣ вниманіе его останавливаютъ остатки варварства, какъ смертная казнь и тѣлесныя наказанія, ступальная мельница и колесо, заведенныя вмѣсто производительной работы въ тюрьмахъ, бѣдность нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ; но съ другой стороны, онъ одобряетъ принятую систему классификаціи заключенныхъ, индивидуализированіе тюремной дисциплины, патронатъ, систему переходныхъ тюремъ и, въ особенности, организацію ремесленныхъ и исправительныхъ школъ.

Въ письмахъ изъ Англій больше описаній, чѣмъ оцѣнки, но эти описанія были богатымъ источникомъ для выводовъ автора при послѣдующихъ работахъ.

Пребываніе въ Англій накладываетъ рѣзкую печать на дальнѣйшія склонности И. Я. Фойниц-

— 10 —

каго. Если до того онъ работалъ по догмѣ уголовного права, то по возвращеніи оттуда его вниманіе приковываютъ почти исключительно вопросы пенитенціарной науки и уголовного процесса. Къ нимъ присоединяются только время отъ времени экскурсы въ область уголовной статистики, которая включала въ то время въ себя и уголовную этиологію. Послѣднее объясняется участіемъ его съ 1873 по 1876 г. въ работахъ министерства юстиціи по упорядоченію изданія нашей уголовной статистики.

Находясь еще за границей, И. Я. Фойницкій печатаетъ въ Судебномъ Вѣстникѣ большую статью „Проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія въ Россіи“, предисловіемъ къ которой избираетъ слова извѣстнаго тюремнаго дѣятеля Моро-Кристофа: „Если вы хотите поднять нравственный уровень общества, обеспечьте сначала его благосостояніе. Если вы хотите поднять нравственность индивида, обеспечьте ему сначала работу и хлѣбъ, и тогда онъ будетъ легко воспринимать духовную пищу“. Въ этой статьѣ авторомъ подробно разсматриваются положенія, выставленныя графомъ В. А. Соллогубомъ, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ руководителей нашего тюремнаго вѣдомства. Принимая выставленныя Соллогубомъ руководящія начала „справедливости“ и „общественнаго блага“ въ организаціи тюремнаго режима,

— 11 —

авторъ послѣдовательно выясняетъ отступленія отъ нихъ. Изъ этой крайне интересной для обрисовки возрѣннй молодого автора статьи я позволю себѣ привести только заключительныя слова, которыя, на нашъ взглядъ, должны остаться руководящими и для современной уголовной политики: „Тюремный вопросъ въ его изолированномъ видѣ не имѣетъ никакого смысла. Этотъ смыслъ и жизненное содержаніе даютъ ему лишь внесеніе его въ систему другихъ общественныхъ мѣръ, направленныхъ противъ условій преступности. Слова тюремная реформа должны быть написаны мелкими буквами внизу знамени, на которомъ крупнымъ шрифтомъ отмѣченъ принципъ общественнаго благосостоянія путемъ образованности и свободы“.

Послѣ возвращенія на родину И. Я. объявляетъ въ Петербургскомъ университетѣ первый не только въ Россіи, но и за границей, спеціальныя курсы по тюремновѣдѣнію для всѣхъ студентовъ юридическаго факультета. Курсъ этотъ, позднѣе переименованный въ ученіе о наказаніи, читался имъ до 1905 года непрерывно. Результатомъ работы надъ этимъ курсомъ явились сначала отдѣльныя статьи: „Тюремная реформа и тюремновѣдѣніе (вступительная лекція, прочтенная 8 января 1874 г.)“, „Тюремная статистика на западѣ“, „Русская карательная система“. Всѣ эти статьи, появившіяся въ 1874 г. въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и „Сбор-

— 12 —

никъ Гос. Знаній“, имѣли выдающееся научное и практическое значеніе. Вопросы тюремной реформы, благодаря комиссії гр. Соллогуба, стояли тогда у насъ на очереди, и полныя цѣнныхъ указаній критическія работы автора, только что ознакомившагося съ постановкой дѣла на Западѣ и съ новыми теченіями пенитенціарной науки, были весьма кстати. Въ серединѣ 70-хъ годовъ появляется и литографированный курсъ лекцій по тюрьмовѣдѣнію, являющійся первоначальнымъ наброскомъ позднѣе вышедшаго курса „Ученіе о наказаніи“.

Въ концѣ 70-хъ г.г. вниманіе Фойницкаго направляется въ сторону и другого наказанія, игравшаго тогда у насъ первостепенную роль—ссылки. Благодаря счастливой случайности, какъ пишетъ онъ самъ, ему былъ открытъ доступъ въ Московскій архивъ министерства юстиціи, а также въ архивы государственнаго совѣта и сибирскаго комитета, доставившіе нашему ученому крайне интересныя данныя. На основаніи ихъ въ 1879 г. создается статья „Наша сибирская ссылка“, а въ слѣдующемъ году появляется посвященная предсѣдателю комиссії по пересмотру карательной системы К. К. Гроту работа „Управленіе ссылки“. Но, повидимому, русскіе матеріалы о ссылкѣ не дали возможности нарисовать полную картину эволюціи ссылки, и чтобы доказать законъ историческаго вымиранія этого наказанія, И. Я. Фойницкій обращается къ За-

— 13 —

паду. Результатомъ тщательнаго изученія французскихъ и англійскихъ матеріаловъ является изслѣдованіе „Ссылка на Западъ“ (1881 г.), представленное на степень доктора уголовного права. Авторъ смотрѣлъ на эту работу какъ на предварительное изслѣдованіе вопроса о русской ссылкѣ, о чемъ прямо заявляетъ въ предисловіи къ книгѣ. Но, несомнѣнно, она имѣла и большую самостоятельную научную цѣнность. Матеріалы, добытые опытомъ французской ссылки, здѣсь впервые подверглись научной разработкѣ: изслѣдованіе англійской ссылки, покоящееся въ основаніи своемъ на работѣ Гольцендорфа, было дополнено данными многихъ англійскихъ изслѣдователей. Но центр тяжести работы лежалъ въ заключительныхъ обстоятельныхъ выводахъ автора (стр. 304—338), посвященныхъ оцѣнкѣ ссылки съ точки зрѣнія современныхъ задачъ борьбы съ преступностью и колонизаціонной политики. Здѣсь Фойницкій противопоставляетъ идеальный типъ ссылки, увлекающей многихъ пенологовъ, съ практическими трудностями осуществленія его. „Изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какою она представляется въ отвлеченномъ понятіи, ссылка превращается при прикосновеніи съ дѣйствительностью въ мѣру, негодную какъ кара, безнравственную какъ способъ колонизаціи, противорѣчащую началамъ исправленія и существу судебной дѣятельности, не дающую

— 14 —

объщанной безопасности метрополиі съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи, и въ высшей степени дорого стоящую. Реформируя свои мѣста заключенія, ставя болѣе и болѣе прочно благородное дѣло патроната, западъ менѣе и менѣе нуждается въ ссылкѣ и постепенно уничтожаетъ послѣдніе слѣды ея въ своихъ уголовныхъ кодексахъ и въ своей административной практикѣ“ (стр. 336). Въмѣсто ссылки авторъ рекомендовалъ послѣдующее по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ добровольное переселеніе при помощи государства въ колоніи. Насколько цѣннымъ было изслѣдованіе И. Я. Фойницкаго о западной ссылкѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что оно было въ 1894 г. переведено на французскій языкъ и много способствовало европейской извѣстности нашего автора. Къ сожалѣнію, предположенное изслѣдованіе о русской ссылкѣ не было написано авторомъ, вниманіе котораго съ учрежденіемъ комиссіи по пересмотру уложенія было отвлечено въ другую сторону. Лишь въ курсѣ „Ученіе о наказаніи“ мы встрѣчаемъ краткій общій очеркъ исторіи нашей ссылки. Но на практикѣ ему удалось способствовать значительному сокращенію примѣненія ссылки у насъ въ качествѣ члена комиссіи по пересмотру нашего законодательства о ссылкѣ, результатомъ дѣятельности которой явился законъ 3 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки.

Итогомъ всѣхъ работъ по вопросамъ пенитен-

— 15 —

ціарнымъ явился вышедшій въ 1889 г. курсъ „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ“. Работа эта, съ одной стороны, представляетъ теоретическую разработку вопросовъ, относящихся къ общей части уголовного права, какъ вопросы о субъектѣ права наказанія, о примѣненіи наказанія (опредѣленіи, замѣнѣ и погашеніи его), о системѣ карательныхъ мѣръ, съ другой, суммируетъ рядъ изслѣдованій автора въ области пенитенціарной науки. Въ составъ этого курса авторъ включилъ и свою теорію борьбы съ преступностью, какъ съ проявленіемъ особыхъ личныхъ свойствъ дѣятели, своего рода прототипъ теоріи опаснаго состоянія. Я не въ состояніи, конечно, здѣсь дать оцѣнку этого капитальнаго произведенія, явившагося продуктомъ 15-лѣтней работы надъ вопросами наказанія. Укажу только, что она вызвала живой интересъ не только у насъ, гдѣ она была первымъ трудомъ въ этой области, трудомъ, покоящимся на обширныхъ самостоятельныхъ изысканіяхъ въ этой области, но и на Западѣ среди тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые были знакомы съ русскимъ языкомъ ¹⁾. Съ момента появленія „Ученія о наказаніи“ творчество Фойницкаго въ этой области замираетъ почти совершенно. Статья „О научной разработкѣ исторіи наказанія“, посвященная раз-

¹⁾ См. критическій отзывъ Wesnitsch въ Zeitschrift, List'a В X. Н. 3.

— 16 —

бору книги Н. Д. Сергѣевского „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“, и вышедшая вскорѣ послѣ курса, представляетъ, пожалуй, единственную работу въ этой области. И несмотря на то, что курсъ ученія о наказаніи вскорѣ разошелся и возникла настоятельная необходимость въ новомъ изданіи, Фойницкій не имѣлъ уже времени вернуться къ переработкѣ этихъ вопросовъ.

Кромѣ вопросовъ о наказаніи, во время заграничной командировки 1871 г. И. Я. интересовался еще одной темой законодательствомъ о печати. Онъ имѣлъ въ виду первоначально посвятить докторскую диссертацию этому вопросу, интересовавшему молодого автора всецѣло тогда проникнутаго идеями либерализма. Онъ привезъ по этому вопросу изъ заграницы громадную литературу и обильныя выписки изъ книгъ. Но тема эта осталась незаконченной. Результатомъ работы надъ этимъ вопросомъ явились лишь двѣ обширныя статьи: „Міровая эволюція законодательства о печати“ (Сборн. Гос. Знаній 1875 г.) и „Общегерманское законодательство о печати“ (Вѣстникъ Европы, 1874 г.). Эволюцію законодательства о печати Фойницкій дѣлилъ на три періода: вотчино-попечительный, полицейскій и правовой. Въ первомъ періодѣ правительство распространяетъ свое безусловное господство надъ извѣстными группами явленій и фактовъ и устраняетъ всякое вмѣшательство чуж-

— 17 —

дыхъ ему элементовъ: правительство считаетъ себя единственнымъ источникомъ и судьбою народной нравственности, религіи и образованія. Обширная сфера фактовъ становится запретнымъ плодомъ для печатнаго станка, и контроль надъ публичной мыслью распредѣляется между множествомъ различныхъ государственныхъ учреждений соотвѣтственно характеру лежащихъ на нихъ правительственныхъ функций. Иная картина представляется въ періодъ полицейскій. Личныя репрессивныя мѣры выходятъ изъ употребленія; государство начинаетъ больше бороться съ мнѣніями, а не лицами, исключенія остаются лишь для наиболѣе тяжкихъ случаевъ. Для борьбы съ мнѣніями государство прибѣгаетъ къ мѣрамъ внѣшняго предупрежденія, имѣющимъ цѣлью воспрепятствовать напечатанію и обнародованію такихъ произведеній, со стороны которыхъ оно опасается вреда. Частные интересы здѣсь поглощаются соображеніями общественнаго спокойствія и безопасности, и произведенія, имѣющія наибольшій сбытъ, вызываютъ наиболѣе энергичное противодѣйствіе государства. Наконецъ, правовой періодъ кладетъ опредѣленныя границы вмѣшательству государства, проводя различіе между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безотвѣтственнымъ. Къ области послѣдняго относится всякое слово, которое не можетъ быть причиной правонарушенія въ смыслѣ

— 18 —

юридическомъ, а такой характеръ носить всякое слово, остающееся въ сферѣ отвлеченныхъ, абстрактныхъ понятій. До тѣхъ поръ, пока слово не выходитъ изъ этой сферы общаго, пока оно не касается конкретно опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридическимъ мѣрамъ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Несмотря на нѣкоторую неопредѣленность, разграниченіе это въ общемъ удачно проводило грань между полицейской и правовой регламентаціей печати. Оно должно было быть положено въ основу догматическаго изслѣдованія законодательства о печати. Но на порогѣ этого вопроса работа остановилась и авторъ къ ней больше не возвращался.

Вниманіе его почти цѣликомъ приковывается къ разработкѣ догмы матеріальнаго и процессуальнаго отечественнаго права области, которая болѣе всего упрочила за нимъ репутацію выдающагося ученаго. Многія обстоятельства способствовали тому, чтобы богатый и разносторонній талантъ И. Я. Фойницкаго направился именно въ эту сферу. Факультетъ съ 1874 г. поручаетъ ему чтеніе курса уголовного права, который онъ читаетъ до 1882 г. Съ 1876 г. онъ назначается на должность товарища оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, въ каковой должности ему постоянно приходится встрѣчаться съ догматическими вопросами всякаго рода. Наконецъ, привлеченіе его въ 1882 г.

— 19 —

въ составъ редакціонной комисіи для выработки новаго уголовного уложенія окончательно повліяло на ходъ дальнѣйшей научной дѣятельности И. Я. Фойницкаго. Изъ области матеріальнаго права особенно внимательно разрабатываются вопросы объ имущественныхъ преступленіяхъ, лучше всего изученные авторомъ во время работы надъ магистерской диссертацией о мошенничествѣ. Изъ подъ его пера послѣдовательно выходятъ статьи „Объ укрывательствѣ вещей, добытыхъ преступленіемъ“ (1873) „О преступномъ присвоеніи чужого вѣреннаго имущества“ (1879 г.) „Объ обманѣ въ договорахъ“ (1880) и, наконецъ, въ 1890 г. появляется въ печатномъ видѣ „Курсъ уголовного права. Часть особенная“, посвященный преступленіямъ противъ личности и имущества въ цѣломъ. Работа эта выдержала пять изданій (послѣднее въ 1912 г.) и до сихъ поръ является непревзойденнымъ по полнотѣ и тонкости догматической разработки учебникомъ особенной части. На ряду съ созданіемъ ряда интересныхъ конструкцій для русскаго права, позднѣе усвоенныхъ практикой и отразившихся въ уголовномъ уложеніи 1903 года, она суммируетъ постановленія трехъ главнѣйшихъ западныхъ странъ Англіи, Франціи и Германіи, полна самостоятельныхъ историческихъ экскурсовъ и основана на тщательномъ знакомствѣ съ западной научной литературой. Большинство русскихъ криминалистовъ

2*

— 20 —

училось по этой книгѣ, и она впервые указывала имъ, какъ слѣдуетъ понимать и толковать уголовное право.

Область вопросовъ общей части, эта, казалось бы, наиболее благодарная сторона творчества для юриста, обладающаго широкимъ теоретическимъ горизонтомъ, нашла себѣ мало мѣста въ печатныхъ работахъ покойнаго. Въ этой области можно указать лишь нѣсколько блѣдную по содержанию вступительную лекцію въ курсъ уголовного права, напечатанную въ 1873 г., статью „Уголовно-правовая доктрина о соучастіи“ (Юрид. Вѣст. 1891 г.) и доклады петербургскому конгрессу— объ отвѣтственности малолѣтнихъ и парижскому пенитенціарному съѣзду о рецидивѣ. Между тѣмъ Фойницкій считался выдающимся теоретикомъ и ему принадлежитъ немало оригинальныхъ теорій именно въ области общей части. Его теорія личнаго состоянія преступности, какъ основы уголовной отвѣтственности, представлялась интересной попыткой комбинировать старые принципы классической школы съ требованиями позитивныхъ школъ антропологической и социологической. Его учение о соучастіи, впервые возставшее противъ ряда пережитковъ солидарной отвѣтственности въ этой области, оказало замѣтное вліяніе на западную доктрину и законодательство. Послѣ того какъ статья о соучастіи была напечатана въ журналѣ проф. Листа (1892), въ пользу

— 21 —

этой теории высказались такие авторитеты, какъ Лилленталь, Ламмашъ, Листъ и Цурхеръ. По вопросу о причинной связи, о свободѣ воли, о вѣроятности мы находимъ интересныя страницы въ его монографіяхъ и курсахъ. Отсутствие цѣлостнаго изложенія теории общей части можно объяснить лишь той повышенной требовательностью, которую предъявлялъ къ себѣ авторъ. Послѣ смерти И. Я. остались многочисленныя рукописи, посвященныя разработкѣ вопросовъ общей части. Въ этихъ рукописяхъ имѣются почти всѣ отдѣлы; многіе изъ нихъ изложены въ пяти-шести вариантахъ. Всѣ эти рукописи относятся къ 70—80 г.г.; послѣ этого времени авторъ, отойдя отъ преподаванія матеріальнаго права, не имѣлъ ни времени, ни силъ вернуться къ ихъ переработкѣ, хотя изданіе общей части было всегдашнею его цѣлью. При пересмотрѣ этихъ рукописей убѣждаешься, что многое, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, несомнѣнно представляетъ научный интересъ и достойно печати даже въ неотдѣланномъ видѣ. Въ нѣкоторой мѣрѣ эти рукописи были использованы авторомъ для популярнаго изложенія исторической эволюціи русскаго уголовного права въ изданіи *Die Strafgesetzgebung der Gegenwart*, появившемся только на нѣмецкомъ языкѣ.

Н. В. Терзиев¹

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОДОВОЙ (ГРУППОВОЙ) ПРИНАДЛЕЖНОСТИ² (извлечение)

1. Тожество и родовая (групповая) принадлежность. Значение установления тождества и родовой (групповой) принадлежности в судебно-следственной практике

При расследовании преступлений часто возникает надобность в установлении тождества тех или иных объектов. Так, например, может быть необходимым установление оружия, из которого был произведен выстрел, установление человека, оставившего следы рук на месте преступления, опознание потерпевшим похищенного у него имущества и др.

Такое установление конкретного единичного объекта в различных его состояниях или проявлениях называется идентификацией. Этот термин происходит от латинского слова *idem* — тот же самый. В русском языке он равнозначен термину «отождествление».

Надо различать понятия тождества и сходства. Иногда, сопоставляя друг с другом сходные предметы, говорят, что они тождественны между собой. Но такое выражение неправильно. При установлении тождества имеют в виду совпадение совокупности признаков, принадлежащих одному, единственному объекту. Между тем, когда говорят о сходстве, имеют в виду отношение двух или более объектов, совпадение ряда признаков нескольких предметов. Как бы далеко ни простиралось сходство нескольких объектов, оно не является тождеством. Тожество есть равенство объекта самому себе. В то же время оно есть отличие от всего другого³.

Сходство может быть выражено сильнее или слабее, тогда как тождество не имеет степеней. Сходство может с течением времени увеличиваться или уменьшаться, может даже превратиться в различие. Между тем каждый объект, хотя и претерпевает изменения, однако продолжает оставаться тождественным самому себе на всем протяжении своего бытия, пока он существует как таковой.

С другой стороны, в следственной и судебной практике нередко оказывается необходимым определить, к какому роду, виду, группе относится данный объект.

¹ Терзиев (Порошин) Николай Владимирович (1890—1962), советский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, первый руководитель кафедры криминалистики Центральных заочных курсов советского права — ВЮЗИ.

² Терзиев Н. В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности : лекции по криминалистике / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1961. 38 с.

³ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1949. С. 169.

Например, могут быть поставлены вопросы, каким веществом оставлено пятно, какого рода орудием произведен взлом и т.д. Подобные исследования являются определением родовой (групповой) принадлежности.

Между установлением тождества и определением родовой (групповой) принадлежности имеется следующая разница. При идентификации устанавливается, что это тот же самый единичный объект (например, конкретный экземпляр пишущей машины). При определении родовой (групповой) принадлежности констатируется лишь, что исследуемый объект относится к известному классу, является таким же по своему роду или виду (например, является пишущей машиной определенной марки и модели).

Некоторые криминалисты применяют термин «идентификация» в широком смысле, обозначая им как установление единичного объекта, так и определение групповой принадлежности⁴. При этом исследования первого вида называют «индивидуальной», а второго вида — «групповой» идентификацией. Однако в криминалистике в настоящее время более принято ограничивать понятие идентификации установлением индивидуального объекта. Эта терминология отражена и в действующей программе по криминалистике. В целях единообразного понимания соответствующих вопросов мы придерживаемся в настоящей работе терминов «установление тождества» и «определение групповой принадлежности».

Выше было указано на различие понятий тождества и групповой принадлежности. В судебно-следственной практике, особенно при формулировке выводов и оценке результатов исследования, нельзя допускать смешения этих понятий.

Н. А. Селиванов приводит в этом отношении следующий случай из практики⁵. Шофер Ч. обвинялся в преступном нарушении правил вождения транспорта. Для установления того обстоятельства, что наезд был совершен автомобилем, которым управлял Ч., была назначена экспертиза следов шин, оставшихся на месте происшествия. Изучив признаки следов и сопоставив их с признаками ходовых частей автомобиля, на котором ездил Ч., эксперт пришел к выводу, что, судя по ширине колеи и другим общим признакам, следы оставлены автомобилем марки ГАЗ-93. Между тем суд в приговоре записал: «Заключением криминалистической экспертизы установлено, что следы... оставлены автомобилем ГАЗ-93, номерной знак 75-12». Это не соответствовало сущности заключения эксперта, определившего групповую принадлежность машины, а не конкретный автомобиль.

Дифференцируя понятия тождества и групповой принадлежности, надо в то же время отметить их связь в ходе исследования. Определение групповой принадлежности является обычно необходимым этапом, первой ступенью установления тождества. Так, например, если нужно идентифицировать оружие по стреляной пуле, сначала сопоставляют признаки, характеризующие вид и модель оружия (его калибр и др.), а затем переходят к изучению следов мелкого рельефа канала ствола, которые указывают на конкретный экземпляр оружия.

⁴ В дальнейшем изложении мы будем называть для краткости определение родовой (групповой) принадлежности просто определением групповой принадлежности.

⁵ См.: Селиванов Н. А. Установление групповой принадлежности объектов в судебной экспертизе // Советская криминалистика на службе следствия : сб. статей. М., 1960. № 14.

При расследовании преступлений наибольшую ценность представляет установление конкретного единичного объекта. Так, например, для определения обуви по ее следам надо выявить не только однородность вида, фасона и размера, но и совпадение комплекса индивидуальных признаков, доказывающее, что следы оставлены именно данной обувью.

В одном из поселков Н-ской области в ночь с 12 на 13 июля 1959 г. была совершена квартирная кража. Преступник проник в дом через окно, сломав стекло. При осмотре места преступления под окном, на цветочной клумбе, были обнаружены вдавленные следы обутых ног. Видимо, они были оставлены сапогами 42—43 размера. В следе правой ноги, в области каблука, была заметна вмятина от набойки. С одного из следов был изготовлен гипсовый слепок. Подозрение в совершении кражи пало на местного жителя Р. При обыске у него, однако, не было найдено ни похищенных вещей, ни обуви с набойкой. По словам Р., у него имелись только резиновые сапоги. Однако лица, знавшие Р., показали, что недавно у него были другие, кожаные сапоги, причем незадолго до кражи он отдавал их в починку.

Следователь изъясил «в сапожной мастерской корешок квитанции на сдачу Р. яловых сапог в ремонт. Мастер, чинивший обувь, показал, что им в начале июля была сделана набойка на каблук правого сапога Р. Будучи допрошен по этому вопросу, подозреваемый объяснил, что у него ранее были кожаные сапоги, но за десять дней до того, как случилась кража, он обменял их с неизвестным ему человеком на резиновые. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что 15 июля (т.е. через два дня после кражи) Р. продал свои яловые сапоги гр-ну Ш. Они были изъяты у последнего.

Однако Р. продолжал упорно отрицать совершение им преступления и заявил, что не продавал гр-ну Ш. никакой обуви, что же касается сапог, изъятых у Ш., то они, хотя и похожи на его собственные, но значительно более изношены. Между тем сапожный мастер опознал в предъявленных ему яловых сапогах, изъятых у Ш., те самые сапоги, которые он ремонтировал для Р., а эксперт, которому были посланы для сравнения яловые сапоги, изъятые у Ш., и слепок, полученный со следа обуви на месте преступления, установил, что этот след был оставлен данными сапогами. После предъявления Р. акта экспертизы он признался в краже и показал место, где были спрятаны похищенные вещи.

Таким образом, лишь установление конкретного экземпляра обуви, которой были оставлены следы, помогло изобличить преступника.

Отмечая преимущественную ценность установления единичного объекта при криминалистических исследованиях, нельзя в то же время недооценивать значение, которое имеет определение групповой принадлежности.

Установление единичного конкретного объекта не всегда возможно. Нередко это зависит от недостаточного отображения индивидуальных особенностей объекта в следе, что, в свою очередь, обуславливается характером следообразующего объекта, свойствами следовоспринимающей поверхности или механизмом возникновения следа. Так, например, при взломе преграды с помощью напильника в ряде случаев удается определить тип напильника и класс насечки, т.е. групповые признаки; однако установление конкретного напильника по оставленным им следам как общее правило невозможно, поскольку последующие движения зубьев напильника уничтожают следы, образованные предыдущими движениями.

Затруднительность установления конкретного единичного объекта может вызываться неразработанностью надлежащей методики в науке. Так, еще недавно считалось невозможным индивидуализировать орудие, которым произведено сверление деревянной преграды; полагали, что можно определить только вид орудия. Это происходило потому, что при осмотре и изучении следов не обращалось должного внимания на стружку, образующуюся в процессе сверления. Дальнейшие исследования показали, что возможно отождествление сверла по упомянутой стружке⁶.

С течением времени по мере усовершенствования методики криминалистических исследований все более расширяются перспективы идентификации, выясняется возможность индивидуализации объектов в таких случаях, когда ранее приходилось довольствоваться установлением групповой принадлежности. Однако область применения последней все же остается значительной.

Определение рода, вида, группы, к которой откосится объект, интересующий следственные органы, используется при разработке версий, суживает круг поисков, облегчает и ускоряет их. Приведем пример.

В районном центре неизвестное лицо систематически рассылало анонимные письма клеветнического содержания, порочившие гр-на К. Потерпевший обратился с жалобой в следственные органы. Письма были напечатаны на пишущей машине. Прежде всего было установлено, что все письма выполнены на одной и той же машине. Затем по шагу главного механизма и другим признакам, характеризующим тип и модель машины, было выяснено, что письма напечатаны на машине определенной модели. Такие машины имелись в данном городе в двух учреждениях. Следователь собрал образцы шрифта этих машин и направил их вместе с анонимными письмами на экспертизу. В результате была найдена машина, на которой печатались клеветнические письма, и обнаружен виновный.

В ряде случаев определение групповой принадлежности позволяет исключить причастность того или иного объекта к расследуемому событию. Это может привести к выяснению невиновности подозреваемого и побудить к выдвижению другой версии взамен отпавшей.

К. подозревался в том, что он проник на приусадебный участок своего соседа во время его отсутствия и из мести порубил молодые фруктовые деревья. Следователь представил на экспертизу кухонный нож, изъятый у К., и части порубленных деревьев. Эксперту был поставлен вопрос, не этим ли ножом произведена порубка. В ходе исследования были поставлены эксперименты, показавшие, что данным ножом нельзя разрезать стволы такой толщины и крепости. Судя по общему виду следов, эксперт предположил, что порубка произведена топором. В ходе дальнейших поисков был выявлен другой подозреваемый. Имевшийся у него топор был изъят и направлен эксперту. Последний установил, что порубка была совершена именно этим топором.

В отдельных случаях определение групповой принадлежности в совокупности с иными обстоятельствами дела указывает на конкретный объект.

⁶ См.: *Литвиненко Л. К.* Методы исследования следов сверления и распила // Криминалистика и судебная экспертиза : сб. научных работ Киевского и Харьковского институтов судебной экспертизы. Киев, 1967. С. 120—121.

Из хранилища была совершена кража. На осколках разбитого оконного стекла были найдены следы пальцев, по которым можно было определить виды узоров, но не удавалось различить детали их строения. Найденные следы были оставлены средним и безымянным пальцами правой руки. Это были два спиральных узора. При осмотре узоров на пальцах рук нескольких лиц, имевших доступ к зданию хранилища, только у одного из них были найдены такие узоры на соответствующих пальцах. Возможность проникновения посторонних лиц по обстоятельствам дела была исключена. В данной связи установление однородности узоров в следе и на пальцах рук подозреваемого лица представляло важную улику.

При определении групповой принадлежности имеют дело с общими понятиями, т.е. с понятиями, относящимися к целой группе объектов. Объем такого понятия может быть шире или уже. В криминалистике предпочитают оперировать более узкими понятиями, обнимающими меньшее количество объектов.

Если два общих понятия подчинены друг другу, то более общее (подчиняющее) понятие является по отношению к другому, менее общему (подчиненному), родовым, а второе относительно первого — видовым. Например, понятие «огнестрельное оружие» может рассматриваться как родовое, а понятие «пистолет» — как видовое. Подчиненность понятий может иметь несколько ступеней (например, род, вид, разновидность). Так, пистолеты калибра 9 мм суть разновидность пистолетов. Можно представить себе и более дробные подразделения упомянутого ряда. Например, понятие «пистолет калибра 9 мм системы Макарова» явилось бы дальнейшей детализацией искомого оружия.

Идя по пути уменьшения объема понятия, мы все более и более конкретизируем и уточняем его групповую принадлежность.

В этом направлении заслуживают внимания исследования, проделанные за последние годы советскими криминалистами — М. Я. Сегаем, В. С. Митричевым и другими — по установлению происхождения различных объектов из определенного источника.

Так, в работе М. Я. Сегая указываются признаки, по которым можно установить по следам ног производственное происхождение низа обуви на резиновой формованной подошве фасона «ЗА». Эти подошвы, хотя и изготавливаются на разных заводах по единым моделям (что обуславливает одинаковость общих контуров и размеров подошвы и ободка для каждого из размеров обуви), различаются между собой при изготовлении на отдельных предприятиях по взаиморасположению шипов, а в некоторых номерах обуви и по количеству шипов⁷.

В. С. Митричев провел работу по дифференциации материала фарных рассеивателей в зависимости от производства стекла для этих рассеивателей на разных предприятиях и даже на одном и том же заводе, но в разное время (путем спектрального анализа химического состава стекла)⁸.

⁷ См.: *Сегай М. Я.* Идентификационное значение признаков обуви механического пошива на резиновой формованной подошве фасона «ЗА» при экспертизе следов ног // Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистической экспертизы. М., 1958. С. 134—146.

⁸ См.: *Митричев В. С.* Криминалистическое исследование некоторых видов вещественных доказательств методом эмиссионного спектрального анализа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960. С. 19.

Такие исследования обещают еще более повысить роль определения групповой принадлежности в криминалистике.

2. Исходные положения теории идентификации и определения родовой (групповой) принадлежности в советской криминалистике

Основой установления тождества и групповой принадлежности объектов является теория познания диалектического материализма.

Наше знание, обусловленное и проверенное практикой, дает истинную картину материального мира, его предметов и явлений. Это положение диалектического материализма обеспечивает уверенность в том, что при соблюдении правильной методики исследования эксперт, следователь, судья могут сделать верные выводы о наличии или отсутствии тождества и по вопросам определения родовой (групповой) принадлежности объектов.

Материальный мир чрезвычайно многообразен. Каждый предмет его обладает определенной совокупностью свойств, присущих ему одному, и является индивидуальным.

Идентификация объектов и установление их групповой принадлежности обуславливаются качественной определенностью вещей.

Может возникнуть вопрос, как согласовать эту определенность вещей с их изменчивостью.

Известно, что в природе нет неизменных вещей. В противоположность метафизическому пониманию тождества как абстрактного, неизменного диалектический материализм рассматривает его как конкретное, подвижное. Энгельс писал: «Истинное конкретное тождество содержит в себе различие, изменение...». «Каждое тело непрерывно подвержено механическим, физическим, химическим воздействиям, которые все время производят в нем изменения, модифицируют его тождество»⁹.

Несмотря на всеобщую изменчивость вещей, возможность установления их тождества не утрачивается.

Как отмечает М. М. Розенталь, «вещь... не есть ни абсолютная изменчивость, ни абсолютная устойчивость, а единство устойчивости и изменения. Каждая вещь находится в состоянии устойчивости, поскольку она в течение какого-то времени пребывает, остается сама собой. В то же время вещь находится в состоянии движения, развития. Так как она развивается, изменяется, хотя это развитие на первых порах приводит лишь к количественным, а не качественным изменениям, то устойчивость ее не абсолютна, а относительна. И наоборот, в силу того, что развитие не приводит и не может приводить сразу к коренному качественному изменению, ее изменчивость имеет также не абсолютный, а относительный характер»¹⁰.

Объекты криминалистического исследования подвергаются с течением времени различным изменениям. Эксплуатация пишущей машины влечет за собой

⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 169—170.

¹⁰ Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 236.

износ шрифта, проявляющийся в деформации отдельных знаков и отпадении их мелких деталей, обуславливает расшатывание и искривление литерных рычагов, в результате чего наблюдаются отклонения знаков от их нормального положения на линии строки. Внешность человека изменяется в течение его жизни под влиянием факторов возрастного характера, заболеваний, травм и т.д.

Однако ввиду относительного характера изменчивости соответствующих объектов и наличия их относительной устойчивости возможность идентификации сохраняется.

Каждый объект имеет много разнообразных признаков и свойств. Они с течением времени подвергаются изменениям в неодинаковой степени. Одни изменения происходят быстрее и сильнее, другие — медленнее и слабее.

Когда говорят об изменяемости вещей, то, как правило, имеют в виду более или менее длительный период времени. Изменения происходят, но, как отмечено выше, они сначала носят количественный характер; лишь когда в результате накопления количественных изменений они переходят в качественные, обнаруживается наступившая перемена.

Значительные изменения объектов сравнительно продолжительное время могут касаться только некоторых свойств и признаков, в связи с чем сохраняется возможность произвести идентификацию по другим свойствам и признакам, мало затронутым изменениями.

При криминалистических исследованиях основываются преимущественно на свойствах и признаках, отличающихся наибольшей относительной устойчивостью. Пальцевые узоры, служащие для идентификации личности, практически постоянны в течение всей жизни человека. При отождествлении человека по чертам внешности особенное внимание уделяется признакам, определяемым костно-хрящевой основой и поэтому более устойчивым (линии лба, носа и подбородка, признаки ушной раковины и др.).

Промежуток времени с момента первого наблюдения объектов идентификации или возникновения их следов до момента идентификации обычно бывает при криминалистических исследованиях небольшим. За этот период свойства и признаки не успевают претерпеть существенных изменений.

При криминалистических исследованиях принимают специальные меры предосторожности, чтобы обеспечить неприкосновенность и сохранность вещественных доказательств.

В результате, несмотря на относительную изменчивость объектов, в большинстве случаев оказывается возможным успешно произвести отождествление.

Что касается определения групповой принадлежности, то надо иметь в виду следующие соображения. Общие понятия являются формой отражения групповых свойств и признаков вещей объективного мира в сознании человека. С течением времени появляются новые виды и разновидности вещей. По мере развития человеческого знания изменяется, усовершенствуется классификация вещей. Тем не менее определение групповой принадлежности сохраняет свое значение в судебно-следственной практике ввиду относительной медленности указанных изменений; при расследовании же преступлений имеют дело, как правило, с познанием фактов, относящихся к недавнему прошлому.

3. Место, занимаемое теорией идентификации и определения родовой (групповой) принадлежности, в курсе криминалистики. К вопросу об особенностях применения идентификации и определения родовой (групповой) принадлежности в криминалистике по сравнению с другими науками

1. С. М. Потапов, являвшийся инициатором разработки вопросов теории идентификации в советской криминалистике, высказывал мысль, что идентификация представляет собой универсальную методологию криминалистики, объединяющую «в систему» методы самых разнообразных и многочисленных научных достижений в качестве частных криминалистических методов¹¹.

Нельзя присоединиться к такому пониманию идентификации и ее роли в криминалистике.

С. М. Потапов слишком широко трактовал понятие идентификации, описывая ее как установление «тождества или отсутствия тождества того или иного факта с доказательством истины по данному делу¹². При таком понимании идентификация охватывает, в сущности, всю познавательную деятельность в процессе расследования. Получается, что всякое суждение представляет собой идентификацию.

Основной методологией криминалистики, как и всех наук, является не теория идентификации, а диалектический метод.

Наконец, спорно само наименование идентификации «методом». Она, с одной стороны, представляет собой задачу исследования — отождествление объекта, а с другой стороны, означает процесс исследования с целью разрешения вопроса о наличии или отсутствии тождества. Идентификация сама имеет свои рабочие методы, из которых главным служит сравнение.

Если С. М. Потапов чрезвычайно широко понимал идентификацию и ее роль в криминалистике, то некоторые другие авторы необоснованно суживают рамки идентификации, относя ее только к области экспертизы. Эта точка зрения представляется нам неправильной по следующим основаниям:

- а) идентификация в форме опознания может производиться свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми, подсудимыми;
- б) отрицательное решение вопроса о тождестве в ряде случаев может быть произведено следователем, не прибегая к экспертизе. Так, например, следователь в ряде случаев сам может установить, что отпечаток печати на исследуемом документе поставлен не той печатью, которая применяется в данном учреждении, ввиду явных различий отпечатка и печати по форме, по расположению текста и т.д.

Что касается определения групповой принадлежности, то не только отрицательное, но иногда и положительное разрешение вопроса осуществляется следователем в оперативных целях без назначения экспертизы. Так, например, найдя на месте преступления стреляную гильзу калибра 7,62 мм бутылочной формы, с грушевидным следом бойка ударника, следователь сам может определить, что данная гильза была выстрелена из пистолета системы «ТТ», чтобы ориентироваться при дальнейших розысках пистолета.

¹¹ Потапов С. М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 3—4.

¹² Потапов С. М. Введение в криминалистику. С. 7.

Таким образом, следует прийти к выводу, что в судебно-следственной практике для разрешения вопросов о тождестве и групповой принадлежности не всегда требуется производство экспертизы.

Теория идентификации и определения групповой принадлежности не может рассматриваться в криминалистике лишь в связи с изучением вопросов экспертизы, но имеет значение и для других разделов курса.

Некоторые криминалисты, пользуясь термином «идентификационная экспертиза», высказываются в том смысле, что специфика криминалистической экспертизы вообще заключается в разрешении вопросов о тождестве и что «классификационная экспертиза», понимаемая как определение групповой принадлежности, относится к компетенции других дисциплин — химии, биологии, товароведения и т.д.

Эта точка зрения представляется спорной. Нельзя ставить знак равенства между криминалистической и «идентификационной» экспертизой. Идентификация часто является предметом криминалистической экспертизы, но далеко не единственным. При криминалистических экспертизах нередко разрешаются вопросы о механизме и условиях образования следов, о выявлении невидимого и т.д. (о способе взлома, дистанции выстрела, направлении и скорости движения транспорта, наличии подделки в документе, давности возникновения следов и др.).

Далее, практика показывает, что при производстве криминалистических экспертиз нередко разрешаются вопросы не только о тождестве, но и об определении групповой принадлежности. Достаточно вспомнить об определении вида орудия взлома, системы оружия, марки автомобиля и т.д. Почти каждая экспертиза по установлению тождества включает в качестве своей необходимой части вопросы определения групповой принадлежности. Таким образом, было бы неправильным исключать «классификацию» из компетенции криминалистической экспертизы.

2. Задача установления тождества и определения групповой принадлежности имеет важное значение во многих науках — истории, археологии, искусствоведении, химии и т.д. Возникает вопрос, имеются ли особенности применения идентификации и определения групповой принадлежности в криминалистике по сравнению с иными науками и в чем состоят эти особенности.

Указанный вопрос за последнее время был наиболее полно разработан М. Я. Сегаем¹³. Он отмечает следующие характерные черты применения идентификации в криминалистике:

- а) результаты идентификации служат в уголовных и гражданских делах судебными доказательствами; в связи с этим предъявляются специальные требования к методике исследования и фиксации;
- б) в отличие от других наук, в криминалистике имеет важное значение установление не только тождества, но и различия объектов;
- в) главной задачей идентификации в криминалистике является установление тождества индивидуально определенных объектов, тогда как в других науках эта задача ставится весьма редко, в виде исключения;

¹³ См.: *Сегай М. Я.* Криминалистическая идентификация // Криминалистика и судебная экспертиза : сб. науч. работ Киевского и Харьковского институтов судебной экспертизы. Киев, 1957. С. 13—15.

г) при криминалистических исследованиях пределы изучения групповой принадлежности значительно шире по сравнению с химией, физикой, биологией, поскольку в криминалистике используются такие свойства сравниваемых объектов, которые вызываются случайными причинами.

По этим соображениям М. Я. Сегай предлагает выделить криминалистическую идентификацию в особый вид.

Рассмотрим в кратких чертах эти доводы.

Первый из них не вызывает возражений. То обстоятельство, что криминалистика имеет дело с объектами, служащими судебными доказательствами, на которых строится судебный приговор или решение, предъявляет высокие требования к безупречности методики и достоверности выводов.

Второй довод представляется спорным. При исследовании вопроса о тождестве как в криминалистике, так и в других науках главный интерес представляет констатация тождества, а не различия. Случаи, когда при расследовании преступлений можно удовлетвориться отрицательным разрешением вопроса о тождестве, гораздо менее типичны. Например, если в результате экспертизы выясняется, что исследуемый документ напечатан не на данной пишущей машине, то принимаются меры к установлению той машины, на которой он исполнен.

С другой стороны, такие случаи, когда процесс исследования заканчивается установлением различия, наблюдаются не только в криминалистике, но и при исследованиях в других областях.

Два остальных довода справедливы в отношении не всех наук. В искусствоведении, как правило, ставятся вопросы именно об установлении индивидуально определенных объектов. При археологических исследованиях широко используются и так называемые случайные признаки.

В итоге следует прийти к заключению, что некоторые особенности применения идентификации и определения групповой принадлежности в криминалистике в основном обуславливаются использованием результатов исследования в качестве судебных доказательств. Эти особенности относятся, однако, не только к криминалистике, но и к смежным с ней дисциплинам — судебной медицине, судебной химии и т.д. Если уж говорить о «криминалистической» идентификации, то более последовательно называть ее судебной идентификацией.

В. Л. Громов и Н. Лаговьер
**ИСКУССТВО РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹** (извлечение)

**Искусство расследования преступлений
и анализ доказательственных улик**

Деятельность органов, призванных законом к борьбе с преступлениями, в той части, которая относится к процессу расследования преступлений, складывается из целого ряда разнообразных и часто технически весьма сложных актов.

Эти акты или действия органов милиции, уголовного розыска и предварительного следствия в конечном итоге направлены к единой цели установления доказательств в каждом отдельном уголовном деле, находящемся в стадии расследования. Самый же процесс установления доказательств совмещает в себе отдельные моменты, относящиеся к собиранию, исследованию и оценке доказательственных фактов или улик.

Только все доказательства, установленные по делу, в их совокупности кладутся при окончательном разрешении дела в основу приговора суда.

Отсюда понятно, какое огромное значение при расследовании преступлений, в процессе собирания, исследования и оценки доказательств имеют как соблюдение всей сложной техники расследования, так и правильное применение методов исследования истины в уголовных делах.

Главными и наиболее общими требованиями, обуславливающими достижение истины в уголовном деле, в отношении доказательственных фактов, подлежащих проверке и исследованию на суде, учение о доказательствах признает следующие:

1. Все доказательственные факты, устанавливаемые при производстве расследования, должны иметь характер достоверности. Поэтому все фактические обстоятельства, которыми доказывается состав преступления в данном деле, должны быть выяснены и проверены настолько, чтобы наличность их существования была очевидной и достоверность их не подлежала сомнению. Это относится как к физическим фактам, т.е. к действиям (или, наоборот, бездействию), событиям и последствиям, из которых складывается состав исследуемого социально опасного деяния, так и к фактам психологического характера, относящимся к личности совершителя преступления или других прикосновенных к делу лиц и определяющим степень вменения и ответственности обвиняемого, степень сознательности, правдивости, правильности внутренних восприятий и вообще психического состояния тех или других лиц, показания которых выступают доказательствами в деле.

¹ Громов В. И., Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений : достижения и недочеты розыскной и следственной практики : опыт анализа доказательственных улик : пособие для органов расследования. М. : Госюриздат, 1930.

2. Отсюда вытекает и с этим первым требованием связано требование о надлежащей полноте доказательств. Расследование должно охватить и осветить все стороны данного исследуемого дела: все отдельные моменты преступного деяния должны быть выяснены (время, место, обстановка преступного деяния, цели и мотивы его совершения и т.п.); все вопросы, возникающие при расследовании и имеющие непосредственное или косвенное отношение к исследуемому преступному деянию, должны получить те или другие точные ответы, в пределах возможных достижений, которыми располагает аппарат расследования. Собранные по делу доказательства должны иметь исчерпывающий характер.

3. Истинность доказательств, в смысле «чистоты» источника, откуда получены эти доказательства, является третьим требованием, касающимся значения доказательственных фактов в уголовном деле, что также связано с требованием достоверности доказательств. Всякие слухи, неизвестно откуда исходящие, анонимные заявления, факты, передаваемые как сплетни или предположения, — не могут служить в деле доказательственными уликами, если они не проверены или при проверке не подтвердились. Это требование обязывает расследующий орган относиться осторожно ко всякого рода неясным, неточным, имеющим подозрительный характер или прямо лживым и подложным сведениям и источникам доказательств и подвергать их в каждом отдельном случае серьезнейшей проверке для установления их «чистоты» или истинности.

4. Наконец, всесторонность и объективность оценки доказательств является также существенным требованием и предпосылкой успешного и правильного расследования. Поэтому при расследовании представляется недопустимым принятие за улику добытого факта ни на основании произвольного предположения, не подтверждаемого доказательствами, ни на основании одностороннего предвзятого предположения, которое, хотя и имеет под собой кое-какие видимые основания в известной стадии расследования, но опровергается в процессе дальнейшего хода следствия. Чтобы приобрести значение доказательства, каждый факт, допускающий альтернативное объяснение, должен получить подтверждение в ту или другую сторону другими фактами, имеющими характер достоверности.

Только при соблюдении всех этих условий, а именно при полной достоверности собранных по делу доказательств, при условии полноты обследования всех существенных обстоятельств дела, при не вызывающей сомнения в подлинности и чистоте источников доказательств и при всесторонней объективной их оценке расследование может дать суду надлежащий материал для правильного суждения по делу.

В соответствии с предъявленными основными требованиями к уголовным доказательствам теория и практика расследования уголовных дел дает нам и целый ряд правил, относящихся к порядку и способам исследования доказательств, которые будут нами даны ниже при изложении отдельных случаев в очерках этой книги.

Само применение методов и приемов уголовного расследования, как мы укажем далее, кроме того, требует некоторого искусства в пользовании ими.

Под искусством в области расследования преступлений мы понимаем умение, в отдельных наиболее сложных случаях, собрать и закрепить в актах расследования наиболее полноценный материал по делу, используя при этом методы,

приемы и научно-технические способы исследования, дать правильное объяснение отдельным неясным и загадочным моментам в деле, дать надлежащую оценку обнаруженных фактических данных и наметить правильные начальные пути, по которым расследование может безошибочно напасть на след совершителя преступления.

К сожалению, до сих пор у нас наряду с достижениями в области розыскного и следственного дела имеется ряд упущений и дефектов, с некоторыми из которых мы встретимся в последующем изложении. Мы поставили себе задачей в настоящей книге дать некоторое углубление практической работе этих работников и в виде опыта дать для них пособие, основанное на анализе отдельных казусов уголовной советской практики последних лет.

Нередко одни преступления, которые в момент их обнаружения казались просто объяснимыми и по которым расследование в самом начале уже давало как будто полную картину совершившегося, в дальнейшем затемнялись целым рядом случайных побочных обстоятельств и мелочей, которые мешали точному выяснению и установлению основных моментов расследования.

С другой стороны, преступления, совершители которых в момент обнаружения этих преступлений не были найдены и бесследно скрылись, оставались совсем не раскрытыми, и дело представлялось «загадочным», или, в лучшем случае, в процессе расследования добывались более или менее веские, а иногда и сомнительные «косвенные» улики против заподозренных лиц, на основании которых эти лица и привлекались затем к следствию в качестве обвиняемых.

Наблюдались в практике и случаи другого порядка. Одно какое-либо сложное и запутанное дело о преступлении, которое казалось вначале загадочным, быстро затем развертывалось и, благодаря усилиям агентов розыска и следствия, получало всестороннее освещение, являя в конечном итоге вполне раскрытое преступление, совершители которого были найдены и изобличены; и в результате следствие давало полную и яркую картину преступления.

В подобных случаях сравнительно различные результаты расследований, сравнительная успешность одних или неудача других, полнота обследования или, наоборот, недостаточная разработка материалов дела, наконец, ошибки или исключительные достижения в работе по расследованию объясняются, с одной стороны, различной подготовкой лиц, принимавших участие в расследовании, их сравнительно различным опытом; с другой стороны, сложностью и трудностью исследования дел, требующих приложения к данному индивидуальному случаю правил научно-уголовной техники и установленных наукой и принятых процессуальной практикой методов исследования и оценки доказательств.

Знание этих методов и навык в приложении их на практике — таков путь к качественно удовлетворительному следствию.

Навыки и опыт в искусстве расследования, получаемый в результате длительной разработки отдельных дел, возникающих каждое в своеобразной обстановке, все же дает возможность при изучении процесса расследования уже законченных дел прибегнуть к ряду объективных, более или менее достаточных технических приемов, обеспечивающих успешное расследование дела. Нельзя утверждать, что расследование есть только одно искусство; техника знает и здесь ряд приемов, которые более или менее обеспечивают от ошибок. Конечным идеалом

является такое положение вещей, при котором следственная деятельность органов по расследованию преступлений будет по возможности расчищена от всяких ошибок. Это, конечно, идеал, но тем не менее нет никаких оснований считать, что он является недостижимым.

Указывая, с одной стороны, на важность и сложность работы по расследованию преступлений, отмечая в то же время не всегда и не везде достаточно успешную работу наших органов расследования и учитывая, с другой стороны, существующую потребность в практических пособиях и руководствах в этой области, мы поставили себе задачей на основании изучения нескольких наиболее характерных уже законченных уголовных дел из практики советского пролетарского суда последних лет сделать опыт примерного анализа оценки доказательственных улик в процессе расследования преступлений.

Так как наш труд не преследует задачи дать общее руководство по технике расследования преступлений, а имеет казуальный характер и дает в очерках примерный анализ установления доказательств по отдельным делам, в соответствии с требованиями научно-уголовной и процессуальной техники и учения об уголовных доказательствах, то естественно, что наш метод изложения материалов отличается от плана и системы изложения учебников и руководств по тем же вопросам.

В то время как в учебниках и руководствах по предметам уголовно-процессуального права и по теории и технике расследования материал располагается по предметной программе или в порядке изложения и объяснения отдельных процессуальных моментов с приведением в соответствующих главах для иллюстрации абстрактных или конкретных примеров, мы в своей книге даем изложение содержания целого ряда дел в форме отдельных очерков, причем в каждом очерке излагаем последовательно важнейшие стадии в процессе расследования данного преступления и вместе с тем подвергая критике методы собирания, исследования и оценки доказательств по данному делу, отмечаем в одних случаях ошибки, неправильные уклоны или процессуальные упущения, допущенные, по нашему мнению, в стадии дознания или следствия, а в других случаях указываем положительные результаты и достижения в деле установления доказательств, и попутно же в изложении даем обобщающие выводы, логически вытекающие из сделанного нами разбора и оценки розыскных и следственных действий, произведенных в целях установления доказательств по данному делу.

Из числа многих законченных дел, которые нами изучены и разобраны, мы взяли наиболее типичные казусы, которые дают или примеры образцово проведенного расследования в смысле быстрого, полного и всестороннего выяснения всех фактических обстоятельств дела и полного установления доказательственных улик, или же такие примеры, где в процессе расследования были допущены какие-либо характерные нарушения норм процессуального права или же отклонения от нормальных методов исследования истины и установления и оценки улик.

Кроме того, в настоящее издание включены несколько очерков с анализом некоторых дел, имеющих особо актуальное значение в условиях обострения классово-борьбы.

Предлагая в указанном разрезе описание процессов расследования преступлений по отдельным уголовным делам, проходившим в практике советских судов,

и отмечая то, что было сделано органами розыска и следствия по этим делам и то, что, по нашему мнению, могло и должно было бы быть сделано в пределах использования всех возможностей, которые дает нам техника розыскного и следственного процесса, мы и полагаем, что предлагаемая читателю книга может в указанном отношении оказаться полезной в деле расследования преступлений для наших следователей и органов уголовного розыска, всегда имеющих возможность столкнуться в своей практике со случаями, аналогичными описанным в наших очерках.

Быстрота и полнота планового расследования преступлений. Достижения в практике уголовного розыска (дело об убийстве Ольги Чумаковой)

Выяснение событий, предшествовавших исчезновению Ольги Чумаковой, определившее дальнейшее направление розысков. — Установление промежуточных моментов исследуемого события. — Изъятие из земли трупа неизвестной убитой женщины и установление тождества личности трупа. — Корешки плацкартных билетов как уликовый материал, осветивший существенный момент дела. — Значение повторного обыска у обвиняемого и его результаты. — Исчерпывающий характер установления доказательств в процессе дознания и розыска.

При расследовании загадочных дел об убийствах, где самое преступное событие предполагается только вероятным и где в момент начала расследования не имеется налицо объекта преступления (трупа), в задачу органов дознания и розыска входит прежде всего обнаружение жертвы преступления, нахождение трупа исчезнувшего лица.

В подобных случаях чрезвычайно трудно бывает найти исходную точку и наметить правильный путь, по которому должны быть направлены розыски, и не менее трудно бывает при этом собирать и закреплять объективные данные, которые могут в дальнейшем служить доказательственными фактами по делу. Быстрота темпа розыскных действий и вместе с тем установление связи отдельных эпизодов одного и того же исследуемого события в одну стройную цепь доказательств по намеченному плану, который указывается логикой фактов, обычно в таких случаях обеспечивают успешность расследования.

Так было в деле об убийстве гр. Ольги Чумаковой, раскрытие которого являет образец достижений уголовно-розыскного расследования, и притом такого расследования, в котором быстрота работы розыскной инспектуры сочеталась с исчерпывающей полнотой собранных по делу доказательств, увязанных общим планом, по которому естественно и логически правильно направлялось расследование, ввиду чего легко и в кратчайший срок было раскрыто весьма сложное дело и были всесторонне освещены все моменты такого преступного события, начальный и конечный акты которого раскинулись на далеком протяжении двух соседних губерний. <...>

На одной из окраинных улиц г. Москвы в конце 1923 г. проживала гр. Ольга Семеновна Чумакова, занимая совместно с другими жильцами небольшую квартирку старого дома, заселенного, как и большинство домов этого района,

преимущественно рабочими, занятыми или работающими на окрестных фабриках. В соседстве с ней, в другом доме, проживала ее мать, находившаяся на иждивении другой дочери, Ксении Сергеичевой, работавшей на лакокрасочном заводе.

Сама Ольга Чумакова уже давно находилась без работы, зарегистрирована была на бирже труда как безработная и жила на свои имевшиеся у нее кое-какие сбережения. Около 10 лет назад Чумакова потеряла мужа и, оставшись вдовой в возрасте около 30 лет, продолжала работать на одной из фабрик, где познакомилась с демобилизованным рабочим, москательщиком по профессии, Романом Григорьевичем Григорьевым. В 1918 г. Чумакова сблизилась с Григорьевым во время одной из поездок за продуктами и после того находилась с ним в связи около 5 лет. Григорьев был женат и имел 5 человек детей. Скрывая свою связь от жены, Григорьев приходил на квартиру к Чумаковой, оставаясь иногда у нее и ночевать.

Однако в июле месяце 1923 г. между Григорьевым и Чумаковой произошла ссора, закончившаяся разрывом: Григорьев самовольно взял у портного, живущего в одном доме с ним, костюм, заказанный Чумаковой из ее материи, и присвоил этот костюм себе. Чумакова подала жалобу в народный суд, обвиняя Григорьева в присвоении принадлежащего ей костюма. Так дело шло до зимы; Григорьев у Чумаковой не бывал, и связь у них прекратилась. Между тем на 7 декабря было назначено в нарсуде дело Чумаковой с Григорьевым. Накануне этого дня Чумакова сообщила проживающим с ней в одной квартире гр. Юрасовой и Ивановой, что она помирилась с Григорьевым, так как он ей «покорился», что суд с ним она прекращает. Об этом же она сказала и своей сестре и матери, вместе с тем сообщив им неожиданную для них новость, что она уезжает с Григорьевым на его родину, в Смоленскую губ., куда он зовет ее к своим родным, где они построят себе свой дом, для чего она и берет с собой свои последние сбережения и ценные вещи.

7 декабря Чумакова на суд не пошла, а 9 декабря, в воскресенье, она упаковала в корзину свои пожитки, собрала ценные вещи, в том числе имевшиеся у нее несколько золотых монет по 10 руб., 8 червонцев денег, часы с шейной цепочкой, три золотых кольца с камнями и т.п. и уехала на извозчике на Виндавский вокзал.

Через некоторое время, однако, сестра и мать Чумаковой узнали, что Григорьев находится в Москве и никуда не уезжал.

Так как в течение трех недель с отъезда Чумаковой никаких сведений о местопребывании ее родные получить не могли, то мать Чумаковой обратилась 3 января с заявлением в отделение милиции, прося произвести розыски ее исчезнувшей дочери. Опрошенный милицией Григорьев объяснил, что он с июля месяца покончил всякие сношения с Чумаковой и с тех пор с ней не видался и сам он никуда в декабре не уезжал. Близкие соседи Григорьева подтвердили, что Григорьев с 5 декабря никуда из дома не отлучался и не выезжал.

15 января сестра Чумаковой, Ксения Сергеичева, подала в Московский уголовный розыск новое заявление, прося произвести следствие по делу об исчезновении ее сестры, указав при этом, что хотя Григорьев и утверждает, что он с июля месяца не встречался с ее сестрой, однако есть свидетели, которые могут удостоверить, что они видели Григорьева вместе с ее сестрой накануне отъезда сестры.

В дальнейшем МУУР'у удалось установить, что Ольга Чумакова убита.

Прежде всего, как и следовало это сделать, опросами близких лиц, живших в соседстве в одной квартире с Ольгой Чумаковой, были подробно выяснены все

события последних дней, предшествовавшие отъезду Чумаковой, при этом было установлено следующее.

В начале декабря к Ольге Чумаковой приходил в течение нескольких дней, почти ежедневно, племянник Григорьева, Степа, который оставался у Чумаковой до 11—12 час. ночи, играл в присутствии мальчиков, живущих в квартире Чумаковой, Кости и Миши Слуховых, на балалайке, принадлежащей одному из этих мальчиков, звал «тетю Олю» к себе в деревню. Накануне дня, назначенного в нарсуде для разбора дела Чумаковой и Григорьева, т.е. 6 декабря, тот же Степа (как оказалось, действительно, племянник Григорьева, Степан Нефедов Кудрявцев) вечером приходил в квартиру Чумаковой, вызвал ее из комнаты, после чего Чумакова ушла с ним в пивную, откуда вернулась в 7 час. вечера и по возвращении рассказывала живущей в этой же квартире Анне Ивановой, что помирилась с Григорьевым. После того, уже 8 декабря, часов в 5 вечера, сам Григорьев приходил вместе с Чумаковой в ее квартиру, но пробыли они в квартире только минут 10, после чего вышли, а затем Чумакова, по-видимому, что-то забывшая взять, сейчас же вернулась и опять ушла.

Опрошенный агентом МУУР'а Григорьев продолжал утверждать, что он с июля месяца порвал всякую связь с Чумаковой и с ней не встречался нигде, если не считать случайных встреч на бирже труда, что ничего об отъезде Чумаковой он не знает, что же касается племянника его, Степана Кудрявцева, то, действительно, последний приезжал к нему из деревни 2 декабря, в надежде здесь найти какую-нибудь службу, но 7 декабря уехал из Москвы обратно в деревню. Произведенным в квартире Григорьева 1 февраля обыском ничего подозрительного обнаружено не было и никаких вещей, принадлежавших Чумаковой, найдено не было, а свидетели, знавшие близко обиход Григорьева, продолжали утверждать, что Григорьев в декабре никуда из Москвы не уезжал. То же самое подтвердила и жена Григорьева.

Все указанные выше обстоятельства внушали основательное подозрение против Григорьева, однако никаких прямых улик против Григорьева в убийстве Чумаковой не было, да и самый факт возможного убийства Чумаковой ничем не подтверждался: никаких сведений о нахождении в Москве трупа убитой женщины, похожей по приметам на Чумакову, не было.

Представлялось вероятным, что Чумакова могла быть убита не в Москве, а в пути, причем в этом деле мог принять какое-то участие Степан Кудрявцев.

МУУР'ом был командирован агент уголовного розыска в Смоленскую губ., на родину Григорьева, в дер. Поповцево, Монинской вол., Бельского уезда, куда уехал приезжавший в Москву в начале декабря племянник Григорьева Степан Кудрявцев. Произведенным там дознанием, и в частности опросами Степана Кудрявцева и отца последнего, Нефедова Кудрявцева, 8 февраля 1924 г. удалось лишь установить, что Степан в конце ноября поссорился со своим отцом и уехал без его ведома в Москву, а когда отец его, предполагая, что сын находится в Москве, написал Григорьеву письмо, чтобы он присылал сына домой, то Степан и вернулся домой, приехав в деревню около 8 декабря. Сам Степан Кудрявцев объяснил при этом, что в бытность его в Москве он действительно был у Чумаковой раза три, что познакомился он с ней в этот же приезд в Москву совершенно случайно на рынке. Обыск, произведенный у Кудрявцевых, никаких результатов не дал.

Внезапное исчезновение Ольги Чумаковой 9 декабря 1923 г. из Москвы оставалось, таким образом, загадкой. Предположение, что Чумакова могла быть убита на пути из Москвы при участии Григорьева и Кудрявцева, представлялось, однако, весьма вероятным. С одной стороны, не возникало сомнения в том, что Чумакова выехала из дома с намерением ехать с Григорьевым к нему на родину, куда за два дня уехал Кудрявцев, и что Григорьев и Кудрявцев виделись последние дни перед отъездом с Чумаковой. С другой стороны, представлялись чрезвычайно подозрительными объяснения Григорьева, отрицавшего почему-то свидание с Чумаковой накануне отъезда ее, и объяснение Кудрявцева о необычно странном знакомстве с Чумаковой на рынке и посещениях ее перед отъездом из Москвы.

Однако при отсутствии в деле других улик, при отрицательных результатах обысков, произведенных у заподозренных лиц, и, наконец, при полном отсутствии сведений о смерти Чумаковой, которая бесследно исчезла, не могло быть и речи о привлечении в качестве обвиняемых в убийстве Чумаковой Григорьева и Кудрявцева. Перед уголовным розыском стояла трудная задача обследовать путь, по которому могла направляться по железной дороге Чумакова, выяснить, с кем она могла ехать и не выезжал ли действительно с ней из Москвы Григорьев, который мог вскоре и вернуться обратно. В этом направлении и были в дальнейшем произведены розыски агентом МУУР'а, командированным из Москвы на родину Григорьева.

В деревню Поповцево, Бельского уезда, Смоленской губ., путь из Москвы лежит по Московско-Белорусско-Балтийской жел. дор. от Виндавского вокзала до ст. Нелидово, а далее до деревни Поповцево по грунтовой дороге около 30 верст.

После безуспешных розысков в деревне Поповцево агент МУУР'а путем расспросов на ст. Нелидово попытался выяснить, какие лица 10 декабря, т.е. на другой день выезда Чумаковой из Москвы, прибыли с московским поездом на эту станцию и где обычно приезжие, направляющиеся дальше отсюда на лошадях, останавливаются для отдыха. Оказалось, что на ст. Нелидово имеется дом для проезжающих, нечто вроде гостиницы, который содержит вдова крестьянина Вера Михайловна Чумарова со своей матерью. Из расспросов Чумаровой 9 февраля удалось узнать, что 10 декабря в 7 час. утра пришли к ней двое проезжих — мужчина и женщина, которые остановились у ней выпить чаю и заняли комнату в верхнем помещении ее въезжего дома, а так как к Чумаровой обращались извозчики с предложением отвезти пассажиров, то она спросила приехавшую женщину, не нужен ли им извозчик, на что женщина ответила, что за ними приедет на лошади племянник их, и, действительно, часов в 10 утра за этими проезжими приехал молодой человек, лет 17, который спросил, здесь ли остановились москвичи — «дядя Роман», на что она, Чумарова, ответила, что какие-то приезжие находятся наверху, куда и направился этот молодой человек, а вскоре затем мужчина и женщина с этим молодым человеком и уехали. Подробное описание внешности приезжих, со слов Чумаровой, совпадало с приметам Чумаковой и Григорьева. Мать Чумаровой, старушка, объяснила, что она также видела этих проезжих, когда они выходили все вместе с молодым человеком, приехавшим за ними на лошади, и сели в сани, причем она обратила внимание, что люди эти хорошо одеты, а лошадь, на которой они уезжали, сероватой масти или чалая, была худая.

По предъявлении агентом розыска серо-чалой лошади Кудрявцева из дер. Поповцево мать Чумаровой категорически опознала ее за ту самую лошадь, на которой уезжали приезжие москвичи со станции Нелидово, вместе с тем обе Чумаровы признали в предъявленном им в тот же день Степане Кудрявцеве того молодого человека — «племянника», который приезжал 10 декабря за приезжими — мужчиной и женщиной.

Удачные розыски, направленные по правильному и точно намеченному пути, сразу приблизили расследование к конечному пункту: труп убитой Чумаковой после этого можно было ожидать найти только по дороге от ст. Нелидово на пути к дер. Поповцево.

Еще за день до опроса Чумаровых агентом уголовного розыска по прибытии на ст. Нелидово собирались сведения, не было ли обнаружено в районе прилегающих к станции местностей в декабре месяце трупа женщины, причем были получены сведения, что в 7 верстах от станции Нелидово, в Цоткинской волости, в стороне от дороги, близ дачи Резникова, около 10—15 декабря был найден труп неопознанной никем женщины с разрубленным черепом, который и был похоронен.

Представителем МУУР'а немедленно телеграммой было затребовано из Бельского уездного уголрозыска дознание по делу о найденном трупе неизвестной женщины.

Актами этого дознания устанавливалось, что 12 декабря проезжавшими из дер. Лепешихи к ст. Нелидово двумя крестьянами в лесу, в стороне от дороги, в 3—4 сажнях от нее, за канавой был найден труп убитой неизвестной женщины. Лицевая часть головы трупа, как видно из акта, осмотра трупа, совершенно отсутствовала, по-видимому, была отрублена топором, так что опознать личность трупа было нельзя; черепная кость раздроблена на мелкие куски. Верхнее платье и головной убор на трупе отсутствовали; сверх же нижнего белья на трупе оказалась одетой ситцевая белая черными точечками кофта, на шее серебряный крестик с цепочкой. Около трупа найдены женская приколка, искусственная челюсть с 14 зубами, одна сережка и женская гребенка. На шее в области гортани была обнаружена зияющая поперечная рана.

Вызванной из Москвы сестре Чумаковой Ксении Сергеичевой агентом розыска был предъявлен изъятый из земли труп этой неизвестной женщины, причем Сергеичева определенно опознала в этом трупе свою сестру Ольгу Чумакову, а в вещественных доказательствах, найденных на трупе и при нем, признала вещи, принадлежавшие ее сестре.

В дополнение к этим достаточно веским прямым уликам, изобличающим Григорьева и Кудрявцева в убийстве Чумаковой, агентом розыска были, кроме того, добыты новые.

По возвращении в Москву с полученными результатами вполне раскрытого дела агентом МУУР'а была наведена справка по вопросу о порядке выдачи плацкарт лицам, едущим по железным дорогам, причем было установлено, что плацкарты выдаются пассажирам без представления ими личных документов, но с обязательным опросом их фамилий, причем билетным кассиром при выдаче билетов на скорые поезда фамилии записываются как на плацкарте, так и на корешке. После этого при осмотре 14 февраля в архиве отдела сборов правления

М.-Б.-Б. жел. дороги агентом были обнаружены и приобщены к делу два корешка от плацкарт от 9 декабря на поезд № 7, ваг. № 2, на которых на обороте были карандашом помечены фамилии: на одном «Чумакова», на другом «Григорьев».

Эти доказательства, собранные в процессе расследования в пределах г. Москвы и Смоленской губ. в течение времени менее месяца путем целого ряда быстрых поверочных следственных действий, произведенных агентом МУУР'а, были вполне достаточны для привлечения Григорьева и Кудрявцева в качестве обвиняемых.

Наконец, 15 февраля агентами МУУР'а был произведен у Григорьева новый обыск, при котором в погребе под бочкой с капустой в земле были найдены спрятанными 47 штук золотых монет по 10 руб. и дамские золотые часики.

По объяснению жены Григорьева деньги золотом были нажиты лично ею еще в мирное время и спрятаны ею в погребе после ареста мужа по настоящему делу; точно так же ей принадлежат и золотые часы. По предъявлении же золотых часов Ксении Сергеевской, последняя признала их принадлежащими покойной сестре ее Ольге Чумаковой.

В дальнейшем задержанные органами МУУР'а обвиняемые Григорьев и Кудрявцев были вновь допрошены и дали новые объяснения, причем Григорьев отрицал свое участие в убийстве Чумаковой, утверждая, что хотя он действительно поехал с Чумаковой к себе на родину, где хотел поселиться с ней, но при выезде со ст. Нелидово на лошади, на которой за ними приехал племянник Степан Кудрявцев, он, Григорьев, был совершенно пьян и заснул, а когда очнулся, то увидел себя лежащим в снегу на дороге у моста, недалеко от ст. Нелидово, после чего встал, вернулся на станцию и уехал обратно в Москву, думая, что ему изменила Чумакова и уехала с племянником. Кудрявцев же при новом допросе подтверждал свои прежние объяснения, отрицая свое участие в убийстве, говоря, что он даже и не приезжал на ст. Нелидово за дядей и Чумаковой. И только позднее, уже на предварительном следствии, Кудрявцев дал новое показание, объяснив, что когда они выехали со ст. Нелидово, то дядя его был пьян и заснул и, когда они проехали верст семь, то ему внезапно пришла мысль убить Чумакову за то, что она разрушила семейную жизнь дяди; в это время они ехали лесом; боясь, что дядя помешает ему убить Чумакову, он, Кудрявцев, вывалил дядю из саней, после чего ударил топором 3 раза по голове Чумакову и, заметив в это время ехавших по дороге людей, выбросил вещи Чумаковой из саней, а сам вернулся домой.

Таковы в общих чертах последовательные этапы произведенного агентом МУУР'а расследования дела об убийстве Чумаковой, окончившегося полным раскрытием этого хитро задуманного корыстного убийства.

Освещенное со всех сторон в процессе дознания, это дело со стороны следователя, к которому поступили материалы расследования, потребовало лишь дальнейшего оформления дела и производства, в порядке 109 ст. Угол.-проц. код., отдельных следственных действий; предъявления обвинения обвиняемым, допроса их и составления обвинительного заключения. При этом была привлечена и жена Григорьева по обвинению в укрывательстве убийства по 16 и 142 ст. Уг. код.

Смоленским губ. судом Григорьев и Кудрявцев были приговорены к лишению свободы со строгой изоляцией — первый сроком на 10 лет, второй на 8 лет; жена Григорьева была признана по суду оправданной.

Мы остановились на этом деле как на весьма характерном показательном примере образцово проведенного расследования.

С технической стороны, с точки зрения выполнения необходимых приемов собирания и установления доказательств лицом, производившим расследование, это дело представляет образцовый пример планомерного расследования, в котором все внимание было направлено на установление отдельных моментов исследования, которые могли иметь естественную связь между собой и превратить только предположения, возникшие в начальный момент расследования, в событие безусловно достоверное.

Полное обследование событий, предшествовавших исчезновению Ольги Чумаковой в Москве, определило план расследования и направление, в котором нужно производить дальнейший розыск. Поездка в Смоленскую губернию наметила район, в пределах которого только и могли быть найдены концы преступного события. Установление факта проезда через ст. Нелидово 10 декабря москвичей, похожих по приметам на потерпевшую и подозреваемых, указало место, где нужно искать труп исчезнувшей Чумаковой. Предъявление приметной лошади Степана Кудрявцева и его самого свидетельницам Чумаровым закрепляло достоверную связь между исследуемыми событиями и давало ряд новых неопровержимых доказательств, подтверждающих возникшее подозрение.

Нахождение трупа и установление тождества личности убитой с личностью Чумаковой привело расследование к конечному моменту, связавшему все отдельные эпизоды исследуемого события опять-таки в единую цепь достоверных фактов. Нужно было далее установить промежуточный момент пребывания в пути Чумаковой из Москвы до ст. Нелидово и установить, кто же сопровождал ее до ст. Нелидово, — и инспектором розыска находятся в железнодорожном архиве именные плацкарты ехавшей из Москвы Чумаковой и ее спутника — Григорьева.

В результате цепь достоверных доказательственных улик тесно смыкается вокруг изобличенных подозреваемых, а новый обыск у Григорьева подкрепляет всю совокупность доказательств, давая новую улику и отрезав всякую возможность для обвиняемых отрицать факты, бесспорно установленные дознанием. Здесь в порядке дознания и розыска не было произведено ничего лишнего, не было допущено никакого промедления, а в процессе собирания и установления доказательств неумолимая уголовная логика шла рука об руку с простейшей техникой выяснения и закрепления существеннейших моментов дела, дававших полноценный материал для установления достоверных, истинных фактов и для всесторонней оценки собранных доказательств.

В следственной обработке добытых материалов расследования здесь уже почти не было надобности; вся техника раскрытия преступления простейшими методами, имеющимися в распоряжении розыскного аппарата, нашла в этом деле полное и достойное подражания отражение.

«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» НА КОЖЕ, ИЛИ ПОДСКАЗКА КРИМИНАЛИСТУ¹

Зачем нужно портить себе кожу, терпеть боль от того, что ее протыкают иглы? Например, чтобы быть похожим на других. Или, наоборот, носить на себе импровизированный знак отличия, который никуда не денется с годами, не смоется и не сотрется.

Татуировка — это своеобразное отражение внутреннего мира человека. Говорят, что человека «прочитать» невозможно, но прочитать надписи на спине, на голове, на шее, на ноге — это реально!

Сегодня с помощью психолого-криминологического исследования смысла татуировок можно получить информацию о свойствах личности, имеющую значение для эффективного расследования преступлений.

Нательные рисунки с использованием красящих веществ, вводимых под кожу, появились в Европе в начале XIII в. Их использовали балаганные артисты, демонстрируя перед публикой разукрашенное тело. Предполагают, что родина татуировки — Гаити, где племена отмечали нательными символами совершеннолетие, юбилеи, половую зрелость. «Импортировал» ритуальную достопримечательность мореплаватель Кук. Слово «татуировка» произошло от полинезийского «тату» (рисунок).

Криминальный мир

Нательная символика использовалась уголовным миром как средство связи и носитель информации. Татуировка стала своеобразной визитной карточкой преступника, которую трудно испортить, а еще труднее потерять.

По наколкам в криминальном мире делили людей на «своих» и «чужих», на воров и фраеров. В нательной символике отражались криминальное прошлое, число судимостей, отбытый или назначенный по судебным приговорам срок, воровская масть (тюремная каста, занимающая строго свое место в криминальной

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

пирамиде), отношение к административным органам, склонности, характер, национальность, вероисповедание, сексуальная ориентация, место в уголовной иерархии и даже эрудация.

Начиная с 30-х гг. прошлого столетия в Советском Союзе татуировки начали изучать, потому что они стали своеобразным орудием уголовного мира. Ни в одной стране мира зэки не были настолько сине-фиолетовыми, как у нас (конкурировать с ними могли лишь японские якудзи или воины китайских триад). Корни этого феномена кроются там же, где и корни всей тюремно-лагерной субкультуры.

Распространение клейма на теле преступников началось по инициативе государственных органов много веков назад. Отличительный знак обычно наносился на лицо (у женщин — на грудь или плечо) и мало чем напоминал произведение искусства. Скажем, на лбу российского каторжанина выжигался знак, в котором угадывалось слово «кат».

Со временем уголовный клан фактически помог сыскным структурам, так как сам стал метить своих представителей. Нательный рисунок имел скрытый смысл и указывал прежде всего на принадлежность к конкретной преступной группе. Это помогало быстро установить связь с вором своей масти.

Развитие нательной символики длилось почти полвека, и к середине XX в. криминальный мир имел свои законы татуировки. Тогда же утвердилось жесткое право на ношение определенного рисунка согласно статусу в тюремно-лагерной системе. Тело зэка превратилось в его личное дело, которое прочитать мог далеко не каждый. Шла регулярная борьба за достоверность символики, за чистоту нательной информации. «Самозванцы» строго наказывались, вплоть до членовредительства или «опускания». За «симуляцию» лагерного авторитета могла последовать даже смерть. Блатари пытались защитить свои наколки от подделок, изобретая новые символы, неприметные, но обязательные детали рисунка.

Однако лагерная живопись не была догмой. Изобразительное творчество поощрялось, зэки с удовольствием наносили репродукции картин и фотографий, клялись на своем теле в любви и верности дамам, напоминали о мести за измену, благодарили страну и вождей за «счастливое детство» и т.п. Но существовали символы, за которые их владелец обязан был отвечать. Особенно ненавидели приклатненных, тех, кто старается подражать или выдает себя за вора.

Многие молодые парни безо всякого тайного умысла в романтическом порыве выкалывали безобиднейшие,

на первый взгляд, рисунки — обнаженных женщин, кошек, кинжалы и проч. Они даже не пытались кого-либо копировать, а лишь предавались своим буйным фантазиям. Когда парни по капризу судьбы попадали в зону, то в первые же дни во время водных процедур их ждала неожиданность...

Единой систематизации татуировок не имеется. Классифицировать их можно по многим признакам. В первую очередь — по тематике рисунков, среди которых встречаются религиозные, лирические, исторические, политические, порнографические. Часто тематика переплетается: исторический сюжет подается в порнографическом исполнении, религиозные соседствуют с политическими (горящее распятие с надписью «Верь в Бога, а не в коммунизм») и т.п.

Татуировки разделяют и по расположению их на теле. Самым популярным местом для живописи остается грудь. На ней размещаются обнаженные женщины, соборы, лики святых, библейские персонажи, черепа, животные (в том числе тигры и львы), черти, могильные кресты, распятия, портреты вождей, птицы, пауки, звезды лагерных лидеров, рыцари и гладиаторы.

Спина служит для изображения церковных колоколов, подков, пауков, музыкальных инструментов, скелетов, гладиаторских поединков. На руках и ногах выкалывают кинжалы, змей, кандалы, якоря, корабли, опять-таки пауков, наколенные звезды «отрицал» (зэков, которые враждуют с администрацией колонии (тюрьмы), а на воле — с правоохранительными органами; «отрицалы» принципиально не работают ни в неволе, ни вне мест лишения свободы).

И, наконец, голова. На лоб наносят свастику, все тех же пауков, аббревиатуры, короткие фразы, цифры (даты или статьи уголовного кодекса). Текстовые татуировки (аббревиатуры, афоризмы и блатные изречения) встречаются на всех частях тела, включая веки.

Вот некоторое толкование татуировок на теле зэка.

Изображения монастырей, церквей, соборов, Девы Марии, святых и ангелов (обычно на груди и спине) означают принадлежность к воровскому миру и приверженность его «понятиям». Татуировки в виде черепов, в некоторых местах сопровождаемые изображением улетающего ангела, говорят о том, что заключенный был осужден за убийство. Гроб — еще один знак убийства, в нем хоронят убитого.

Восьмиконечные звезды — эмблемы вора-авторитета, живущего по «воровским понятиям». Существует много вариантов «воровских» звезд. Линии внутри концов звезды означают, что обладатель татуировки нес военную службу, но бросил ее и

ушел в криминал, буквально татуировки таких заключенных читаются как «Я презираю армию».

Во многих мужских татуировках фигурируют женщины. При этом рисунок совсем не обязательно символизирует любовь или лирические чувства. Для уголовной живописи характерно отсутствие смысловой привязки к рисунку или тексту. Полуобнаженная женщина с цветком может символизировать жестокость, благозвучное «БОГ» означает «Был осужден государством», «МИР» — «Меня исправит расстрел», а наколка кота указывает на «коренного обитателя тюрьмы».

К разновидности криминальных татуировок относятся «насильственные» татуировки, наносимые в местах лишения свободы под угрозой физической расправы и даже смерти. Прежде всего следует отметить татуировки, сделанные проигравшимся в карты и не оплатившим карточный долг. Как правило, это порнографические татуировки, выполненные профессиональными художниками — та-

туировщиками, оплатить работу которых должен опять же карточный должник. Татуировки эти относятся к числу редких, так как насильственно татуированные лица, освободившись, стремятся первым делом избавиться от позорного клейма. Например, «крылатое колесо» — «масть-хозяйка», т.е. прачечник из числа опущенных; «три точки на лбу», «круг с точкой внутри» — петух...

К другой, еще менее «почетной», группе насильственных татуировок относятся наколки, насильственно сделанные осужденным по «грязным» статьям — за изнасилование, мужеложство, растление несовершеннолетних, а также уличенным в «неблаговидных» поступках в местах лишения свободы — в стукачестве, сотрудничестве с администрацией, в краже у своих

и т.п. Наносятся «насильственные» татуировки обычно на спину, реже — на ягодицы. В старых «воровских» зонах насильники могут быть татуированы на лбу, щеках, веках. Как правило, подобные татуировки можно увидеть и скопировать только в местах лишения свободы.

Особое место среди лагерных татуировок занимают звезды. Согласно блатным традициям, звезды авторитетов текстами не сопровождаются. К отличительным знакам лагерной элиты также относятся эполеты и погоны, удостоверяющие право на применение силы.

Спецподразделения

Татуировки как результат приобщения человека к определенным групповым ценностям не всегда свидетельствуют о криминальном прошлом субъекта, но могут отражать иные социально-ролевые функции их обладателя. Так, большинство из тех, кто прошел воинскую службу, особенно ценят армейские татуировки. Для них они имеют большое значение.

Подобные татуировки являются символом сплочения людей, воинских подразделений (рот, полков и т.п.). Они говорят о том, «свой» это человек или нет, о его принадлежности к конкретному подразделению.

Это говорит о том, что смысл татуировки всегда однозначен, а сама татуировка необходима, чтобы идентифицировать воинскую принадлежность человека, а иногда оставить информацию о группе крови или резус-факторе на случай непредвиденных ранений.

В этом и заключается основное различие: обычный человек может выбирать разные изображения и вкладывать в это свой смысл. Поэтому, даже если найдутся два человека с одним и тем же рисунком, то для каждого из них он будет иметь свое значение. Армейские татуировки более жесткие и категоричные, не оставляют свободы фантазии. К примеру, разведчики вообще не имели права носить татуировки, чтобы не выдать лишней информации о себе.

Вместе с тем Главное разведывательное управление имеет в своем арсенале татуировки. Одной из самых заметных из них является летучая мышь. Это животное — фактически символ ГРУ. Некоторые сотрудники разведки, имеющие за своими плечами большой опыт работы, предпочитают надевать броши в форме летучей мыши вместо нанесения на свое тело соответствующих татуировок.

Татуировки эсэсовцев

Существует множество легенд о специальных татуировках, которые наносились военнослужащим войск СС (нем. *die Waffen-SS*), охранных отрядов национал-социалистической партии, особых элитных воинских частей, находившихся под личным командованием Гимmlера. То, что такие татуировки были, — факт, а вот как они выглядели, куда именно наносились, информация об этом часто окружена мифами.

Военнослужащим СС делали татуировки принудительно. Клеймо СС (в виде сдвоенной руны «зиг») выкалывали подмышкой, на ладони, на нёбе. А еще чуть выше локтя ставили букву, обозначающую группу крови. Это делали с целью спасения солдата, если

тот находится в бреду — врачам было понятно, какую кровь можно переливать раненому.

При первом же осмотре легко было увидеть данное клеймо. Попытки выведения татуировки даже при благоприятном исходе оставляли шрам, который на подобном месте вызывал вполне понятные подозрения.

Но по иронии судьбы именно эти татуировки становились смертельным приговором, когда солдаты СС попадали в плен, даже к союзникам СССР в войне, — такова была ненависть к этому подразделению.

Некриминальные татуировки

В Российской империи татуировки особенного распространения не получили. Моду на тату завезли моряки. Они обратили внимание на традицию своих британских и французских коллег.

Родоначальником этой традиции, как ни странно, стал последний русский царь Николай II. Еще цесаревичем он побывал в Японии. Там на него совершили покушение. Но, кроме шрама на голове, будущий царь увез из Страны восходящего солнца и татуировку в виде дракона. Прознав об этом, родственники царя и ближайший круг стали подражать Николаю, нанося на тело разные «картинки».

После революции татуировка впала в немилость. Всю советскую историю татуировки находились на «полулегальном положении». Считалось, что носить татуировки могли или солдаты-срочники, или уголовники. Но чаще — вторые. «И на левой груди профиль Сталина, а на правой — Маринка анфас», — пел Владимир Высоцкий, имея в виду, конечно же, как говорили в СССР, наколку.

Поэтому на тех, кто набивал себе татуировку, власти СССР смотрели заведомо с подозрением. Причем была прямая ассоциация: есть татуировка — значит, сидел. Негласное табу спало, когда молодежь стала активно и массово путешествовать по миру, смотреть на сверстников в других

странах, и тату превратилось в модный рисунок на теле. Год за годом вид и размер татуировки менялся, зачастую «нормой» стало покрывать ими все тело.

В известной песне «Дядя Витя» есть слова:

*И под майкой прятал от жильцов
Данные испорченной анкеты —
Божий храм с пятеркой куполов,
А под ним кандалные браслеты.*

В отличие от «Дяди Вити», сегодня татуировки не прячут, а делают напоказ. Декоративно-бытовые татуировки стали модным трендом. Их охотно демонстрируют спортсмены, артисты и даже политики.

Индустрия тату, воспринимаемая обществом в качестве украшения физического тела, стала частью массовой культуры. В большинстве стран мира существуют различные организации, занимающиеся созданием эскизов, производством красок, чернил, инструментов и прочего оборудования, необходимого для нанесения татуировок, косметических средств по обработке игл, машинок, столов, самих татуировок и пр.

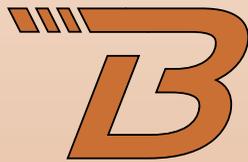

Во многих крупных городах сегодня работают тату-студии и салоны, открыты учебные курсы и заведения для будущих тату-мастеров. Количество людей, имеющих хотя бы одну татуировку на своем теле, ежегодно увеличивается. Среди психологов и врачей уже появилось такое понятие, как тату-зависимость, от которой страдает не так уж и мало людей по всему миру.

Сегодня мода на тату переживает очередной всплеск. И убедиться в этом легко в летнее время, когда на открытых участках тела у многих горожан можно увидеть самые разнообразные изображения.

Наверное, некоторые пожалеют о том, что сделали татуировки, даже если они не выйдут из моды. Это неизбежно. Поэтому, прежде чем нанести татуировку на тело, хорошо бы как следует подумать.

ISSN 2311-5998

9 772311 599771 >